

ДАРЬЯ СОРОКИНА

МОИ

ТАЛАНТЛИВЫЙ

ВРАГ

Annotation

Я никогда не знала поражений, моя жизнь была искусно сыгранной скрипичной сонатой, если бы не он. Винсент Вестерхолт. Он сочетает в себе всё то, чего я отчаянно избегала. Он хаос, безудержная импровизация, игра не по нотам.

Но всё изменилось после нашей вышедшей из-под контроля дуэли. Теперь я изгой, а Винсент мой единственный шанс снова вернуться на сцену.

- [Мой талантливый враг](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
  - [Эпилог](#)
-

Мой талантливый враг

Глава 1

– Опять она натянула это убогое платье.

– Сочувствую тем, кто будет выступать после неё, жюри просто содохнет от тоски.

– Винс с ребятами её в лоскуты порвут.

Обычный день, обычный проходной конкурс, коих было уже сотни в моей жизни с тех пор, как я взяла в руки скрипку. Я не волнуюсь, не слушаю своих конкурентов, вожу смычком по воздуху, настраиваясь на выступление, и стараюсь игнорировать откровенные смешки своих главных и единственных конкурентов во главе с Винсентом.

Но даже у них нет шанса.

Отборочный тур для всех исполнителей един. Скрипачи, виолончелисты, пианисты, а капелла исполнители, музыкальные коллективы. Винсент Вестерхолт и его группа относились как раз к последним. Четверо весьма посредственных инструменталистов, которых свели вместе Великие Музы, чтобы уничтожить само понятие искусства. Не понимаю, как им удалось занять столько поклонников не только в нашей академии, но и за её стенами. Видимо, современный слушатель совершенно не имеет вкуса и здравого смысла. К счастью, сегодня в жюри не буйно-помешанные фанатки, а профессионалы, которые могут отличить настоящую музыку от вульгарной долбёжки и невнятного брэнчания.

Поморщилась, когда Винсент, красуясь перед девчачьим а капелла трио, исполнил на своей гитаре визжащее соло. Рваные ритмы, натужное звучание. Не играл, а буквально насиловал свой инструмент. Все вокруг с замиранием таращились только на него. Каюсь. Я тоже наблюдала, но не за тем как он трясёт своими черными патлами, не за гипнотизирующим блеском серьги на нижней губе, я следила за движениями его длинных пальцев. За тем, как легко и просто рождалась под ними едва сдерживаемая магия. Что-то разрушительное и болезненное, рвущееся наружу откровенными образами. Вестерхолт демонстративно не использовал медиатор, отчего звук казался

особенно грязным и мерзким до зубового скрежета, но в то же время глубоким и теплым, обволакивающим меня со всех сторон...

– Что-то не так, принцесса? – издевательски спросил он, следя за моим выражением лица. И сколько он уже на меня так смотрит? Давно перестал играть? Почему же чувство боли и безнадеги все ещё сковывает моё тело. Стряхнула с себя наваждение.

– Все в порядке, господин Вестерхольт. Вот только, – я вдруг изобразила легкий испуг, коснулась уха и поднесла кончик пальца к глазам. – Уф, показалась, что кровь из ушей пошла.

Улыбка не исчезла с лица Винсента, а превратилась в холодную усмешку. В темных глазах тоже не отражалось ничего хорошего. Но мне не привыкать, это уже не первая наша стычка. Как обычно обменяемся несколькими оскорбительными колкостями и разойдёмся. Я уйду с призом, а он с очередной поклонницей в обнимку. Великие Музы воздают всем по заслугам.

– Можешь лучше? – спросил Вестерхольт, снял с плеча гитару и с готовностью протянул мне инструмент. – Смелее, принцесса.

Я с опаской посмотрела на тяжёлый гриф, увенчанный головой кобры. Терпеть не могу змей. Почти все в академии в курсе моей фобии. Уверена Винсент заказал себе это украшение не красоты ради, а чтобы доводить меня перед выступлениями.

Прижала руки к груди и старалась сохранить невозмутимый вид, а ему нравилось наблюдать за моей секундной растерянностью. К счастью, громкие аплодисменты раздались из зала, а конференсье уже во всю представлял а капелла трио. Девушки кое-как очнулись от магического очарования Винса и засеменяли на сцену. Мне же это подарило время дать отпор.

– У меня свой инструмент, – я ласково погладила скрипку. – И тебя уделать я могу даже без смычка.

Зря я это сказала. Если раньше к моим пререканиям с Вестерхольтом все относились равнодушно, то сейчас только ленивый не повернулся, чтобы посмотреть на это.

– Так уделай меня прямо сейчас на сцене.

Я немного растерялась, но тут же ответила.

– Пьеса, которую я подготовила для конкурса, не рассчитана для пиццикато. Если хочешь дуэль, можем встретиться позже.

Раздались новые смешки.

– Винни, в этот раз ты себя превзошел, сама Елена ден Адель позвала тебя на свидание. Вот это поворот! – беззлобно пошутила Вивиан Вестерхолт.

Я мгновенно покраснела из-за слов сестры Винсента и поджала губы. Лучше молчать, пока они все мои слова не извратили. Молчи, Елена, молчи.

Винс оценивающе оглядел меня, а после с легким пренебрежением выдал:

– Не в моём вкусе.

Он никогда мне не нравился, и влюблена я совершенно в другого человека, но отчего-то сейчас стало обидно и горько.

– Хотя в порядке исключения могу уделить вам время, госпожа Адель. Вы же не настолько скучны как ваши идеальные до омерзения выступления.

Вестерхолт изобразил зевок. И как ему только челюсть не свело от этого кривляния?

Я горделиво вскинула голову.

– Мои выступления идеальны, потому что такой и должна быть музыка. Выверенной, чёткой, красивой, а не этот ваш скрежет, брэнчание и долбежка, – я все же не сдержалась и парировала его колкость.

– А ещё мёртвой, унылой и безэмоциональной, – Винсент загибал пальцы. – Посмотри записи своих выступлений, все же с трудом досиживают до конца. Конкурсы ты выигрываешь лишь благодаря своему папочке-министру. Нас обожают, а тебя... Тебя просто терпят.

Это уже было слишком! Оскорблять мою семью я ему не позволю!

– Забери свои слова, Вестерхолт, – пригрозила ему и крепче сжала скрипку.

– Заберу, как только ты выполнишь своё обещание уделать меня без смычка. Мы всё ещё ждем твоё фееричное пиццикато, – издевательски напомнил Винсент, а пение трио набирало обороты и почти достигло крещендо. Уже совсем скоро мой выход.

– Некогда мне тратить время на тебя время, убогий... – я слишком долго подбирала подходящее для него оскорбление и утратила своё мнимое преимущество.

– Маленькая папенькина дочка настолько правильная, что не может своим милым ротиком сложить плохое словечко, – продолжал глумиться Винс, и я не сдержалась.

– Убогий лабух! Ты и твоя команда только и можете что выступать по кабакам, заглушая чавканье посетителей. Профессиональная сцена не для таких как вы, не для тех? кто продался за звонкую монету, – я смерила его уничижительным взглядом и уже было развернулась, чтобы пойти к сцене, как услышала весьма зловещее:

– Никуда ты не пойдешь, принцесса. Ничего ты о нас не знаешь, – злобно шипел он.

В этот раз между пальцев Винсента появился медиатор, и жуткая мелодия стремительно начала разливаться по закулисию, она змеями расплзлась по полу и устремлялась прямо к моим ногам пугающими образами.

– Винсент, прошу! Что за детский сад? – Вивиан попыталась остановить своего брата, но по его охваченным магией глазам, я видела, что это ей не точно не удастся. Никому не удастся. Все то, что Вестерхольт так отчаянно сдерживал пару минут назад, прорывалась в этот миг, а я вольно или невольно стала проводником его гнева.

Попятилась от наколдованных змей, которые с каждым мгновением становились все реальнее. Они оставляли на полу влажные следы, шипели в унисон с музыкой и угрожающе обнажали ядовитые клыки.

С невероятным трудом я подавила панику. Шумно выдохнула, успокаивая дрожь в теле, вскинула скрипку на плечо и суетливым пассажем попыталась отразить атаку Винсента. Золотые стрелы одна за другой пронзали змей, которые корчились и издыхали в агонии. Я уже хотела ответить Вестерхольту победной улыбкой, как осознала, что ползучие гады были лишь отвлекающим манёвром. Пока я создавала разящие стрелы, мой противник нырнул в очередное соло, напоминавшее крик ястреба в пике. Всего на мгновение мои пальцы ослабили хватку, и когтистая лапа хищной птицы тут же вырвала у меня смычок.

– А вот теперь-то ты сыграешь нам всем своё хвалёное пиццикато, принцесса, – Вестерхольт пренебрежительно указал мне смычком в сторону сцены, где трио закончили своё выступление и принимали

восторженные аплодисменты. – Послушаем, как звучит твоя непродажная музыка.

Сейчас, глядя свой на драгоценный смычок, грубо зажатый в руке Винсента, выступление и наш спор были последними, о чем я тревожилась. Даже змеи не вселяли в меня такого ужаса, как неосторожное обращение с моим сокровищем.

– Отдай, – слабо попросила я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

– Я не слышу тебя, – он приложил ладонь к уху.

– Отдай, – повторила я уже громче, наступая на горло своей гордости. – Отдай, пожалуйста.

– Винни, ну в самом деле, – вмешалась его сестра. – Отдай ты уже девочке смычок.

– Нет, Ви, – отрезал Вестерхолт. – Ты слышала, как она нас назвала. Лабухи. По кабакам, значит, мы только можем.

С этими словами он провёл смычком по своей гитаре, словно по виолончели, извлекая скрежещущие звуки, которые пробирала меня до самого основания, выскребали из меня душу без остатка.

– Не надо, Винсент, – шептала я, захлебываясь невыплаканными слезами, потому что именно эти самые чувства я испытала впервые взяв скрипку. Мамину скрипку. Тогда, сжимая древко смычка, на котором я знала каждую трещинку, я представляла, что моей рукой водит мама. Но мамы рядом не было, и струны рождали болезненную мелодию, которую я пытаюсь заглушить годами практик.

Винсент не слышал. Он наслаждался моим страданием и унижением, и я, возможно, заслужила их за свои гадкие слова. Но не так.

– А сейчас на сцену приглашается Елена ден Адель. Дочь знаменитой Софии ден Адель в девичестве Хаслингер.

– Прошу, – безо всякой надежды попросила Вестерхолта.

– Мне надоело ждать, принцесса, – с этими словами он грубо зажал смычок между зубами и вдарил по струнам.

Меня отбросило волной почти на сцену, я потеряла равновесия, запуталась в полах своё концертного платья и упала.

Я уже не думала о смешках, не думала о том, что конкурс я скорее всего проиграю, что отец будет недоволен. Я смотрела лишь на белые

зубы Винсента, и его злой оскал, мне казалось в меня он впивается со всей яростью, а не в древяк смычка. Прямо сейчас он осквернял самое дорогое, что у меня было, он оставлял новые рубцы не только на инструменте, но и на моей и без того израненной душе.

– Елена Анна ден Адель, – повторил конферансье.

Я медленно поднялась на ноги, зажала скрипку подбородком и легко коснулась струн.

Пиццикато совсем не подходило моему состоянию, слишком веселой и непринуждённой рождалась музыка, больше напоминая разнузданное ярмарочное веселье. Но разве это важно сейчас важное? Важно вернуть смычок и наказать Вестерхольта.

Новые незнакомые мне до этого дня образы рождались под моими пальцами, они принимали форму крохотных птичек, которые словно рой насекомых устремились к моему обидчику, окружили его, щебетали в уши и пытались отнять смычок.

Винсент отмахивался от птиц, попутно вплетал в мою музыку свои грубые и надрывные мотивы, выпуская на волю ястребов, которые без труда истребляли моих пташек, а после рванули на меня, заставив попятиться на сцену. Пришлось сосредоточиться на своей игре. Мягче, быстрее, коварнее. Кого там бояться хищные птицы?

Я возбуждённо пощипывала струны, и со всех сторон начали сбегаться лисицы. словно неуклюжих домашних куриц они хватили ястребов Вестерхольта и трепали их. Несколько хищниц даже попытались куснуть Винсента, и ему пришлось отбежать. Мои существа гнали мерзавца ко мне на сцену. Но он не сдавался, выдал почти низкое, почти басовое звучание, и за его спиной материализовался медведь.

Лисы с пугливым скулежом метнулись в зал и растворились над головами изумлённых зрителей, оставив меня один на один со зверем и его создателем. Медведь неумолимо двигался на меня, ревел. Под ним стонало деревянное покрытие сцены. Когда зверь навис надо мной когтистой лапой, зал ахнул. Для всех это было частью какого-то представления, даже конферансье не до конца понимал, что происходит. Я же судорожно искала правильную пьесу.

Огонь!

Как же сложно сыграть его пальцами. Кажется сами струны начинают нагреваться и плавиться, и вот уже не без труда подобранные мотивы пламени обращаются в первые искры, они летят медведю на морду, сыплются на половицы, пляшут язычкам в темных глазах Винсента.

– Осторожно! – кричит он, несется на меня и утаскивает в сторону за миг до того, как сверху срывается горящая балка. Она падает прямо у наших ног, проламывая помост.

После нашего первого совместного выступления никто не хлопал, зрители в панике покидали зал, а мы с Вестерхольтом смотрели, как тлеет начавший опускаться занавес.

– Винсент! Елена! – прокатился рокотом над эвакуирующейся толпой голос ректора.

Нас сейчас накажут, или объявят победителями? Я поднялась на ноги, нервно сглотнула и наступила мыском туфли на язычок пламени, пытаюсь его затушить, а Вестерхольт стряхнул с плеча птичьи перья и помёт.

– В мой кабинет. Оба!

Глава 2

В кабинете Амадея Циммермана с трудом нашлось место для нас с Винсом. Комната скорее напоминала склад старых неработающих музыкальных инструментов и вышедших из строя граммофонов, чем приемную одного из самых уважаемых композиторов, историков и деятелей искусства. Тут и там бесценные коллекционные пластинки опасно нависали неустойчивыми горками, в углу рассыпана канифоль, а под ногами шуршали исчерканные нотные листы.

С тех пор как фрау Циммерман сбежала с лучшим другом нашего ректора, тот не мог написать ни единого этюда. Чудовищный непрофессионализм – вот так мешать чувства и творчество. Жаль, не нашлось никого во всей академии, чтобы сказать ему об этом. А меня от подобного комментария останавливал здравый смысл и грустный взгляд ректора. Всё же свою жену он любил действительно сильно.

– Садитесь, – рявкнул Амадей и попытался расчистить место на кресле и для себя.

Нам же с Винсентом досталась небольшая банкетка, на которой двое не поместятся так, чтобы не касаться коленями.

Скромно устроилась с краю, а вот Вестерхолт расположился чересчур фривольно, и даже ноги расставить умудрился. Я попыталась возмутиться, но смолчала. В конце концов здесь мы только по одной причине. Герр ректор обяжет Винсента извиниться за моё сорванное выступление, за издевательства, шутки и порчу смычка. Мне все ещё не хватало духу посмотреть на свой инструмент. Я увидела несколько новых отметин от зубов на дереве и с трудом сдерживала слёзы и желание продолжить нашу сорвавшуюся дуэль. Так сильно злил меня Вестерхолт.

– Думаю, вы прекрасно знаете, зачем я вас позвал.

Я нетерпеливо кивала, скорее бы они уже перешли к извинениям. Даже одним глазком посмотрела на Вестерхолта. Видок у него был ужасный. На лице нездоровая бледность, при каждом нервном глотке у парня дергался кадык. Удовлетворённо перевела взгляд на ректора и поправила подол платья, на котором остались досадные подпалины.

Винсент подал голос первым.

– Герр Циммерман, мне очень жаль. Я готов понести любое наказание, только позвольте моей команде выступить, они так ждали этого концерта. Мы много готовились, и я... Для Виви это очень важно, она тут не при чем, пусть ребята сыграют.

Звучало все это по-настоящему искренне, и я мгновенно растеряла всю свою кровожадность от этих слов. Надо же, Вестерхолт любит в этом мире кого-то сильнее, чем самого себя. То как Винс виновато опустил голову, как сжимал кулаки. Это не показное.

Амадей хмурился глядя на своего студента, и я не выдержала:

– Герр Циммерман, я готова принять извинения Винсента, более того, я считаю, что будет благородно с моей стороны позволить его команде выступить. Победы им это, конечно, не принесёт, потому что по совокупности оценок я все равно впереди даже с учётом сегодняшнего сорванного выступления.

Винсент медленно повернул ко мне голову, и во взгляде его читалось столько сожаления, что у меня зазвенело в груди.

– Ты готова принять мои извинения? – он повторил это немного не с той интонацией, на которую я рассчитывала. А ещё мне не понравилось с каким нажимом он выделил “ты”.

– Ну да. Ты помешал мне выступить, навязал дуэль, отнял мой смычок, натравил медведя, – сыпала я обвинениями, уже забыв чтобы собиралась простить ему все грехи.

– Ты оскорбила моих сокомандников, назвала нас кабачными лабухами! Герр Циммерман насколько такое приемлемо в нашей среде?

– Совершенно неприемлемые слова для юной особы в адрес коллег. Так и сказала? Лабухи?

Я прикусила язык, а Винсент продолжал:

– Ты бахвалилась, что уделаешь меня без смычка, я всего лишь помог тебе и подтолкнул к сцене, пока тебя не дисквалифицировали. Ты же чуть не опоздала на собственное выступление. Стояла за кулисами, тарасилась на меня как безумная.

Амадей терпеливо перевёл на меня взгляд, ожидая, что я отвечу на это. Мне все меньше нравится этот допрос и издевательские отговорки Вестерхолта.

– Медведь! Он сыграл медведя, который чуть меня не зашиб, герр Циммерман, примите меры, против этого... этого музыканта!

– Ты серьёзно думала, что я *на тебя* собираюсь натравить зверя? – спросил Винсент, склонив голову на бок. А ещё он опять странно выделил “тебя”. В этот раз с каким-то надрывом.

Очевидно он имеет в виду высокое положение моего отца. Обидит меня, займет кучу проблем. Только я же никогда отцу не жалуясь, он жутко занятой, да и без меня есть добрые люди, которые все ему докладывают.

– После змей я ждала чего угодно. Ты не мог не знать, как сильно я их боюсь, – сказала с неприкрытой обидой, словно Вестерхолт мне друг, который забыл о чем-то важном. Только не друзья мы.

– А вот за змей прости меня, Нана.

Меня словно молнией поразило. Не знаю от чего больше, от извинений Винсента, или от этого нежного Нана. Только один человек называл меня так, но её не стало. И с пяти лет я был кем угодно: фройляйн Адель, Елена, госпожа Елена ден Адель, дочь министра обороны. За мной зацепилось издевательское Принцесса музыки из-за моей маниакальной увлеченности и преданности искусству. Наной меня не называли очень давно.

Сжала в руках смычок, не сводя глаз с Винсента. Пальцы гладили новую крохотную отметину на дрове, а сердце всё ещё сжималось от этого пронзительного “Нана”.

Не нашла в себе сил ответить ему, слишком сильно стучало в висках.

Мы слишком долго молчали, глядя друг на друга, и ректор нетерпеливо прокашлялся.

– Насколько я понимаю, на сегодня ваш запал иссяк?

Я кивнула, всё ещё пытаюсь успокоить своё сердце.

– Хорошо. А теперь по существу. Вы сорвали конкурс, устроили потасовку на глазах уважаемого жюри, меценатов, преподавателей и студентов. Ваша взаимная ненависть всегда была деструктивной, но пожар? Вы устроили настоящий пожар на сцене. И после этого ты, – ректор указал на Винсента. – Хочешь, чтобы я позволил твоей группе выступить? Вот тебе моё нет. Пусть это будет уроком для тебя. С этого момента все, что ты сделаешь, будет отражаться на твоих сокомандниках.

Вестерхолт молча разглядывал свои сжатые кулаки, а у меня не было ни сил, ни желания злорадствовать. Никогда не видела его таким

подавленным.

– А ты... Вы, – поправил сам себя ректор. – Фройляйн Адель, вынужден с прискорбием сообщить вам, что вы так же снимаетесь с конкурса. Если у вашего отца будут по этому поводу возражения, или претензии, пусть он выскажет их мне лично, а не через письма с угрозами. В конце концов вас обоих можно было исключить после сегодняшнего. Но я добр, чёрт возьми. Добр. Пишите объяснительную.

Амадей протянул нам по мятому листку бумаги и по сточенному донельзя карандашу.

Я скромно подняла руку.

– Да, Елена.

– А какое у нас ограничение по количеству слов?

Винсент, уже успевший расположить листок у себя на колене, громко чихнул, маскируя слово “зубрила”.

– Нет ограничений, – благосклонно ответил герр Циммерман. – Можете поплакаться, обвинить очередной раз адепта Вестерхольта. Можете даже попросить меня отменить решение о вашем исключении из числа конкурсантов.

– А это сработает? – недоверчиво поинтересовался Винсент.

– Разумеется нет. Но вы же творческие люди, проявите фантазию и удивите меня своими записками.

– А есть какая-то установленная форма? – я все ещё нерешительно смотрела на свой чистый лист. – Я просто никогда не писала объяснительных...

– Серьёзно, Нана? – не выдержал Винс, и я в очередной раз ощутила в груди что-то сладко звенящее от этого простого обращения. – Ты даже тут симпровизировать не можешь? Теперь понятно, почему все спят на твоих выступлениях!

– Импровизация – отговорка для ленивых, – обиженно буркнула ему в ответ.

Странное чувство, но мне хотелось, чтобы он продолжил пререкаться со мной, чтобы ещё раз назвал по имени, но Вестерхольт лишь махнул рукой и продолжил писать свою объяснительную, которая больше походила на текст новой песни. Он там строчки рифмует, что ли?

– Принцесса-зубрилка решила списать? Совсем по наклонной пошла, Елена ден Адель, – Винсент прикрыл ладонью свой лист и

одарил меня неприятной усмешкой.

Были ли всему виной издевки Вестерхолта, дисквалификация с конкурса, адреналин после дуэли и возможное наказание от отца, но слова вдруг стали рождаться сами собой. Я сыпала обидами и претензиями, оправдывала свою несдержанность и... страсть. Замерла, закончив писать. Посмотрела на кончики своих пальцев словно в первый раз. Они до сих пор пульсировали от чего-то неведомого. Спонтанное пиццикато, чистая неразбавленная радость игры не по листу. Хочу ещё! Но будет ли?

Амадей молча забрал наши объяснительные, быстро прочитал обе записки, а затем остановил взгляд на Винсенте.

– Смело Вестерхолт, местами даже перебор с откровенностью, но мне нравится.

– Даже не сомневался, – горделиво вскинул голову Винсент.

– Может, стоит передать твоё сообщение адресату? Это решило бы многие проблемы и разногласия в будущем, – Циммерман не расставался с объяснительной, и теперь уже мне стало интересно, что же там такое. И почему Винса похвалили, а меня нет. Я тоже вообще-то старалась.

– Делайте что хотите герр ректор, мне уже давно все равно, – пожал плечами Вестерхолт и поднялся с места: – Я свободен?

– Свободен, – задумчиво повторил Амадей, сложил вчетверо наши листы и убрал себе во внутренний карман. – Ничего тебе не все равно, Винсент...

– И я свобода?

Циммерман недовольно уставился на меня, словно я ещё чем-то его разочаровала, затем его рука взметнулась к карману с записками, но он быстро себя одернул.

– Свободны, фройляйн Адель. Но я бы попросил вас взять с собой бубен. Вернёте позже.

– Бубен? – удивленно переспросила я.

– Он очень вам пригодится сегодня. А может и завтра. Пусть Великие Музы будут к вам благосклонны, Елена.

Рановато деменция настигла нашего ректора. Ему же нет и пятидесяти! Это неразделённая любовь лишает рассудка? Как жаль.

Бубен я все же взяла, чтобы не расстраивать Амадея, и скользнула в пыльный коридор, заставленный старыми газетами, кое как

перевязанными бечёвкой. Интересно, он их читал вообще? Или просто выписывает по привычке и хранит в академии? Пока я пробиралась сквозь завалы, металлические тарелочки весело позвякивали, отчего мгновенно рождалась магия и освещала мне дорогу. Может для этого её мне и дали?

У выхода темнел силуэт. На всякий случай тряхнула подарком от ректора и выхватила из мрака лицо Винсента.

– Я думала, ты уже ушёл.

Я прижала бубен к груди, надеясь, что наша дуэль не возобновиться, потому что здесь достаточно крохотной искры, чтобы старые сухие газеты вспыхнули.

Он молчал. Напряженно смотрел на меня и молчал. Искал новые колкости и оскорбления?

Стало неловко от этого взгляда, только спрятаться от него в узком коридоре было некуда. Да и не торопилась я за ту дверь, чутьё подсказывало, что мои неприятности только начинаются.

– Почему ты назвал меня Наной?

Винсент лениво поправил на плече ремень от гитары, но не собирался ни отвечать, ни уходить. Наверно мне должно было стать немного тревожно от происходящего. Вот обиженный на меня музыкант, темный коридор и подрагивающие металлические тарелочки, которые начинали опасно нагреваться.

– А тебе не нравится? – спросил Винсент так, словно ему было дело до того, что мне нравится.

– Просто странно. Никто так меня не зовёт.

Неловкость нарастала, и Вестерхолт сделал шаг мне навстречу.

– Никто? Даже этот, как же его, – Винс начал щелкать пальцами, словно пытался вспомнить что-то, и эти щелчки резонировали с металлическими тарелочками в моих руках. – Филипп, Фридрих, Франц...

– Флориан, – брякнула не подумав и тут же спрятала лицо за бубном. В этот раз от него разлетались уже красные искры.

Несколько все таки долетело до газет, но Винсент продолжал ритмично щелкать и гасить их.

– Точно-точно. Флориан Майер твой преподаватель по скрипке. Как это банально. Наставник и ученица. Герр ректор в курсе?

Как жаль, что нельзя вернуться к Амадею и переписать свою объяснительную, я бы не была столь сдержана в выражениях. Шантажировать меня решил?

– Между мной и Флорианом нет ничего такого! – ответила, проглатывая стыд.

И это было правдой. Герр Майер знал о моей давней и почти детской влюблённости, он никогда не смущал меня, не смеялся над моим чувством, был тактичен и добр. Но главное, не отказался учить меня, даже после моего наивного признания. А теперь Винсент хочет все опозлить. Не позволю!

– Все же вернусь к Циммерману и предупрежу его. Так будет правильно, – Вестерхолт потрянул черными волосами, затем пригладил их, готовясь к очередной встрече с ректором и шагнул ко мне на встречу.

– Нет! – Я вскинула руку с бубном перегораживая ему дорогу. Тарелочки вновь мелодично зазвенели, и Винс опять начал гасить искры щелчками, не переставая улыбаться.

Осторожно встряхнула кистью и новый более мелодичный звук наполнил коридор.

– Продолжай, – командовал он, перевешивая гитару. – Думай обо мне и продолжай играть.

Что? В своем ли он уме? Мои мысли о нём тлетворны и разрушительны, а мы в двух шагах от кабинета ректора.

– Будет ещё один пожар, Вестерхолт, и тогда нас точно исключат.

– Представь другой образ, сейчас тут нет медведя с занесенной над тобой лапой.

– Зато есть ты. А ты хуже любого медведя!

Улыбается, слегка касается струн, перебирает их нежно, смотрит мне в глаза.

– Нана...

Короткое сладкое слово, пульсирующее отголосками какой-то другой жизни. Рука сама собой взмывает вверх, плавно опускается вниз, рождая мелодию, которая совершенно не соревнуется с музыкой Винса, она вплетается в неё. С тела снова падают невидимые оковы, и я движусь в такт. Свободно и просто.

– Неплохо, принцесса, – Вестерхолт возвращает меня в реальность пыльного коридора-склада. – Запомни этот урок и эмоции.

Я не Флориан Майер, конечно же, – сказал с едва уловимой горечью в голосе, – но кое-что о настоящей музыке знаю. Не благодари.

– И не собиралась! – слишком резко ответила ему, прижимая предательский бубен к груди.

Ответь что-то. Продолжи эту перепалку. Почему мне так важно ругаться с тобой?

Вестерхолт молча повернулся к двери, ведущей в к главной анфиладе и пустил света в мрачное нутро ректорского жилища. Я даже поморщилась на мгновение. Вышла следом, потирая глаза, и тут же оглохла от смеси восторженных и гневных выкриков.

Радовались Винсенту, а моё имя звучало совсем с другой интонацией. С неприятным шлепками мне под ноги упали гнилые помидоры и забрызгали подол концертного платья. Попятилась обратно к двери, как следом полетело что-то уже в лицо. Не успела закрыться, а вот Винс оказался проворнее и на лету поймал пущенное в меня яйцо. Оно треснуло у него в руке, и мерзкая жижа потекла между его сжатых пальцев.

– Довольно, – рыкнул он на толпу своих поклонников, а затем недовольно повернулся ко мне. – Амадей для чего тебе этот бубен дал, сама не догадалась?

Посмотрела на инструмент в своих руках и вздохнула. Ясно, это не для музыкальных упражнений, а отражать атаки. Давненько меня уже не травили. С самой школы. Думала, в университете такого уже не будет. Ошибалась.

Глава 3

Встряхнула рукой и создала вокруг себя щит, о который разбилось ещё несколько помидоров, которые походили на птиц, врезавшихся в стекло поезда. Грустно немного. Хорошие помидоры-то, могли бы оказаться в салате, а не стекать по магическому барьеру.

Вскинула голову и, пытаясь сохранить остатки достоинства, двинулась в сторону гневной толпы. Не думаю, что они кинутся на меня с кулаками рядом с кабинетом Амадея. Я все шла и звенела, как цирковой клоун, а в меня продолжали лететь овощи вперемешку с оскорблениями. Разумеется, я же сорвала концерт их любимой группы.

Можно было бы легко обратить все их атаки, мне бы хватило сил сделать это, даже используя ритмичные хлопки в ладоши, но такое поведение всем развяжет руки, и в ход пойдет уж что-то более серьёзное, чем тухлые яйца и помидоры.

От одного все же не увернулась, отвлеклась, и мне зарядили прямо в голову. От неожиданности толпа даже расступилась, а я демонстративно втерла скользкую жижу себе в макушку со словами:

– А вы думали, откуда у меня такие роскошные золотистые волосы? Все регулярные яичные маски.

В повисшей тишине услышала вполне искренний смех Винсента.

После этого обстрел немного поутих, но до домика сестринства я дошла знатно потрепанная. Подол платья намок и волочился по земле, волосы свисали спутанными лохмами, а на щеке красовался синяк. У кого-то нашлось целое яблоко. Вкусное кстати. Я прямо на глазах у этой своры обтерла её о рукав и откусила. Даже не откусила, я вгрызлась так, что сок потёк у меня по подбородку. После этого желающих поквитаться со мной стало заметно меньше. А кто-то в толпе назвал меня чокнутой.

Так и есть сегодня я окончательно и бесповоротно двинулась впервые в жизни.

– Елена, что с тобой? – ахнула моя соседка Шайла.

Она прекратила свою растяжку и подбежала ко мне. Крохотная невесомая адептка с факультета классического танца. Она не шагала ка

мне, а буквально летела.

– Это синяк? – Шай коснулась моей щеки, и я зашипела от боли.

– Насколько все ужасно? – спросила её, и подруга весьма красноречиво поморщилась.

– Ну, я никогда не видела, чтобы у тебя был ноготь сломал, или волосок к волоску не лежал, а тут такое.

– Ясно, – вздохнула я и подошла к зеркалу.

Видок у меня действительно оставлял желать лучшего, щека неслабо распухла. Завтра все непременно посинеет, если срочно не приложить что-нибудь. Но я не торопилась. Смотрела на себя словно в первый раз. Волосы в беспорядке, на губах следы от зубов, да и во взгляде что-то новое.

– Кто тебя так? – спросила Шай.

Она уже открыла баночку с чем-то зелёным и вонючим и теперь пыталась попасть мне пальцем в щеку.

– Винсент, – выдохнула его имя, словно ругательство и молитву одновременно.

– Что? – Шайла чуть не выронила из рук склянку с мазью. – Нет-нет! Он не мог! Ударить девушку? Тем более тебя.

– Я не про синяк. Яблоком в меня запулили его фанатки. Я про всю эту ситуацию. А что ты имела в виду под “тем более меня”?

Шай слегка смутилась.

– Ну я думала, что вы просто играете в ненависть. Винсент же так смотрит на тебя. А его песни. Разве, он не влюблен в тебя?

Я рассмеялась. Так громко, странно, что зеркало в раме не пошло трещинами.

– Винсент? Винсент Вестерхольт? Мы же сейчас об одном и том же Винсенте Вестерхольте говорим?

– Ну да, – совершенно невозмутимо ответила Шай. – Ты же слушала его песни?

Я поморщила нос, словно мне предложили попробовать омлет из протухших яиц, которыми сегодня так щедро меня закидывали.

– Не слушала и не собираюсь, – фыркнула я, втирая в кожу мазь из бадяги.

Шайла с легкой улыбкой положила мне на кровать свой плеер, обмотанный наушниками.

– Я не настаиваю. Но хотя бы одну песню. Выберешь по названию, – не сдавалась моя соседка. – А теперь я жду подробностей. Ты же прошла этот этап? Со своими тренировками я не смогла поддержать тебя сегодня. Прости

– О, ты много потеряла! Я устроила пожар, а Вестерхолт сыграл огромного медведя, после того как натравил на меня целое гнездо ядовитых змей.

Глаза у Шай расширились от удивления, и она ещё больше стала походить на маленького эльфа. Худенькая, невесомая, со слегка оттопыренными острыми ушками.

– Обязательно расскажу в деталях, но после того, как смою свой триумф в душе.

Шайла вновь схватила свой плеер и кинула его мне прямо в руки.

– Послушай! Там и про медведя есть, и про змей!

Не настаивает она, как же! Я для виду закатила глаза, но любопытство все же пересилило. Медведи и змеи? Может просто Винсент ничего другого и не умеет играть!

Поставила ванную набираться и вылила туда столько ароматических масел, что у меня голова закружилась от запаха. Высвободилась из концертного платья, стянула с себя чулки, запихнула в бак для стирки бельё. Если хватит сил, то спущусь в прачечную, пока же единственное что мне по-настоящему хочется – это вымыть из волос желток, а Винсента из мыслей.

Запустила ногу в теплую ванну. Все сегодня какое-то не такое. Чувства острее, запахи резче, даже вода другая. Обволакивает, ласкает словно шёлк. Нырнула с головой, прячась от целого мира, но музыка все равно нагнала меня. Наш странный дуэт в пыльном коридоре. Приказывающий голос:

– Думай обо мне и продолжай играть!

И чего ты возомнил о себе, Вестерхолт? Даже тут умудрился достать меня!

Вынырнула и свесилась через бортик, пытаясь дотянуться до плеера.

Отнесемся к этому как к исследованию. Для курсовой я же почти целый месяц слушала музыку южных племен. Не сказать, чтобы это мне понравилось, но обогатило мои знания. Вдруг Винсент и его, как там они себя называют, тоже откроют для меня что-то новое.

Коснулась колесика прокрутки.

Парамнезия? Я думала, они какие-нибудь Демоны Вестерхольта. А у них даже со смыслом и не пафосно. Парамнезия – это же что-то про подмену воспоминаний и путаницу прошлого с настоящим? Очень неплохо для музыкального коллектива, учитывая, что все мы соревнуемся не только за лучшую мелодию, но и самую искусную иллюзию. И о чем же ты поёшь Винсент?

Воткнула наушники и прикрыла глаза, вслушиваясь в не самую качественную и явно не студийную запись. Вот подбадривающие крики толпы, вот разладное звучание гитары, голос хрипловатый, надломленный, отчаянный, пробирающий до мурашек.

Я придумал тебя

И поверил в обман.

Но реальность так зла, придушила змеёй,

Прикопала землей

Воспоминания,

Которых нет.

Их нет.

И я диким зверем рычу

В своих песнях кричу.

Так услышь же мой крик,

Пока он не стих.

Нана... Сорвала с себя наушники и отбросила их на коврик, как ядовитого гада. Хватит с меня на сегодня Винсента Вестерхольта и его фокусов. Не буду я играть в его игры. Сползла обратно под воду, и уже из моей груди вырвался крик и устремился наверх пузырьками.

Шайла вломилась в комнату.

– Лена, ты в порядке?

Вынырнула откашливаясь мыльной водой.

– Да. Отвратительная музыка у этих Паранормальных, или как их там.

– Парамнезия, – поправила подруга и подняла плеер с коврика.

Из наушников все ещё раздавалось пение Винса. Чтоб его.

– Без разницы. Ни петь, ни играть не умеют. Разве такой должна быть музыка?

Шай протянула мне халат и снисходительно покачала головой.

– Бормочешь, как наш балетмейстер. Он тоже ворчит на все кроме классики, если бы узнал, что я выбрала дополнительным курсом современный танец, его бы паралич разбил. Старый консерватор!

– О, считаешь, что такая же как герр Вагнер, – я наигранно обиделась.

– Ты хуже. Вагнер хотя бы не такой ханжа и способен оценить другие танцевальные коллективы даже сквозь призму своего самомнения.

– Ханжа, самомнение, – продолжала бурчать я, повязывая пояс халата вокруг талии. – Как ты ещё меня обзовёшь, Шая?

– Лицемерка, – с улыбкой добавила соседка.

– Вот как?

– Кто если не лучшая подруга скажет тебе правду, – она показала мне язык. – Пока ты отмокала, я посмотрела видео вашей с Винсентом дуэли.

– О, Великие Музы, это уже попало в эфир?

Шайла кивнула.

– И это прекрасно, Лена! Ты в жизни лучше не играла. Обычно твои выступления слишком... – она слегка замялась, подбирая нужные слова, и я первой пришла ей на помощь.

– Унылые и безэмоциональные, – повторила я слова Вестерхольта, и подруга закусил губу.

– Я хотела сказать слишком... выверенные. Чистая математика. Это не плохо, я сама раньше считала, что танец это четкие линии, фиксация. Но Велие Музы ждут от нас другого.

– Никто не может знать, чего они ждут от нас. Музы молчат.

Я уже хотела было шагнуть к кровати, как Шай поймала меня за руку.

– Сегодня не молчали. Они говорили сквозь тебя, и это было прекрасно! – убеждала меня подруга.

– Ага, а потом я подожгла сцену. Это тоже был знак свыше?

Шайла лишь пожала плечами и отпустила меня.

Я забралась под одеяло с головой. Впервые не высушила волосы. Мне все ещё нужно было остыть, даже ценой ужасной прически с утра.

Подруга больше не спорила со мной, а вернулась к своим вечерним растяжкам. Мне пришлось прождать больше часа, прежде чем она закончит и ляжет спать. Когда дыхание моей соседки выровнялось, то я осторожно слезла с кровати и подошла к её прикроватному столику. Моя рука замерла над крохотным видеофоном. Мне отец не разрешал пользоваться таким, а денег на свой я так и не скопила. Понятия не имею, почему я не попросила у Шай посмотреть запись сегодняшнего выступления. Мне было страшно, но чего я боялась? Того что Винсент прав, и моя музыка скучна и безжизненна? Глупости!

Сдернула видеофон со стола вместе с наушниками и рванула к себе в постель. Я не собираюсь смотреть личную переписку Шай, или её фотографии. Мне хотелось поскорее войти в эфир и убедиться, что Вестерхолт лишь задирает меня. Моя игра всегда была идеальной! Люди любят мою музыку!

Я не без труда отыскала записи своих выступлений. У них едва ли были просмотры в глобальном эфире, а уж тем более звёздочки. Запустила пьесу, которую я играла на отборочном туре, надеясь найти изъян. Вот только изъяна-то и не было. Идеальная партия, настолько чёткая, что хотелось завывать. Даже мой аккомпаниатор едва ли не спала за роялем. Тоже можно было сказать и о зрителях. Скучающие лица, зевки, а после жидкие аплодисменты, которые мне дарили скорее из вежливости и уважения к отцу. Дочь министра обороны как никак.

Я прижала руки к лицу так сильно, что перед глазами заплясали радужные блики, смазывая совсем безрадужную картинку, которую я только что увидела. Мысленно я вновь возвращалась к нашей с Винсентом дуэли. Раз за разом я прогоняла в голове сыгранные партии, проживала эту дрожь на кончиках пальцев заново. Знать бы, где Шая нашла дуэль? Нашего видео в эфире не было. Либо никто не подсуетился, либо папа уже заставил убрать мой позор.

Странно, что он не мчится в академию, чтобы забрать меня домой. Кажется, условием моей учебы здесь, а не на дому, было клятвенное обещание не влипать в неприятности. И я отлично справлялась с этим все три года вплоть до сегодняшнего дня.

С лёгким стоном откинулась на постель, не расставаясь с видеофоном и наушниками. Мне все ещё не спалось. Вбила в поиск название группы Винсента, и эфир запестрел множеством записей с их

концертов. А они плодovitы. Берут, конечно, не качеством, а количеством. Сплошь ночные клубы и другие сомнительные заведения. Отчего-то мне стало грустно и горько за свои слова за кулисами. Зря я лабухами их назвала. Вырвалось в сердцах. Но откуда мне было знать, что по-настоящему большой сценой в карьере Вестерхольта и его команды даже не пахнет? Вот почему он так отчаянно упрашивал Амадея сменить гнев на милость.

Помотала головой. Не я начала эту войну. Не я задираю а Винса и его команду, и уж точно не я ответственна за их дисквалификацию.

Мой палец замер над ещё одним видео. В этот раз не концертное. Винсент настраивает акустическую гитару. Он один, взгляд к объективу. Не в камеру смотрит, а в самую душу. Мою душу.

Я уже приготовилась послушать очередное его откровение, как видеофон в моих руках разразился мерзким пиликаньем. А на кой черт Шае приспичило ставить будильник так глубоко за полночь?

Подруга сонно заворочалась, а я быстро вернула телефон на место и нырнул обратно под одеяло, пока меня не застучали.

Я слышала её суетливые сборы. Шай, не включая света, одевалась, проверяла что-то, звякала ключами от нашей комнаты, а затем ушла, притворив дверь.

Я откинула одеяло и озадаченно оглядела пустую комнату. Куда это она в такой час?

Взгляд на прикроватную тумбочку. Видеофон она забрала. А вот наушники с плеером так и остались лежать на столе.

В последнее время я и так нарушаю слишком много правил. Одним больше. Кто считает?

Нашла песню, которую так и не дослушала в ванной.

Я придумал тебя.

Я поверил в обман.

Я не существовала более в этом мире. Да ну! Глупости. Конечно, я существовала! Сквозь неумолимо наваливающуюся на меня дрему я едва чувствовала своё тело. Но все же чувствовала. Ноги, торчащие из-под одеяла. Немного зябко. Надо бы спрятать их, но я ленилась. Ночь вытягивала из меня силы, волю и воспоминания. Только невнятные ощущения какое-то время были при мне, но и они вскоре пропали, оставив лишь слух. Вся я сейчас отдавалась пульсирующей в наушниках музыке. Песня, попавшая в бесконечную петлю,

повторялась раз за разом, не выпуская меня из своего плена, и вот мы вместе с ней оказались одни во вселенной. Я крохотная мошка, а она вязкая смола, и теперь нас двоих ласково шлифуют морские волны. Без меня не будет её. Музыка нужен слушатель. И я тоже пропаду, исчезни она. От меня же остался лишь слух в тишине, ведь даже мои голые ноги больше не морозит воздух. Я уже стираюсь из этого мира. Мы неотделимы друг от друга. Мошка и янтарь. Я и Винсент.

Я придумал тебя.

Я поверил в обман.

Не было надрыва в голосе Винсента Вестерхольта. Он пел умиротворённо, нежно перебирая струны акустической гитары, а я словно сидела рядом, уткнувшись ему в плечо и слушала, слушала, слушала одни и те же строки вот уже целую янтарную вечность.

Но реальность так зла, придушила змеёй,

Прикопала землей

Воспоминания,

Которых нет.

Их нет.

Мне хочется успокоить его. Сказать, что и реальности тоже больше нет. Перед нами стелется прекрасная вселенская пустота, зачем же тревожиться? Но Винсент не видит меня и продолжает устало петь строки, которых я не понимаю.

И я диким зверем рычу

В своих песнях кричу.

Так услышь же мой крик,

Пока он не стих.

Нана...

Лжец. Прямо сейчас ты не кричишь и не рычишь. Ты сдался! Именно в тот момент, когда я наконец-то тебя услышала. Но что же, задерите меня Великие Музы, я такое услышала? Да и мало ли на свете девушек по имени Нана? Почему я решила, что кумир тысяч и тысяч девиц по всему Острайху поет именно для меня? Песня зашла на ещё один круг, все ещё не давая ответов на мои вопросы. Нужно придумать новые. Смотрю на непривычно отрешенное лицо Винсента. Долго, жадно. Меня гипнотизирует дурацкое кольцо на его нижней губе, я более не выдерживаю молчания и повергаю в ступор своё же сновидение. – Скажи-ка мне, как это? Он вдруг перестает играть.

Медиатор в его руке замирает. Видимо, плеер вконец разрядился, или я уснула, но продолжаю бессовестно грезить этим мерзавцем. – Что именно? – хмурится Вестерхолт. – Как целоваться с этой штукой? Давно ли я стала такой смелой? Видимо, в тот миг, когда публично обозвала его кабачным лабухом. Его! Кумира тысяч девиц, которые щедро закидали меня тухлыми яйцами и помидорами после концерта. То ли ещё будет завтра, когда я пойду на пары! Винсент из моего сновидения остался верен себе. Свет поиграл на его серьге, когда мой извечный соперник усмехнулся мне, а затем ответил в своей же издевательской манере. – Принцесса-зубрилка не знает ответа на такой простой вопрос? Разумеется, я не знаю! В книгах такому не учат. По крайней мере в тех, что читаю я. – Принцесса-зубрилка никогда не целовалась с кабачными лабухами! – я зачем-то оскорбляю его вновь, но Винсент из моего сна совершенно не злится, в отличие от Винсента настоящего. Вместо этого он с улыбкой выдает одно-единственное: – Врушка. Медиатор между его пальцев вновь оживает, и Вестерхолт возвращается к своей бесконечной песне, так и не ответив на мой вопрос о поцелуях.

*Воспоминания,
Которых нет.
Их нет.*

Глава 4

Проснувшись от запаха крепкого кофе и от того, что Шая шумно собиралась на занятия. Для меня она тоже приготовила чашку и поставила на сервировочный столик.

Мне мгновенно стало совестно за то, что я брала её видеофон без спроса, но сил признаться так и не нашлось, как и спросить, куда она сбегала ночью.

– Спасибо, – заспанно прохрипела я, взяв в руки обжигающе горячую чашку.

Подруга как-то забавно отсалютовала мне и принялась остервенело канифолить свои балетки и пуанты. Странная она в последние дни. Хотя кто не без грешка?

Кофе у Шай всегда получался разным. То приторно сладкий, то с нотками специй, то с преступным количеством сиропа и молока, но сегодня только горечь и обида, отлично резонирующие с моим состоянием.

– Всё в порядке? – я спросила подругу, и она как-то неуверенно пожала плечами.

– Герр Вагнер скоро будет выбирать новую приму для выступлений. Не думаю, что у меня есть хоть какие-то шансы. Но черт возьми, я так устала быть статистом и играть либо дерево, либо ребёнка, либо кого-то из свиты принцессы. Что со мной не так?

Я бы сказала ей. Но думаю, Шая и так все прекрасно понимает. Слишком уж она была неформатная для нимф с факультета классического танца. Невысокая, резковатая и слишком открытая. А ещё эти её милые слегка оттопыренные уши. Маленький эльф среди холодных и неприступных фейри. Вагнер никогда не даст ей ведущую роль, и плевать, что она работает усерднее всех, полностью отдается танцу и своей мечте. Шая просто не вписывается в идеальную балетную картинку.

– Я приду на отбор, – пообещала подруге, и она невесело повела плечами.

– И станешь свидетелем того, как мне дадут роль качающегося на ветру куста.

– И ты будешь самым лучшим кустом. Душистой жимолостью, – попыталась подбодрить её, но Шая лишь пробурчала:

– Уж лучше волчьей ягодной, чтоб их всех понос разобрал прямо на сцене от моего танца.

Я чуть кофе не подавилась. Крепко же обидели Шайло, что милый эльф начал ругаться, как гоблин.

Когда подруга безжалостно расправилась с пуантами, да так что они больше походили на двух растерзанных птичек, её взгляд упал на мои спутанные волосы.

– Помочь? – не то угрожающе, не то заботливо предложила Шай, но я лишь быстро замотала головой и попятилась.

– Ну смотри. Тогда я побежала. Обязательно приходи вечером на мои отборочные, должна же хоть кому-то пореветься в плечо после!

– Оба моих плеча всегда к твоим услугам, но я уверена, что в этот раз тебе повезёт.

– Врушка, – ласково отозвалась Шай, и я прижала руку к груди, где все мгновенно сжалось от этого слова.

Винсент точно так же сказал мне во сне. Только ему я точно не вралась. Не целовалась я с теми, у кого губа проколота. Я вообще ни с кем не целовалась! Хотя это ему знать не обязательно!

Шай уже полностью собралась, закинула на плечо рюкзак и послала мне на прощание воздушный поцелуй. И как у неё получается даже в такие тёмные моменты сохранять позитивный настрой. Она так часто проигрывала, но продолжает улыбаться и бороться. Я же после первого проигрыша чувствую себя настолько разбитой и униженной, что носа боюсь на улицу высунуть. Что скажет отец? Что подумает мастер Флориан?

Но пары никто не отменял. Вздохнула и подошла к туалетному столику. Зря я отказалась от помощи Шайло, по моим волосам сейчас плачет даже не расческа, а портняжные ножницы. Они волнились, путались змеями и разве что не шипели на гребень. Отложила его в сторону. А что если?

Порылась в ящичках и выудила старую панфлейту. Уже и не помню, когда последний раз играла на ней. Приятный свист когда-то успокаивал меня и вводил в легкий транс.

Вдруг и с волосами получится найти управу. Погладила трубочки разной длины, которые чем-то действительно напоминали расческу.

Приложила их к губам и легонько подула, возрождая в памяти слова Вестерхольта.

– Думай обо мне и продолжай играть.

Я думала о нём. Против воли, против всех своих принципов, я думала о том, кого так горячо ненавидела, да только ненависти отчего-то не было. Было что-то другое, но такое же обжигающее.

Музыка, древняя, как сами Великие Музы, полилась из флейты и окутала меня плотным коконом спокойствия. Да только моё дыхание было неровным и нервным, я срывалась, нарушала идеальную мелодию, вплетая в нее что-то своё. Импровизация?

Когда я открыла глаза, волосы мои были все ещё в легком беспорядке, но смотрелось это хорошо. Непривычно, но определённо хорошо. Коснулась завитков и улыбнулась себе.

Щеку ещё слегка саднило после прилетевшего яблока, но настроение явно улучшилось. Выложила из сумки запасной гребень и положила на его место панфлейту. Так теперь я и буду причесываться! Музыкой!

Поправила аккуратной стопочкой свой доклад для пары по истории музыки. Проверила нотные тетради и заточку карандашей. Я во всеоружии! Ах нет. Бубен! Вряд ли фанатки Винсента остыли, а в Острайхе перевелись тухлые яйца и помидоры.

В домике нашего университетского сестринства было подозрительно тихо. Обычно по утрам здесь царит такая же суета, какую недавно навела Шая в комнате. Но сегодня не было беготни и суеты. Редкие сёстры, которые ещё не ушли на занятия тихо обсуждали что-то, но завидев меня, тут же прекращали разговор и многозначительно смотрели друг на друга.

– Елена, можно тебя на минуточку, – сладко пропела президент нашего сестринства с не менее приторной улыбкой на губах.

От её голоса и этой гримасы у меня мгновенно подскочил уровень сахара в крови. Не припомню ни единого случая, чтобы что-то хорошее начиналось вот так.

– Доброе утро Виктория, ты что-то хотела?

Она оценивающе изучала меня с головы до ног. Её взгляд задержался на моих идеально натёртых туфлях, учебной мантии без

единой складочки или пятнышка. Я чувствовала, что она ищет за что зацепиться, и она нашла это.

– Странная прическа. Может, одолжить тебе гребень? Свой ты, очевидно, потеряла.

Моя рука мгновенно взметнулась к волосам, и что-то едкое и обиженное уже начинало подниматься в груди. Это что-то требовало от меня немедленной сатисфакции, как вчера, когда мы сражались с Винсом. Мне-то все нравилось в моей прическе. Ещё несколько минут назад, когда я смотрелась в зеркало, я была вполне счастлива.

– Благодарю Виктория, – я все держала себя в рамках приличия, кем бы ни был мой отец, но даже его имя бессильно в этом токсичном девичьем царстве, которым заправляет дочь графа Верхнего Острайха.

– По возможности, приди сегодня пораньше с занятий. Есть важный разговор.

Я сглотнула и тут же растеряла свой боевой настрой. Ничего хорошего фраза “важный разговор” никогда не предвещала. Все важные разговоры, которые инициировала Виктория заканчивались одинаково: кого-то из сестёр выгоняли на общем голосовании. А голосовали все, так же как Виктория.

Растерянно кивнула и пообещала не опаздывать.

Глупости же? Чего я такого сделала, чтобы меня выгнали?

Или сделала?

Встряхнулась, когда вышла на улицу, и обволакивающий звон тут же отвлек меня от мрачных мыслей.

Бубен герра Циммермана особенный не иначе. Пока я шла к главному корпусу, он то и дело весело позвякивал, что я почти полностью растворилась в этой нестройной и озорной мелодии, напрочь забыв обо всем. Дисквалификация, возможный гнев отца, нахальство Винсента, его мстительные фанатки, Виктория с ее снобизмом и властью: все это сбегало, зажав уши, едва я потревожила незатейливый музыкальный инструмент.

Жаль, что дорога до главного корпуса была недолгой. Домик нашего престижного сестринства едва ли не граничил с учебными зданиями, и вот уже в главном холле от моей прежней беззаботности не осталось и следа. Едва я переступила порог, как натужная тишина поглотила собой все кроме звука моих шагов.

Кто-то прокашлялся, кто-то шуршал бумагами, кто-то подавил смешок, и все они смотрели на меня.

Чем-то это напомнило видео с моих концертов, разве что интереса во взглядах больше, но там тоже кашляли, шуршали и посмеивались.

Я поправила на плече ремень от сумки и прибавила шагу до секции с моим персональным шкафчиком. Нужно было забрать часть книг, выложить лишнее и перевести дух.

Передо мной расступались, но не из уважения, я словно резко стала для всех мерзким гадом. Хорошо хоть не кидались ничем. Да и не нужно им было. Эффект от этой гробовой тишины был куда сильнее реальной расправы. Тишины в моей жизни было слишком много, так много, что даже музыка не смогла полностью её заполнить.

Дрожащими руками я пыталась открыть замок на шкафчике, но сделать это было куда труднее, чем сыграть ураганный каприз мастеров прошлого. Никто не должен видеть мой страх и волнение. Никто.

Но вот я не попала ключом первый раз и визгливо царапнула по замку. Словно допустила ошибку прямо на сцене. Но я не допускаю ошибок! Я...

– Ты большая молодец.

Отец дежурно хвалит меня, не отвлекаясь от важных переговоров. Тогда я была слишком маленькой, чтобы понимать, о чем говорят взрослые, но одно я усвоила твёрдо – эта похвала, все что у меня есть. Все, что у меня осталось. Значит, я должна лучше. Заслужить большего. Достичь идеала, отточенной мелодии, прекрасной и выверенной гармонии.

– Ты большая молодец.

От моих наград ломится полка, а под грамотами не видно, какого цвета обои были в моей комнате. Отец все так же занят, но и я уже старше. Теперь-то я прекрасно понимаю важность взрослых разговоров. Понимаю и не мешаю. Покорно прикрываю дверь его кабинета и вновь начинаю музицировать. Потому что его похвала – это то небольшое, что у меня есть.

– Ты большая молодец.

От этих пустых слов разбивается сердце. Я снова хочу стать маленькой и поверить, что я действительно молодец. Пыль скопилась на наградах, и я уже не протираю её, когда приезжаю на праздники.

Даже в такие редкие моменты, у отца все равно нет времени на меня. Лишь дежурные фразы и молчаливые ужины. А я уже слишком взрослая, чтобы поверить ему. Важные разговоры ведутся за закрытой дверью, а из музыки исчезают последние краски, оставляя лишь сухую выверенную математику.

Его бесцветная похвала – это все, что у меня было.

Победный щелчок замка.

Я все-таки открыла шкафчик, вот только мой триумф быстро обернулся кошмаром. Потому что мерзкая липкая жижа плеснула на меня, едва створка отъехала в сторону.

Вчера я лучше держала удар.

Что изменилось?

Тишина наконец-то лопнула, только разразилась не овациями, а дружным смехом и свистом.

Что ж кто-то из композиторов однажды сказал, что хуже истовой ненависти может быть только всеобщее равнодушие. Сегодня я поднялась над собой на целую ступень. Вся академия собралась поглазеть на меня.

Блеск.

Чем бы не залили мой шкафчик, оно уничтожило не только мои тетради и книги, но впиталось в мантию и сумку, склеило металлические тарелочки бубна, сделало мои пальцы липкими и лишило всяческой возможности защищаться.

– Сейчас! – раздалось откуда-то из толпы.

Я лишь испуганно вскинула руки, ожидая, что меня вновь чем-то закидают, но сегодня адепты высоких искусств были изобретательнее, и меня всего-навсего обсыпали перьями, которые тут же пристали к пальцам, мантии и совсем недавно идеально чистым туфлям.

Все кричали, хлопали и улюлюкали.

В жизни не слышала столько обидных слов за раз. Что ж Винсент и тут был прав, его группу все любили, а меня отчаянно терпели, и прямо сейчас на мне отыгрывались не только за сорванное выступление Парамнезии, но и за все остальное, включая жёсткую политику моего отца. В нашей академии, где каждый пятый появился на свет в Хангрии, а каждый третий так или иначе породнился с нашими южными соседями, многие решения относительно взаимоотношений Остриха и Хангрии вызывали подчас справедливое

негодование. Запреты на браки, ограничение гражданских прав, жёсткие миграционные правила.

Из-за многочисленных бунтов, вызванных хангрийцами в прошлом, стране пришлось взять под контроль каждого жителя, каждую семью, чтобы не допустить новой войны или революции.

Но меня это мало волновало, я всего лишь хотела учиться музыке, быть как все. Я дочь моего отца, но это не значит, что его решения – это мои решения.

Две руки легли мне на плечи и уверенно повели сквозь разъяренную и заряженную толпу. Вот и все. Сейчас меня на части растерзают. Прижала руки к лицу, забыв о липкой дряни и перьях. Отдернулась, но поздно, часть этого месива теперь осталась на щеках и под глазами. Все жутко чесалось и кололось, а я даже смахнуть это не могла.

Слишком долго идём. Толпа и крики остались позади. Лестница, уходящая куда-то вверх, проснулась под моими ногами, длинные коридоры. Грубый толчок в дверь где-то над моей головой, ленивые гитарные переборы, а затем не менее грубое:

– Полюбуйся, Винсент!

– Виви?

Музыка оборвалась, прыжок, скрип старых половиц.

– Я все ещё не разговариваю с тобой после вчерашнего. Не обольщайся. Просто посмотри, что ты натворил.

Сестра Вестерхольта подтолкнула меня вперёд, и я попыталась открыть тяжёлые веки, на которых словно тоже выросли перья.

– Кто это? О...

Лёгкий смешок, который тут же сменился кашлем.

– Ну не я же сделал это с принцессой-зубрилкой.

– Конечно, Винс. У тебя вокруг все виноваты, кроме тебя. И дисквалифицировали нас тоже не из-за тебя. Чертовски удобная позиция.

Он молчал, и я бы многое отдала, чтобы увидеть сейчас его лицо.

– Исправляй. Только представь, что нам всем устроит её отец, если узнает?

Они обсуждали меня так, словно я не стояла рядом, а Виви все ещё подталкивала меня вперёд. Но я как-то не спешила шагать к Винсенту.

– Я-то исправлю, но тогда и ты забудешь свои обиды и выступишь сегодня в клубе.

– Ты не в том положении, чтобы торговаться со мной, Винни. Ты чудом уговорил Ласло и Деметра сыграть с тобой, но я на это больше не поведусь. Умей отвечать за свои поступки.

Снова напряжённая тишина. Я чувствовала, как Вестерхолт сквозь зубы втягивает воздух.

Решила первой прийти ему на помощь, зачем себя бедного пересиливать?

– Я сама, что ли, не отмоюсь? Не нужны мне никакие одолжения.

Потянула одно из особенно длинных перьев на пальце, но тут же вскрикнула от боли. Оно не просто приклеилось, оно выросло мне под кожу!

– Стой!

Винсент схватил меня за запястья, и я почувствовала, как его руки дрожат. Не отошёл после игры? Это магия в нём так бурлит и вибрирует?

– Поранишься, и уже не сможешь играть.

– Какое тебе-то дело? – обида лилась из меня без остановки. – Меня же все терпят. Я посмотрела свои записи. Ты прав! Никому не нравится моя игра. Доволен?

Вивиан зло бросила брату что-то на хангрийском и вышла из комнаты, хлопнув дверью и оставив меня наедине с этим сумасшедшим. Я даже испуганно шмыгнула носом.

– Ты ведь не ждёшь от меня извинений? – спросил он с насмешкой.

– Я вообще не знаю, зачем я здесь и чего от тебя ждать. Ещё вчера я выступала на большой сцене, я побеждала, меня никто не обливал мерзкой жижей и не осыпал перьями. Все. Было. Хорошо.

– Хорошо ли? – продолжал насмехаться Вестерхолт, и я попытался вырвать свои руки из его. Но Винсент был гораздо сильнее, я чувствовала на своей коже крепкое прикосновение его мозолистых пальцев. Но всё равно он был осторожен.

Нет. Другое слово. Нежен. Винсент гладил приросшие ко мне перья. Я двинулась, если действительно так считаю. Видимо, надыхалась жижей, которая, кстати, уже давно засохла и превратилась в твердую корку.

– Хорошо, – ответила ему, надеясь, что под налипшими на лице перьями не углядеть моего румянца.

– Ладно, давай уже оциплем одну курочку? Готова?

Курочкой это он меня назвал сейчас?

Надо бы возмутиться, но я лишь кивнула. Знать бы, каким образом он собрался это делать.

– Больно не будет? – спросила его, стараясь храбриться, и услышала в ответ:

– Тебе? Нет.

Винсент ещё какое-то время собирался с мыслями, продолжая держать меня за руки, а я раздумывала над его ответом. Мне больно не будет, а кому тогда? Ему? Переспросить отчего-то не решалась. Ждала, чем все закончится.

Винсент вдруг резко перешел на хангрыйский. Не поняла ни слова, он словно разговаривал сам с собой, оправдывался, нервно посмеивался. Так паршиво мне помогать?

Очередной его мучительный вздох, а затем Винс запел. Сначала неуверенно, смущенно, но всё так же на хангрыйском. Ничего подобного я не слышала у его группы, но отчего-то мотив был до боли знаком.

Почему же я не учила этот язык? Немного рубленый, но все равно нежнее острайхского. Чуть-чуть смешной, непривычный, похож на загадочный десерт. Ингредиенты вроде привычные. Местоимения, глаголы. Вот только полито все необычным терпким акцентом. Хочется попробовать, но все равно боязно.

Еп, Те...

Я, Ты...

Пыталась запомнить слова, чтобы посмотреть их в словаре позже, но они ускользали от меня.

Пение становилось увереннее, оно ласкало уже не только мой слух, оно нежно обволакивало мои руки. Винсент большими пальцами поглаживал мою кожу, смахивая перья. Так осторожно, так тонко. Ему бы на факультет медицины с его талантом, а он играет по кабакам. Почему?

Почувствовала легкую досаду, когда он убрал свои руки. Но уже в следующий миг он коснулся моей щеки, и магия послушно следовала

за его движениями. Он закончил петь, а я все ещё сидела с закрытыми глазами.

– Уже можно, фройляйн Адель, – насмешливо бросил мне Винс.
Вот как? Я больше не Нана?

Распахнула глаза, коснулась гладкой щеки и подняла взгляд на Вестерхольта.

– Я твоя должница теперь. Благодарить не буду.

– Не благодари.

Он лишь пожал плечами, продолжая стоять слишком близко, так близко, что я отчетливо улавливала вибрации едва сдерживаемой магии. Её было так много в нем сейчас, что он боролся сам с собой, лишь бы подавить рвущуюся наружу музыку. Винсенту было плохо, а мне мало.

Скажи ему, Нана! Скажи, что хочешь еще его пения. Тебе же понравилось. Скажи. Это так просто.

Но вместо этого я молчала и зачарованно смотрела на блеск его серьги. Мой ночной вопрос так и остался без ответа. Что я теряю?

– Скажи-ка мне, как это?

Я начинаю претворять свой сон в жизнь, а Винсент слово в слово повторяет свою реплику:

– Что именно?

Я слегка привстаю и заморожено тяну руку к его лицу. Почему же мне так важно это узнать какой на вкус этот поцелуй? Холод, сталь, соль?

– Как цело...

Почти спросила, почти коснулась его губ, как дверь распахнулся. Быстро отпрянула от Вестерхольта, а он слегка раздражённо посмотрел на вошедших.

На пороге стояли Ласло и Марко. Вид у инструменталистов Парамнезии был комичный. Из всех карманов у них торчали видеофоны разного калибра и моделей, да и в руках была целая гора устройств.

– Вот, – устало выдал потрёпанный барабанщик Ласло. Такое ощущение, что на нем висли с десятков девиц, они же и взъерошили его длинные волосы пшеничного цвета.

Марк. Клавишник. Высыпал свой улов молча. Поправил очки и не без интереса наблюдал за мной и Винсентом. Его взгляд задержался на

горке перьев под нашими ногами, а на губах появилась странная улыбка. Не насмешливая. А слишком понимающая.

– Это ещё зачем? – спросил Винс.

– Виви велела удалить все записи с... – Ласло не знал, как обратиться ко мне.

По имени отца. Назвать министерской дочкой? Принцессой.

– С курочкой, – пришёл ему на помощь Винсент, и я одарила его гневным взглядом.

Марко и Ласло даже не думали смеяться, они выглядели так, словно мой отец стоит в этой комнате, аккуратно у меня за спиной.

– Записи с фройляйн Ден Адель, – уточнил Марк. – Ты начинай, а мы ещё принесем.

Я невесело посмотрела на горку из видеофонов. Вот так популярность на меня свалилась. Уже можно начинать гордиться?

– Удачи тебе с этим, – едко улыбнулась Винсу, который задумчиво прикидывал фронт работы.

Повернулась к двери, чтобы оставить его разбираться со всем этим, как он вновь схватил меня за запястье.

– Должок, курочка. Я тебя исцелил, садись и помогай.

– У меня сейчас нет на это времени. Мне нужно на занятия!

Если честно впервые в жизни на занятия я не очень-то торопилась. Скорее всего буду сидеть в одной аудитории рядом с теми, кто щедро осыпал меня перьями. Конечно, неплохо было бы показать им, что я ничего не боюсь и уже оправилась от унижения. Но прямо сейчас я бы осталась на этом пыльном чердаке.

– Ты уже опоздала. Чего терять-то?

– А ты чего не на парах? – парировала я.

– Чему меня могут научить заостенелые старпёры из академии, чего я не знаю сам? – не моргнув выдал Винсент, и у меня даже челюсть от такой наглости отвисла.

– Я никогда не прогуливала занятия, – с каким-то священным трепетом пробормотала я.

– Тебя и с конкурсов поди никогда не дисквалифицировали?

Замотала головой.

– Садись. Быстрее сделаем, быстрее принцесса-зубрилка вернётся к своим книжкам.

– Не называй меня так! – продолжала ворчать я, но все же села за стол.

– Значит все-таки курочка? – Винсент устроился напротив.

– Морду твою опалю, Вестерхолт, – в конец осмелела я, но его моя пушистая угроза совсем не испугала.

– И как тебя называть тогда?

– Лена.

Совсем не то. Я прекрасно знала, как мне нравится. И он, кажется, знал. Только не называл меня так больше.

Глава 5

Поделили с Винсентом видеофоны, и какое-то время молча удаляли записи. Я приноровилась не сразу. Модели сильно отличались друг от друга, и я долго и мучительно тыкалась в поисках галереи. Но дольше всего я рассматривала сами устройства. У каждого свой особенный чехольчик, на некоторых висели забавные брелоки, и я не без улыбки взвешивала их на ладони.

– А у тебя есть такой? – Вестерхолт первым нарушил тишину, и я суетливо отложила в сторону очередной видеофон.

– А? – быстро уткнулась в следующий, изображая бурную деятельность.

– Видеофон есть у тебя? – повторил вопрос Винс, и я почувствовала, что вновь начинаю краснеть.

Отчего-то это казалось мне таким же интимным, как спросить, целовалась ли я. И так же стыдно на оба эти вопроса ответить: нет.

– Был. Давно, – соврала я, не поднимая глаз.

Вестерхолт никак это не прокомментировал, и я снова занялась изучением брелоков, а не своих позорных видео. Последний был в форме сердечка и немного переливался на свету.

– Нравится? – ещё одно беспардонное вторжение Винсента в мои мысли.

– Нет, – я уже хотела бы отложить его в сторону, как Вестерхолт перекинулся через стол и забрал у меня видеофон.

– Смотри. Сейчас я позвоню на него.

Он принялся быстро набирать что-то, затем протянул мне устройство обратно. Через несколько мгновений брелок начал светиться. Для человека, который может музыкой вызывать реалистичные иллюзии, такая мелочь определенно должна была показаться чепухой, но я отчего-то ахнула.

– Как это? Магия?

Я ожидала, что Винсент рассмеется или скажет что-то обидное, а он взял и начал объяснять.

– Никакой магии. Чистая наука. Во время звонка происходит электромагнитное излучение, оно и заставляет брелок светиться.

Здорово, да?

– Здорово, – зачаровано согласилась. Никаких нот, тренировок, волшебство от нажатия кнопки.

– Представь, что однажды наша магия больше никому не будет нужна. Нас заменят вот такие штуки, – с легкой горечью выдохнул Винс, сбросил вызов, и брелок погас.

Задумалась над этими словами, но затем вспомнила его песни. На сердце стало предательски тепло, а губы сами собой произнесли:

– Нас не заменят никогда.

– Ну тебя-то точно. Ты сама как машина играешь и никогда не сбоишь, – а вот теперь он рассмеялся, и мне бы стоило обидеться, да только силы на обиды я сегодня исчерпала.

Продолжала удалять видео, изредка подглядывая за Винсентом. Он почти управился со своей горкой и теперь внимательно изучал что-то на экране. Смех, свист, выкрики на хангрийском.

Одно из слов заставило Вестерхольта мгновенно перемениться в лице. Даже когда я лабухом его назвала за кулисами, он не был так зол, как сейчас.

– Что там сказали?

– Хангрийским ты, видимо, не владеешь? – изрек он и покачал головой. – Принцесса-зубрилка не такая уж и зубрилка оказывается. Не учит языки, не знает про электромагнитные излучения, даже с видеофонами едва управляется.

– Это так плохо? – бросила ему с вызовом, но он лишь пожал плечами.

– Это грустно и скучно, Лена. Твоя жизнь проходит мимо.

– Оттого что я не знаю ругательств на твоём родном языке и не сижу часами, просматривая эфир?

– Отчасти, – совершенно спокойно продолжал он. – Ты живешь в очень крохотном и ограниченном мире. Может, именно поэтому твоя музыка такая однообразная.

Я вскочила со стула, уперла руки в стол и гневно воззрилась на этого лабуха. Вот только сказать было нечего, и пока я отчаянно придумывала ему обидную ответку, дверь снова отворилась. Марко и Ласло вернулись с новой партией видеофонов.

–Надо же, вы не переубивали друг друга, – хохотнул Лас и высыпал свою порцию конфиската.

Винсент лишь вскинул руки:

– Я сама миролюбивость.

– Сказал призыватель змей и медведей, – процедила я.

– Отличные кстати зверюшки были, пока ты их не растерзала, Курочка, – подначивал меня Винсент.

Я бы и дальше продолжила эту перепалку, если бы Марко не встрял.

– Что мы решили с выступлением? Виви ни в какую не соглашается.

– И не согласится, я свою сестру знаю, – мрачно ответил Винс. – Есть кто на примете у вас? Кто может на себя взять её партии.

Ласло скривился, словно ему предложили выпить яду.

– Ты серьёзно? Предлагаешь нам за день сыграть с новым басистом? Мы опозоримся, Винс. Даже если будем играть не своё, а попсовые каверы, лучше вернуть деньги и не выступать вообще.

– Тогда про этот клуб мы можем забыть навсегда. Такой подставы нам не простят, – задумчиво рассуждал Вестерхолт, покусывая большой палец.

– А в чем собственно сложность? – встряла я, и на меня оскорблённо уставились сразу три музыканта.

– Курочка не понимает ценность басиста в группе? – Винсент снова взялся за старое, и я закатила глаза. Боже, почему рок-музыканты так любят себя переоценивать.

– Я понимаю ценность басиста. Ритмическая сплоченность, низкочастотные вибрации, грув.

Судя по лицу Ласло этих слов он не знал, а вот Винсент смотрел на меня с интересом.

– Похвально, зубрилка. И как твои бесценные знания нам помогут?

– Я могу легко сыграть партии Вивиан.

После сегодняшних унижений, вишенкой на торте которых стала помощь Винсента, мужской хохот меня уже не цеплял. А Марко и Ласло прямо старались. Картинно держались за животы и смахивали с лица невидимые слезы. А нет... слезы были неподдельными. Быстро же их перестало пугать имя моего отца. Видимо, после того как Винс раз пять назвал меня курочкой, а его не расстреляли за госизмену, эти двое решили меня больше не бояться.

Не смеялся только Винсент. Он терзал свою серьгу. Покусывал её, покручивал языком, а я боролась с мурашками, которые возникали у меня этих завораживающих движений.

– Десять песен осилишь к вечеру? – задумчиво спросил Вестехольт, все ещё насилуя свою серьгу.

Я поборола свой снобизм и на стала называть их песни примитивным завыванием, которое можно заучить меньше чем за час, а лишь коротко кивнула.

– Инструмент есть?

– Найду.

Винсент думал, смотрел на меня, прикидывал что-то, боролся с собой.

– Ты же не серьёзно? Винни, да ты глянь на неё, – ворчал Ласло. – У нас столько фанатов в академии, куда народа откликнется.

– Мне не нужны фанаты, – жестко ответил Вестерхольт. – Мне нужен кто-то с серьёзным подходом. Ты точно справишься, Елена?

– Инструмент, десять ваших песен. Что-то ещё?

– Марко распечатает партии. А я заеду за тобой в восемь вечера. Бывайте!

Так просто? Он согласился? Даже не попросил меня показать, что я умею.

С этими словами он подобрал свою акустическую гитару и побрел к дверям.

– Эй, Винс! А видеофоны? – Ласло отчаянно указывал на ещё не разобранный горку на столе.

– Курочка поможет, а у меня планы, – он подмигнул мне, и покинул чердак.

Едва дверь хлопнула, Марко и Ласло синхронно выругались на хангрийском. Не нужно было знать язык, чтобы догадаться, что это ругательство. Нечто похожее прилетело мне сегодня утром поверх жижи и перьев.

Быстрее сяду, быстрее закончу. Первой устроилась на стуле и продолжила удалять свои записи.

Ребята присоединись, но я чувствовала, как их распирает от вопросов.

– А ты точно умеешь играть на басу? – с неприкрытым сомнением поинтересовался Марк.

Я лишь самодовольно вскинула голову и ответила ему полным уверенности взглядом. Вот только в квадратных очках клавишника Парамнезии отразилось совсем неуверенное лицо.

Я в жизни не держала бас гитару. Вот сегодня как раз и узнаю, умею я на ней играть или нет. Это же не должно быть сложнее скрипки?

Когда с видеофонами было наконец покончено, на Ласло взвалили самую неприятную часть работы. Ему нужно было вернуть все изъятое владельцам. С недовольным кряхтением он начал собирать устройства в коробку. Я же пошла за Марко в копировальную комнату.

Он не разговаривал со мной почти всю дорогу и явно был не рад моему обществу. Можно подумать, я счастлива от истории, в которую влипла в прямом и переносном смысле этого слова.

Редкие адепты высоких, которые встречались нам по пути, провожали нас вопросительными взглядами. Но хоть не кидались ничем. Интересно, какая по счету пара идёт сейчас? И что мне будет за прогул? Воображение рисовала ещё одну объяснительную в кабинете герра Циммермана. Почему же мой конвоир молчит, вот бы разбавил мои невеселые мысли хоть на минуту.

Только когда Марк подключил к множительной машине свой видеофон, я услышала:

– На всякий случай не обольщайся. Я не в восторге от твоей замены на сегодня.

– Даже не думала. Просто хочу отплатить Винсу за услугу. Не более.

Это было лишь отчасти правдой. В той части, в которой было не страшно признаться самой себе. Ну а если быть честной до конца, то мне хотелось повторить нашу дуэль, я мечтала вновь ощутить ту бурлящую на кончиках пальцев магию, утонуть в какофонии противоречивых чувств, услышать рокот толпы. Довольной, гневной, испуганной. Не важно. Я хочу жить этим.

Марко деловито закатал рукава мантии. Целая вязь татуировок покрывала его кожу от запястий и выше. Слова на хангрийском, ноты, древние магические символы.

Хотелось пошутить что-то про шпаргалку, которая всегда с собой, но парень был так серьёзен, что я лишь терпеливо ждала, когда он закончит с распечаткой. Старый копир скрипел и повизгивал от натуги,

но упорно работал. Хоть и медленно. Так что мне приходилось и дальше терпеть общество недовольного Марко, а ему моё.

Наконец-то первый лист выполз из машины. Потянулась к нему, но Марк опередил меня.

– Это не просто песня. Её написала Виви специально для вчерашнего выступления. Эту партию она должна была играть на большой сцене. Это её долгожданный дебют и триумф, которые вы с Винсом грубо отняли. Отнесись хотя бы здесь с уважением к тому, что мы делаем.

Приняла лист из его рук, и в этот раз уже новое чувство разливалось в груди. Мне было стыдно? Как сегодня утром, когда держала чашку кофе, сваренного Шаей. Что со мной такое? В жизни не было стыдно и совестно, но после дуэли, во мне начало что-то ломаться. Сочувствие к Амадею, стыд перед Виви и Шай, злость на студентов, раздражение из-за Марко.

А ещё есть Винсент с его серьгой на губе. И тут все куда сложение. Тут сразу весь спектр неприятных эмоций, которые сливаются в удивительную сладко-болезненную гармонию...

– Я отыграю партию Виви безупречно и с уважением, – пообещала Марку, но он даже не посмотрел в мою сторону.

И хорошо. Потому что себя я видела в отражении стеклянного шкафа. Ручаюсь, обсыпанная перьями я выглядела лучше. Огромные влажные глаза. Испуг и полное непонимание, что делать дальше со всем этим новым и непонятным.

На всякий случай песню Виви я не стала читать в присутствии Марка. Вдруг я выдам себя какой-то гримасой? Песня не понравится мне, и я усмехнусь, фыркнуть или сморщусь. Позже. Ознакомлюсь, когда останусь одна.

– Остальные песни Винсента.

Марк раскладывал листы на свободном столе и делал в них пометки.

– В этих местах мы обычно делаем паузы. Начинаем хлопать и позволяем зрителям включиться в пение. Но ты продолжаешь играть. Держишь структуру все время. Качаешь толпу.

Кивала. Боже. Позволять зрителям петь! Какой непрофессионализм. Словно они забыли слова или играть разучились.

Люди заплатили, чтобы слушать, а не выполнять работу музыканта! Кто вообще в своем уме стал бы платить, чтобы спеть?

– Я написал тебе свой номер. Позвони, если возникнут вопросы. Полноценную репетицию мы все равно сможем провести только в клубе во время проверки звука.

Кивнула, все ещё боясь открыть рот и обидеть Марко своими мыслями. Звонить ему я, конечно, не буду, но уже не из-за снобизма. У меня просто не с чего звонить.

– Тогда до вечера. Удачи тебе не желаю. Если ты сыграешь лучше Виви, а ты все делаешь идеально до зубового скрежета, я тебе этого никогда не прощу, Елена. Я искренне надеюсь, что ты облажаешься.

Вот и поговорили. Осталась один на один с распечатками. Меня мучил только один вопрос, если Марк желает мне провала, зачем тогда оставил номер и подробно расписал все места, которые могу вызвать у меня трудности.

Когда Марко ушёл, я заботливо собрала распечатки и убрала их в сумку. Я пропустила всего полторы пары и вполне успевала на оставшиеся занятия. Могу устроиться на последней парте и спокойно разучивать песни. При одном только беглом взгляде на листы, музыка уже слагалась в моей голове, а голос Винсента обрамлял все своим пением. Пальцы сами собой водили по воздуху, пытаюсь нащупать мелодию. Я справлюсь. Непременно справлюсь.

Поспешила обратно к своему шкафчику. Нужно попробовать очистить его. Тем более я помню, что проделал со мной Вестерхолт. Я легко повторяю эти хангрийские мотивы на флейте и избавлюсь от гадкой жижи.

Вот только в холле меня ждал новый сюрприз. Никаких следов недавнего побоища не было и в помине, из моего шкафчика не лилась сомнительная субстанция. Лишь кое-где в углу лежало несколько перьев. Осторожно потянула за ручку дверки и на всякий случай отпрыгнула едва створка отворилась.

Ничего. Тетради и книги аккуратно разложены. Чуда не произошло, и они уже не были красивыми и новенькими. Потрепанные слегка разбухшие страницы. Но сухие. И даже текст читаем.

Недолго гадала, кого благодарить за эту заботу. На внутренней стенке шкафчика была нацарапана картинка. Пригладила пальцем

смешную пучеглазую курицу. И почему я не обижена? Почему мне приятно?

Обернулась. Никого не было в холле. Быстро приложила чистый лист бумаги к рисунку и заштриховала карандашом, переводя изображение. Сложила листочек с картинкой и спрятала в карман. Понятия не имею, зачем я это сделала, но сейчас это казалось мне важным. Очень важным.

Курочка...

Прозвучало в мыслях голосом Винсента. Как бы я не мотала головой, вытряхнуть это уже не получилось.

Закрывает шкафчик, и с тяжелым сердцем пошла на третью пару. До начала занятия оставалось ещё немного времени. Положила бубен на колени, если вдруг кто решит опять меня забросать яйцами, и достала песню Виви.

Хорошо, что я не стала читать её в присутствии Марка. Простовато даже для Парамнезии. Слегка избитый текст про противоположности, про единство и дружбу, огонь и лёд. Несложно было догадаться, что в такой аллегорической манере Вивиан показала непростые отношения между Острайхом и Хангрией. Наивно и даже чуточку мило. Но с таким они бы точно не победили. Скорее всего их бы освистали. Так что я сделала им одолжение, что ввязалась в дуэль с Винсентом и сорвала конкурс.

Песня нуждается в значительной доработке. Она не безнадежна, но... Ей ещё рано появляться на свет. Зачем же мне дали эту распечатку?

В коридорах стало шумно, и я быстро спрятала листы в сумку и схватилась за бубен.

Мои одноклассники стягивались к аудитории. Они беззаботно переговаривались, пока не увидели меня. Вновь напряженная тишина. Переглядывание, а затем полнейшее равнодушие.

Кто-то уткнулся в книгу, кто-то перебирал в воздухе невидимые струны. Кто-то большим пальцем постукивал по сумке, слово играя на басу. Я видела эту нестройную музыку, по легким движениям рук я могла считать невыраженные мелодии. Все безбожно фальшивили даже в собственных мыслях. Но хуже всего мое сердце. Давненько он так не теряло ритм.

Игнорировать меня продолжили и на парах. Я несколько раз поднимала руку, чтобы прочитать свою работу, но преподаватель словно смотрел сквозь меня. Мне пришлось молча положить своё исследование ему на стол.

Получила дежурное “угу” в ответ.

Это продолжалось до самого обеда.

Меня даже на раздаче еды чуть не пропустили, а потом хангрийка-раздатчица шлепнула каким-то месивом, напоминающим картофельное пюре так, что часть отскочила мне на мантию. Она долго и с вызовом смотрела мне в глаза. Я лишь рассеянно поблагодарила её и пошла занимать свободное место.

Сегодня был целый стол в моем распоряжении, только аппетита не наблюдалось. Отодвинула странное пюре и разложила перед собой распечатки с песнями. Лучше займусь делом, чем буду раздумывать над всем тем, что со мной происходит за последнее время. Всех в академии мотыляет из равнодушия в открытую враждебность и обратно. Это очень утомляет.

Сама не заметила, как стала редактировать песню Виви. Не из снобизма или врожденного перфекционизма. Мне было жаль этот недоведённый до идеала шедевр. А ведь это действительно могло быть шедевром, чем-то что по-настоящему сплочает народы.

Добавила партию для скрипки. Не знаю, почему я сделала это. Наверно именно скрипка представляла весь Острих с его утонченностью и царственностью, в то время как ударные и гитарные партии были чем-то яростными и диким. Такой я всегда представляла непоколебимую Хангрию, которая никак не хочет вливаться в наш Западный мир. Сопrotивляется, цепляется за прошлое, страдает.

Расширила роль Марко. Клавишные здесь были мостом. Удивительным балансом между сражением скрипки и гитар.

Теперь мне все нравилось. Жаль, никому не покажешь. Мне дали ясно понять, чтобы эту песню я не трогала. Отложила карандаш в сторону и полезла в сумку за ластиком. Едва я распрямилась, как чуть не вскричала от паники.

Откуда он только взялся?

Винсент держал листок с моими пометками и внимательно его изучал. А я так и замерла со стеркой в руке.

Ужасное чувство, меня словно за чем-то постыдным застучали. Как если бы я осквернила памятник или святыню. Или хуже. Винсент может понять, что я действительно хочу с ними сыграть сегодня. Добавив скрипку, я словно себя в любви им призналась, влезла в их уютный мирок со своей, как он там сказал, мёртвой, унылой и безэмоциональной музыкой.

Вестерхолт взял со стола карандаш и тоже сделал какие-то пометки. Я же нервно втыкала в стерку ноготь, оставляя там глубокие следы, и старалась не думать, что все в столовой сейчас таращатся на нас. А все действительно таращились с опаской и интересом. Вдруг мы тут друг друга и остальных превратим в жаркое. Жаркое... Есть хочу, аж желудок сводит. Это нервное? Как же мне не хватает сейчас привычного звяканья ложек о тарелки. Тишина как в склепе.

Винсент сел за стол, положил листок с песней Виви и развернул его ко мне.

– Зачем ты это сделала? – Он ткнул пальцем в партию для скрипки.

– Просто так, – брякнула я, а затем попыталась дотянуться стеркой до своих пометок, но Винс каким-то до ужаса дразнящим жестом отодвинул распечатку, и ластик скрипнул по столу.

– Песня ужасна, – неожиданно выдохнул он, и я услышала облегчение в этом признании.

Я аж застыла с открытым ртом. Что он только что сказал? Это же их конкурсная песня!

– Ой, да брось, принцесса, ты сама это поняла. Иначе ты бы не исчеркала тут всё.

Это какая-то проверка? Он хочет развести меня на эмоции, уличить в плохом отношении к Виви? В эти игры я точно играть не буду. Его сестра как минимум спасла меня сегодня утром.

– Ничего не исчеркала, а просто немного поимпровизировала, ты же сам мне это советовал, – я невинно хлопала ресницами и встретилась взглядом с Винсом.

Судя по его довольной улыбке, ответ ему понравился, значит, я опять проигрываю.

– Хорошая ученица, – похвалил он, и если бы не стол между нами, клянусь, он бы по макушке меня погладил.

– Хорошей ученице пора возвращаться к занятиям, – я протянула руку за листком, но Вестерхолт сложил его вчетверо и убрал в задний карман штанов.

Его черная футболка слегка задралась, и я увидела ремень с массивной пряжкой. Как только штаны с него не спадают под таким грузом?

– Эту песню мы сегодня играть не будем. Разучивай оставшиеся, и вот уже их править не советую, они мои.

Прозвучало угрожающе.

– Винсент Вестерхолт настолько безупречен? – едко спросила я.

Теперь уже дело чести найти в его писульках изъян. Демонстративно взялась за ту самую мучившую меня с ночи песню, а Винсент даже карандаш мне вернул.

– Ну попробуй, курочка.

Перевожу на его змеиный язык:

– *Только риски!*

Можно подумать я боюсь его! Боюсь я как раз другого, песня на бумаге безупречна. Студийное исполнение далеко от идеала, но вот на листе... Но мне не хотелось признавать своё фиаско, и я весьма уверенно ткнула карандашом в первую строчку.

Не успела я даже испугаться как Винсент вырвал у меня из рук карандаш.

– Нет. Эту нельзя!

Пожала плечами и взялась за другую. Даже новый карандаш достала из сумки вместе с точилкой. Под тяжелым взглядом Вестерхолта сдула стружку с острого кончика.

Я даже не успела замахнуться как Винсент пальцем обломал мне грифель.

– Не получается, Курочка?

Он издевается?

Принялась по новой затачивать карандаш, стараясь сохранять невозмутимый вид, но ничего не выходило, грифель обламывался прямо внутри точилки.

– Ты опять? – зло возрилась на Винса, а он лишь продемонстрировал мне пустые ладони.

– Нет. У принцессы-курочки руки дрожат, как ты с таким тремором-то на скрипке играешь?

Сдалась. Всё равно не очень-то мне и хотелось вносить какие-то правки в уже появившиеся на свет песни. Другое дело работа Виви. Она ещё не сыграна на публике, её можно без зазрения совести немного отредактировать, да простит меня Марко.

– Восемь вечера, – строго напомнил Винсент. – Без правок и фокусов.

– А не то что? – он словно нарывается. Я не хотела саботировать их выступление в клубе, но теперь сами Музы благоволят мне.

– Шшшшшшшшшшш, – Винсент убедительно изобразил змею, и я даже подпрыгнула на месте. – Я знаю твои фобии, принцесса-курочка, не шути со мной.

– И не собиралась, пока ты не спровоцировал. А теперь жди. Пшшшшшшш!

– Это ещё что? – рассмеялся Вестерхолт.

– Огонь! – грозно ответила, но в тот же миг почувствовала себя самой настоящей принцессой-курочкой, потому что Винсент смеяться не прекратил.

– Серьёзно? Больше похоже на расстройство кишечника. Ты же не ела эту мерзость? – он кивнул на непечатую миску с зеленой жижей, и я мгновенно покраснела и схватилась за урчащий от голода живот.

Вот же!

Этот раунд тоже остался за ним.

Но самое худшее ждало меня впереди. Будто мало мне было за этот день встрясок. Винсент обошёл стол и наклонился к моему уху так близко, что я почувствовала сначала холод металла от его серьги, а затем обжигающий шепот:

– Очень не советую есть это, курочка. Я видел, как на раздаче тебе плюнули в щёку.

Глава 6

— Видел, как мне плюнули в поре? Уж не ты ли это сделал, Вестерхольт?

Вот как надо было ответить ему, а не краснеть, бляеть и уж тем более не заправлять прядь волос за охваченное огнем ухо.

Так он и ушёл победителем, позвякивая своей огромной пряжкой при каждом ленивом шаге. Я молила вселенную, чтобы ремень не выдержал и лопнул на нем прямо посреди обеденного зала. Пусть все увидят голый зад этого самодовольного... Не лабуха. Да-да я признала, что Винсент талантлив. Вслух это ему я не скажу никогда, но уж себе то врать глупо. Он почти гений, а я... А я смотрю ему вслед и думаю о голой мужской заднице.

Кстати, о почти голых задницах. Я обещала поддержать Шай во время её прослушиваний, а там точно будет много парней в трико. Должно же хоть что-то хорошее случиться со мной этим утром. Посмотрю на прекрасное искусство классического танца и преступно обтягивающие мужские колготки.

Воспользовалась советом Винсента и не стала есть зеленую жижу. Надеюсь, он все же пошутил, и никто туда не плюнул, иначе я стану конченным параноиком.

Быстро собрала свои вещи, чувствуя, что присутствующие уже теряют ко мне интерес, и поспешила в балетный класс. По дороге не словила больше ничего кроме полных искреннего отвращения взглядов, словно на мне все ещё были птичьи перья и липкая дрянь. В меня больше не бросались едой, а жаль, я бы с удовольствием перекусила свежим яблочком. Яблочко! Меня аж скрутило от голода, особенно когда я увидела выстроившуюся перед дверями в класс очередь из худых парней и девушек. Эти точно последний раз ели неделю назад.

Шаю разглядеть было непросто. На голову ниже своих конкуренток она немного испуганно стояла где-то в центре очереди.

— Пропустите, — бурчала я на надменных танцоров и проталкивалась к подруге.

Первый раз вижу её такой бледной и потерянной. Где её боевой утренний настрой?

— Фуф... Успела! — я уперла руки себе в колени и шутливо перевела дух. — Ты как?

Шай сначала попыталась вымучено улыбнуться, а затем быстро зажала себе ладонями рот и позеленела.

— А мандраж, — с пониманием ответила за нее. — Прекрасно понимаю твои чувства, все пройдет, когда начнешь танцевать, но ты и сама это знаешь.

Она кивнула и позеленела ещё сильнее.

Перед нами оставалось все меньше и меньше студентов, когда знакомый голос окликнул меня.

— Елена, что ты тут делаешь? — Виктория со своей уткнувшей в видеофоны свитой подошла прямо к нам с Шайло.

— Пришла поддержать подру...

Не договорила, у одной из девиц громко включилась хорошо знакомая мне запись с утреннего инцидента. Взрывы смеха, грязные оскорбления... Я больше сотни таких видео за сегодня удалила.

— О. простите, звук не убрала, — извинилась девушка, но я по глазам видела, что ей вовсе не жаль.

— Значит, — Виктория медленно тянула каждое слово. — Ты Елена ден Адель пришла поддержать свою подружку хангрийку Шайло. Это так мило.

Мне совершенно не нравилось происходящее. На нас повернулись почти все из очереди, и Шай испуганно прижимала к лицу свои пуанты, пытаюсь скрыться ото всех.

Именно в этот миг все встало на свои места. Моя дружба яд. Не из-за своей необычной внешности Шай не получает серьезных ролей. Общение со мной сделало её изгоем на факультете. Я чувствовала, как к глазам вновь подступают слезы, но я не позволю Виктории насладиться этим зрелищем, или...

— Поговорим сейчас, чего ждать до вечера, — с вызовом бросила президенту нашего сестринства.

На мгновение она даже растерялась от моего напора, а затем премемерно улыбнулась. Ещё одна змеюка. Они бы отлично смотрелись с Винсентом рядом. Но моё едкое сравнение вдруг больно резануло по

сердцу, когда поняла, что эти двое действительно были бы идеальные парой. Популярные, красивые, по-настоящему уверенные в себе.

Шая схватила меня за рукав мантии и на выдохе взмолилась:

— Не надо.

— Все будет хорошо, — успокоила подругу, но она мне не поверила и продолжала держать меня.

— Я быстро, обещаю.

Мотает головой, словно уже знает, о чем хочет поговорить со мной Виктория. Да я и сама примерно догадываюсь.

Очередь таяла на глазах, такими темпами Шай пропустит своё прослушивание. Грубо дернула руку, и почувствовала, как в груди все натянулось. Моя единственная в академии подруга смотрит на меня обиженно и одновременно виновато.

— Ну? — стараюсь держать лицо, спрашиваю Викторию. — О чем ты там хотела поговорить.

— Не здесь, — ответила президент и поманила меня за собой.

— А лучше места не нашлось? — осторожно спросила Викторию и её свиту, когда они завели меня в женский туалет.

Я рассчитывала, что мы пообщаемся в ближайшей свободной аудитории, а не рядом с кем-то кряхтящим от напряжения за тонкой перегородкой.

Прижала рукав к носу. Моя одежда приятно пахла можжевелевым маслом после прикосновений Шайло. Ну точно лесная фея, а не человек.

— Для тебя в самый раз, Лена, — цедила президент, лишней раз убеждая меня, что разговор будет не самым приятным.

И когда я умудрилась так ей насолить. Нормально же все было. Меня как дочь министра тепло приняли в элитное сестринство, а мои отличные оценки и успехи на конкурсах только множили престиж дома. Ах точно... конкурс... Последний закончился не очень хорошо.

— Ты должна понимать, что в нашем сообществе ошибок не прощают, тем более таких, — с нажимом сказала Виктория, явно намекая на мое вчерашнее выступление.

Поджала губу.

— Моей там было только пол вины. Вестерхольт задирает меня, я просто дала ему сдачи.

Едва я произнесла эту фамилию, как президент как-то резко переменялась в лице, и на её щеках появилось что-то очень похожее на румянец. Дышит к нему неровно, что ли? А может Виктория просто багровеет от злости. Кто ж её разберет?

— Дело не в Винсенте, — она прокашлялась, а подружки многозначительно переглянулись за спиной своей королевы.

— А в чем тогда?

— В твоей репутации. Последние законы, принятые твоим отцом, твой вчерашний срыв во время конкурса, этот ужасный внешний вид, — с пренебрежением продолжала Виктория, а в кабинке наконец перестали кряхтеть и нажали на слив. С этим резким звуком словно меня в канализацию затянуло.

— Внешний вид? Да меня облили какой-то дрянью и перьями обсыпали! — возмущалась я, тактично умолчав, кто помог избавиться это всей этой красоты. У Виктории явный пунктик на Вестерхолта.

— О том и речь, Лена. Никого из нашего сестринства не обсыпают перьями. Это позор.

А вот тут я бы поспорила. Месяц назад одна из наших сестер отправила весьма откровенный снимок своему воздыхателю, который разошёлся как лесной пожар по всему кампусу, и после этого я позорю наш дом? Её всем домом жалели. Меня же после вчерашнего поддержала только Шай.

— Ближе к делу, Виктория. Мне попросить прощения у сестринства? Или перед всей академией встать на колени?

Что угодно лишь бы этой помогло моей подруге.

— Этого мало, Лена. Я хочу, чтобы ты ушла из нашего сестринства. Собрала вещички и пуф! Испарилась.

Такого я точно не ожидала, и у меня тут же вырвалось плаксивое:

— И куда же я пойду?

Виктория пожала плечами:

— Да куда угодно. В общежитие, или снимешь квартирку в городе. А лучше вернешься к папочке на домашнее обучение. У тебя вроде есть такой опыт.

Стиснула зубы. Мое пребывание в элитном сестринстве было одним из условий очного обучения в академии. Если отец узнает, что я переехала в общежитие, он заберет меня в тот же день.

— А если я откажусь? — спросила я безо всякой надежды.

— О, тогда малышка Шай будет изображать качающиеся на ветру кусты до самого выпуска, а после её не возьмет ни один театр, а закончит карьеру она в каком-нибудь грязном кабаре, если ей случайно ноги кто-нибудь в подворотне не переломает.

Меня мгновенно парализовало от ужаса. Понятия не имею, есть ли такая власть у Виктории, но проверять её на моей единственной в академии подруге я точно не хочу. Это уже серьёзные угрозы.

— Дай, хотя бы неделю, чтобы собрать вещи и переехать, — я отчаянно старалась сохранить лицо и не позволить президенту увидеть моей паники.

— Два дня. Я сегодня добрая.

Они ушли, и я наконец-то осталась наедине, напротив своего несчастного отражения с распушим носом. Школьные годы начали повторяться самым отвратительным и извращенным образом, и не было никого кому я бы смогла выговориться.

Сделала глубокий вдох, успокоила kloкочущее от ужаса сердце, поправила волосы и вернулась к балетному классу, чтобы поддержать Шайло и проследить, чтобы Виктория сдержала своё слово и не помешала во время прослушивания.

Немного опоздала. Шай уже зашла внутрь. Я протиснулась сквозь очередь и попыталась посмотреть выступление из-за спин других студентов. Сдержанные хлопки только что закончившей девушке, и уже моя подруга вышла в центр балетного класса.

Ни тени волнения на её хорошеньком личике. Идеально зафиксированная поза, и вот из динамиков полилась музыка. Я тут же непроизвольно схватилась за сердце. Мама! Это запись её концерта, я так часто переслушивала его на видеофоне Шай, она не могла не знать, как сильно я люблю это произведение. В нем светлая печаль, горечь расставания и море надежды. Тонкие руки Шайло взметнулись к небу, попытались ухватить там кого-то, но затем обессиленно опустились вдоль тела. Весь этот пронзительный танец был о тщетной попытке встретиться с кем-то там на небесах, и всякий раз моя подруга терпела неудачу, пока вдруг не нашла что-то на полу. Она подняла воображаемую скрипку и принялась играть на ней, кружась по классу.

Да! Именно музыка помогла мне не терять связи с мамой. А моя скрипка тот самый мостик к небесам. Почему я забыла, ради чего все это было? Когда я потеряла свою искру и превратилась в такую формалистку?

Закончилось выступление Шай взрывом аплодисментов, и только я не хлопала, а смахивала с лица слезы. Хочу обнять подругу. Сказать, как сильно люблю её. Попросить прощения за то, что моя дружба помешала ей раньше получить большую роль на сцене. Но я не смогла. Трусливо пряталась за спинами, боясь даже шаг ей навстречу сделать и все испортить.

Не дождалась оглашения финальных результатов прослушивания и сбежала, чтобы не бросить тень на триумф Шай. Я не останавливалась до самого хранилища инструментов. Толкнула тяжелые двери и сразу же почувствовала целительную силу и вибрации спящей на струнах музыки. Виолончели, гитары, скрипки ждали что кто-то возьмет их в руки, вдохнёт жизнь и разбудит от вынужденной дрёмы. Отчего-то мне всегда было жалко, оставленные здесь инструменты. Без хозяев. Без семьи. Для кого-то просто досадная замена, для других промежуточный этап перед покупкой скрипки или гитары, с которой будет не стыдно выходить на сцену.

— Госпожа ден Адель? — стоящий за стойкой огненно-рыжий парнишка-работник хранилища удивленно поправил очки. — Что-то случилось с вашей необыкновенной скрипкой? Неужели, она пострадала во время пожара? Такая потеря!

— Ох, нет-нет, с моей скрипкой все порядке, хвала Музам, — я прищурилась, пытаюсь разглядеть имя на его нагрудной табличке.

— Майкл, — пришел мне на помощь студент. — На первом курсе мы вместе посещали семинары по истории музыки.

— Точно, я бы в жизни не забыла твои веснушки... Майкл!

Что я несу? Совершенно не помню его. Зачем вообще заговорила про веснушки, вдруг это деликатная тема? Осталось настроить против себя последнего ещё улыбающегося мне в академии человека.

Но моей наглой лжи Майкл поверил, и вполне дружелюбно спросил:

— Вы что-то хотели взять из хранилища, госпожа Адель?

— Можно на ты, Майкл, — поправила его, потому что весь этот официоз начал меня порядком утомлять.

Лена, Елена, госпожа Адель, принцесса. Сейчас мне как никогда хотелось услышать то самое родное, теплое, надрывное...

— *Куручка?* — *несмешиливо спросил Винсент в моих мыслях, и я остервенело замотала головой, чувствуя, что начинаю краснеть.*

— Так тебе ничего не надо, Елена? — Майкл озадаченно наблюдал за моим дерганьем.

— Надо... Но...

Наступило самое страшное. Каким образом попросить выдать мне бас гитару? Это кажется куда постыднее, чем наше с Шайло приключение, когда мы, закрывая лица от стыда заглянули в магазин непотребств. Мы краснели, хихикали и очень раздражали продавца, который таких девиц видел каждый день десятками.

— *Будете брать что-то?* — *устало спросил продавец, и мы хором выдали:*

— Нет!

— Нет? — переспросил Майкл.

Великие Музы! Да что со мной такое? Сейчас он примет меня за умалишенную. Разговариваю сама с собой, трясусь.

— Обещай, что никому не скажешь! — я уперла руки в стойку регистрации, и парень нервно сглотнул.

— Я нем, как лежащая на столе флейта!

Я набрала так много воздуха в легкие, что у меня голова закружилась.

— Бас гитара. Мне нужна бас гитара. На вечер. Только на вечер! Ничего такого, ты не подумай.

Ужас какой, легче было бы купить один из тех жезлов в магазине утех, чем попросить у Майкла гитару.

— О! Исследование какое-то проводишь, — дежурно изрек Майкл, и я чуть не взвыла от досады.

Исследование! Все было так просто, а я тут целый концерт устроила.

— Да! Я хочу исследовать эти самые бас-гитары. Звучание, история, известные музыканты.

— Интересно, я бы почитал твою работу, сейчас посмотрим.

Он уткнулся в журнал и принялся водить пальцем по каталогу, чем дольше он это делал, тем сильнее мрачнел.

— Погоди-ка. Я перепроверю, — извиняющимся тоном пробормотал Майкл, пролистал каталог ещё раз. — Ничего не понимаю. Минуту.

Он ушёл из-за стойки и направился к стеллажам с инструментами, а я нервно покусывала губу. Да что не так-то? Хотя почему я спрашиваю. В последнее время со мной все не так! Развернула к себе каталог инструментов, чтобы увидеть, что же так огорчило парня.

Ясно.

Напротив каждой бас-гитары академии стояла сегодняшняя дата и буква «В». Кто-то, а у меня нет ни единого сомнения, что это вездесущая Виктория, разобрал все инструменты ещё до обеда! Шесть штук! Теперь понятно, почему она так злилась. Видимо, узнала, что я буду играть с её обожаемым Винсентом, и прибежала права качать и угрожать. Все беды от этого чертова Вестерхольта! Дисквалифицировали с конкурса, выгнали из сестринства, облили жижей, плюнули в пюре. А теперь меня ждёт очередной позор. Я планировала утереть Винсу нос во время выступления в клубе, показать, чего я стою, но все уперлось в банальное отсутствие бас-гитары? И что мне теперь делать?

Майкл вернулся к стойке и удрученно развел руками.

— Придется тебе, Елена, писать исследование о другом инструменте, ну или попросить у кого-то.

У кого-то... Бас гитара есть у Вивиан, но мне духу не хватит заявиться к ней после всего.

— Великие Музы, что же мне делать?

Мысленно взмолилась к хранителям академии.

— Говорю же, выбери другой инструмент.

Настойчиво повторил своё предложение Майкл, как если бы я высказала свою мольбу вслух.

Странный он. Я бы точно запомнила его, если бы мы ходили на одни занятия. Волосы практически огнем горят, какие рыжие. Клянусь, мне даже чудится треск пламени. А глаза-то? Они вроде карими были, а сейчас голубые. Мне чудится? Я даже проморгалась. Нет. Его точно не было среди студентов первого курса. Кто он такой?

— А можно мне зайти в хранилище? — осторожно попросила его.

— Не веришь, что там ни одной бас-гитары не осталось? — озорно ухмыльнулся Майкл.

— Ээээ...Нет. Хочу выбрать замену. Последовать твоему совету.

— Тогда прошу, ты точно найдешь, что тебе нужно, — парень галантно пропустил меня к двери, а сам вернулся к стойке.

Здесь я была лишь однажды, когда мне понадобилась виолончель для настоящего исследования.

Именно тогда я впервые поцапалась с Вестерхольтом. Первый курс, я почти никого не знала и большую часть времени держалась особняком. Практиковалась в гордом одиночестве, много читала и бралась за любое дополнительное задание. Проще было удариться в учебу, чтобы не чувствовать себя одинокой в этой огромной академии.

С тех пор здесь мало что изменилось. Может быть, стало чуть больше инструментов, но они все так же уныло расставлены вдоль стен и ждут своего часа. Я прошла мимо акустических гитар, миновала ряд с электрогитарами, восхищённо задержалась у гигантской арфы. Несколько недорогих синтезаторов сиротливо стояли в углу и покрывались пылью. Прошагала в зал духовых инструментов, но мне они сегодня тоже без надобности.

Наконец добралась до скрипок. Именно здесь он тогда и сидел. Настраивал инструмент в гордом одиночестве. Но не свою привычную гитару со жутким грифом, а обычную виолончель. Не знаю, почему я спряталась тогда. Почувствовала, видимо, что Винсенту не нужны свидетели. И он заиграл, прикрыл глаза и начал водить смычком, рождая прекрасные образы. Бесконечные зеленые поля сменялись непроходимыми лесами, солнце светило сквозь листья так ярко, что я непроизвольно зажмурилась. Прямо на полу начали распускаться дикие цветы. Кристально чистый ручей змеёй блеснул посреди комнаты, и я даже вздрогнула от испуга. А потом я увидела девочку, она прыгала через ленивый поток воды и смеялась.

Музыка нарастала, стала тревожнее, отчего у меня испуганно забилось сердце.

Треск веток.

Я обернулась и увидела настоящего медведя. Мой громкий крик прервал игру Винсента, и образы тут же исчезли, а на его лице появилось странное выражение. В тот миг он не был зол. Скорее удивлён.

— Очень красиво. Ты извини. Я новенькая. Меня Елена зовут. А ты должно быть тот самый Винсент! — тараторила я, с трудом сдерживая восхищение.

Я подошла к нему и протянула руку, но вместо радушного приветствия услышала лишь грубое:

— Скажешь кому, о том что видела меня здесь, принцесса, и в своей постели обнаружишь клубок ядовитых змей.

Что ж никому я об этом никогда не рассказывала. И вовсе не из-за угрозы и страха. Винсент мог просто попросить, и я бы молчала. Даже Шайло до сих пор не в курсе. А мы делились практически всем. До сих пор не понимаю, отчего он так взъелся на меня в тот день. Я не могу придумать ни единой причины его внезапной ненависти. Но отчего-то именно сейчас она вдруг стала нестерпимо ранить меня и рождать сотни вопросов.

Я хочу дать ему отпор. Хочу, чтобы он пожал мне руку как равной. Хочу сделать это красиво. А для этого мне нужно не оплошать на сегодняшнем выступлении.

Обвела комнату взглядом. В темном углу удручающей тенью нависал почти двухметровый футляр. На нем было бесчисленное количество сколов и царапин, а сам он был перетянут бечевками. Словно чудовище заперли и сковали цепями, чтобы не вырвался.

Но, разумеется, никакого монстра там не было, там покоилось именно то, что поможет мне утереть нос Вестерхольту и показать ему моё виртуозное пиццикато. Я нашла идеальное оружие для сегодняшнего вечера. Такого ты точно не мог предугадать Винсент, а у Виктории попросту не хватило бы мозгов.

Принялась развязывать бечевку, а затем открыла футляр и улыбнулась старому инструменту:

— Ну привет, чудище! Скучал?

Контрабас ничего мне не ответил. На нем так долго не играли, что даже отголоски старой музыки бесследно испарились с его струн. Кто бы твоим хозяином, какие пьесы ты исполнял, скольких студентов научил? Коснулась деки, надеясь почувствовать нетерпеливые вибрации. Тишина. Он потерял надежду снова быть услышанным. Это ужасно.

Быстро достала инструмент и принесла его к скамейке. Положила себе на плечо как раненого солдата и занесла над безмолвными

струнами смычок. А что сыграть-то первым? Какая песня достойна пробудить его ото сна.

Я уже знала ответ. Та самая, что лишила покоя меня. Песня Винсента.

И я запела, осторожно подбирая партии Виви, обрамляя свой голос густым бархатным звучанием. Низкий, уверенный, как голос Вестерхольта, он сплетался с моим.

Я придумал тебя

И поверил в обман.

Контрабас просыпался, и я попутно настраивала его, подкручивала колки, возвращая ему истинный музыкальный облик.

Но реальность так зла, придушила змей,

Прикопала землей

Воспоминания,

Которых нет.

Что так сильно ранит тебя, Винсент? Что случилось в том лесу, куда нагрязнул медведь. Ты так ярко сыграл это. Сложно поверить, что это импровизация, скорее воспоминания о конкретном дне...

Их нет.

И я диким зверем рычу,

В своих песнях кричу.

Так услышь же мой крик,

Пока он не стих.

Нана...

Я продолжала играть, и сама того не поняла, как оказалась в том самом лесу. Только в моей игре он не был таким ослепляюще солнечным. Мрачные тени расплзались даже в яркий день, а ручей, через который я перепрыгивала норовил поймать меня за сандали, стащить их и намочить ноги. Мне было тревожно, я зашла туда, куда не следовало. Сейчас-то я это хорошо понимаю, но тогда. Я затеяла игру в незнакомом месте, чтобы успокоить себя. Ручью не угнаться за мной. Вот какая я ловкая. Ещё и напеваю что-то веселое ловя редкие солнечные зайчики в ладоши.

Треск веток.

Теперь я почти точь-в-точь повторяла ту пьесу Винсента, но уже на контрабасе. В моём исполнении не было того надрыва, скорее бархатной обволакивающая угроза. Тяжелые шаги медведя. Подняла

взгляд на свое творение, но в этот раз не испугалась черных глаз зверя. Он просто наблюдал издали и слушал звонкое пение маленькое девочки.

Моя рука сорвалась, смычок издал какой-то полувизг полукрик, закричала и иллюзорная я, мне на плечо легла цепкая рука, а недовольный вопрос:

– Ты чего тут забыла! – напугал так, что инструмент полетел на пол.

Глава 7

– Что же ты творишь, глупая девчонка?

Рука исчезла у меня с плеча, и с неподвластной даже молодым прытью сухонькая женщина очень почтенного возраста рванула к контрабасу и поймала его до того, как он упал.

– Простите! – я вскочила с банкетки и виновато склонила голову.

Когда же мои приключения за день закончатся?

– Елена? – удивленно спросила Мари Коч, поправляя на носу свои знаменитые очки с золотыми цепочками. Именно она вела у меня пары по истории музыки два года назад.

Из всех преподавателей ко мне она была всегда строже. И что прощалось иному студенту, мне оборачивалось низкой оценкой и даже выговором. Меня она люто ненавидела, других объяснений я просто не нахожу.

– Госпожа Коч, я...

Она подняла свой длинный указательный палец, и я мгновенно замолчала.

– Тебе кто разрешил сюда заходить, а тем более брать *этот* инструмент?

Кончик пальца Мари Коч слегка приопустился, а значит мне было дозволено говорить.

– Майкл. Он сказал, я могу выбрать себе инструмент.

Может не стоило сдавать парня, все-таки он был вежлив ко мне, а теперь госпожа Коч из него одним лишь взглядом душу вытрясет.

Вот только недобрый взгляд достался мне.

– Ты сейчас издеваешься?

Она точно в ярости. И как ей удастся своим убийственно спокойным голосом меня наизнанку от страха выворачивать.

– Нет. Он там за стойкой стоял. Рыжий такой, и веснушки у него ещё по всему носу...

Я бы точно добавила, что он тоже её студент в прошлом, но не успела, Мари держа одной рукой огромный контрабас, а второй схватив меня за запястье, рванула к стойке. Я едва поспевала за ней. Ей

бы честь академии защищать на спортивных соревнованиях. Вон какая бодрая старушка.

За стойкой было пусто.

Тот рыжий разыграл меня?

– Он точно был здесь, госпожа Коч. Клянусь!

– Я не ожидала такого от тебя, Елена. Ты казалась мне самой умной среди студентов, что с тобой стало? Сорванный концерт, издевательство над старшими, порча чужого инструмента!

Она с любовью погладила контрабас.

Стиснула зубы от обиды. Я никогда не дерзила взрослым, всегда была послушной. Я единственная, кто поздравил её с днем рождения, запомнив любимый сорт чая, когда она лишь вскользь обмолвилась о нем на паре. Вербена и яблоки! Я запомнила чай, но не запомнила какого-то рыжего Майкла! Ух, попадись мне этот лжец!

– Этот инструмент пылился без дела. Да я в него жизнь вдохнула!

А вот теперь я начала дерзить, и мне совершенно не стыдно! Я спасла контрабас от одиночества.

Коч поджала губу, но ничего не сказала.

– Будешь писать объяснительную.

– Опять? Да что я сделала? То, что какой-то рыжий парень разыграл меня, представившись работником хранилища, не моя вина. Найдите его, вот пусть он пишет.

– Ты продолжаешь издеваться, Елена ден Адель?!

Я сейчас просто задохнусь от несправедливости. Зло дернула молнию на сумке, что аж застежка слетела. Достала чистый лист и ручку и шлепнула ими по столешнице.

– Пиши, – властно проговорила Мари Коч.

Отлично, хоть не придётся сочинять, как у Амадея. Напишу под диктовку и уйду по своим делам. Жаль, что контрабас я такими темпами не получу. Мари выгонит меня отсюда пинком под зад.

– Я Елена Анна ден Адель...

Я выводила все это максимально уродливыми и нечитабельными буквами.

– ... проникла без разрешения в хранилище музыкальных инструментов. Взяла в руки редкий коллекционный контрабас, который даже не успели добавить в опись. Чуть не сломала его.

Замерла перед последним предложением. Ничего бы я не сломала, если бы госпожа Коч не подкралась ко мне со спины!

– Какие-то проблемы, Елена? – спросила Мари, приподняв тонкую бровь.

– Никаких, – процедила я и уткнулась обратно в листок, покорно слушая диктовку своего бывшего преподавателя.

– На замечания дерзила, а свою вину перекладывала на статуэтку со стойки регистрации, чем явно глумилась не только над чувствами госпожи Коч, но и над покровителями нашей академии.

– Погодите... – я даже ручку в сторону отложила. – Какую ещё статуэтку?

Никакой статуэтки не было на стойке! Это я помню точно. А теперь стояла!

Схватила шкодливо улыбающуюся фигурку с полупрозрачными крыльями, которая раньше стояла на столе Мари Коч.

– Михаил, – прошептала имя самого главного покровителя нашего факультета, только в голосе моем было больше досады, чем благоговения. Либо меня жестоко разыграли, либо..., либо я тронулась и увидела настоящую Музу. Муза... Парня-муза.

Я побледнела, вспомнив, как часто за последнее время я взывала к божествам.

– Он... Он мысли мои читал, – бормотала я вслух, чувствуя, что схожу с ума. – И это именно он сказал выбрать другой инструмент, – меня поражало озарение за озарением, когда я вспоминала свой разговор с этим рыжим.

– *Ты точно найдешь, что тебе нужно,* – преследовал меня голос Майкла.

И ведь нашла. Идеальный инструмент, идеальное оружие. Вот только мне ни за что не поверит Мари! Это всё звучит как бред.

Мне на лоб легла прохладная рука, даря на покой воспалённому сознанию. Госпожа Коч уже не выглядела такой сердитой. Он осторожно забрала у меня объяснительную, смяла её и выбросила в мусорку под стойкой.

– Я тоже видела его, – вдруг сказала она с грустной улыбкой. – Ах как же меня дразнили во время учебы, и вот я чуть не повторила с тобой подобное. Я думала, ты издеваешься, над моей верой в... Майкла. Так он себя теперь называет?

Я кивала, все ещё переваривая случившееся. Даже не моя встреча с настоящей Музой так поразила меня, я была в шоке от того, что губы Мари Коч способны на такую нежную улыбку.

– Я заварю тебе прекрасного травяного чая. Он отлично успокаивает нервы и мятежную душу. Расскажешь мне ещё раз, что натворил этот рыжий дьяволенок в моем хранилище? И как он теперь выглядит? То ли чай у Мари Коч такой особенный, то ли у меня наболело, но я сама не заметила, как выдала ей практически историю своей жизни, сидя на уютной софе. Не упустила я из виду и странную игру Вестерхольта с лесом и медведем. По большей части о Винсенте я и говорила. Жаловалась, обижалась, краснела.

Моя бывшая преподавательница не перебивала, слушала прикрыв глаза, а затем, когда я наконец замолчала, переводя дух, выдала:

– Контрабас этот мой. Можешь брать, ты права, давненько он молчал. А ты напомнила ему о былом.

Она посмотрела на инструмент с какой-то горько сладкой тоской и вздохнула.

– Ваш? Вы играли на контрабасе? – этот день полон открытий.

Представить сложно её за этой машиной.

– О, ты удивишься. Я исполняла партии в рокабилли группе. Ох, и бунтаркой же я была. Выступления в кабаках, чистое веселье. В меня однажды запустили бутылкой, а я увернулась и продолжила виртуозно играть, пока подвыпившие мужчины месили друг друга у сцены под нашу музыку.

Я сидела с отвисшей челюстью, и наблюдала как Мари Коч щелкает пальцами, дергает плечом и постукивает ножкой в такт.

– Яркая одежда, смешные начесы, – мечтательно продолжала она. – Михаил всюду следовал за мной, помогая раскрыться. Это было лучшее время в моей жизни.

– А почему же перестали играть? – спросила я, и Мари грустно улыбнулась.

– На смену рокабилли пришли боевые марши, яркие наряды повесили в шкафы, и достали военные мундиры. Михаил пытался достучаться до меня, но мое разбитое сердце уже не могло творить магию. Тот, кого я любила на вернулся с войны.

Я крепче сжала чашку. Мари, тоже потеряла близкого человека, но, если я искала в музыке утешение, она же затолкала её в дальний

угол.

– Это было давно, Елена. Так давно, что пора бы моему другу смахнуть пыль со струн. Тем более клубы он любит. Не думаю, что там все сильно изменилось. Повеселитесь там, он тебя в обиду не даст.

– Я не могу. Это же память, – возмутилась я, потому что мне вручали самую настоящую реликвию.

– Да брось. Михаил крутится рядом до сих пор и не теряет надежды. Не разочаруй его. И Вестерхольта тоже. Мне кажется, они оба ставят на тебя.

– Вам кажется, Винсент ненавидит меня, дразнит и чего только.

Мари отставила чашку, поднялась с места и подошла ко мне. Она ласково погладила меня по волосам, и её рука больше не казалась мне цепкой и грубой.

– Тогда тем более бери в руки контрабас и покажи ему, чего стоишь, он явно бросает тебе вызов, иначе зачем бы ему забирать все бас-гитары со склада час назад?

После всех не самых подходящих выкриков для девушки моего возраста и статуса на моих устах остался лишь один цензурный вопрос:

– Зачем он это сделал?

Мари Коч лишь пожалала плечами, а я закусила губу и принялась ходить из угла в угол. Он слишком легко согласился на мою замену сегодня. Подозрительно легко, я бы сказала. Не в его это правилах, вот и разгадка, он решил проучить меня. Взвалил непростую задачу подготовиться к выступлению и забрал все инструменты, чтобы подставить. “В”! А я-то наивная подумала на Викторию, напрочь забыв, кто настоящая змея в этой истории. Тоже на букву “В”.

– По какой бы причине он так ни поступил, это совершенно не мешает тебе сыграть сегодня. Контрабас в чем-то даже лучше простой басы гитары, – задумчиво проговорила Мари. – Давай-ка я покажу тебе пару фокусов. Ты умеешь играть слэп?

– В теории, – честно призналась я.

Хоть я была одной из лучших студенток, но многие вещи для меня оставались темным лесом, в частности этот самый грубый слэп, я даже в самом страшном кошмаре не смогла бы представить, что буду буквально бить инструмент по струнам, а не нежно водить по нему смычком. Даже пиццикато всегда виделось мне чем-то варварским.

– Тогда смотри, – Мари Коч подмигнула мне, взяла контрабас, крутанула его вокруг своей оси и положила на плечо.

Её руки двигались так быстро, что я едва успевала следить за движениями. Вот она цепляет струну, вот бьет по ней костяшкой большого пальца извлекая густой бархатный звук, за затем стучит по деке, имитируя перкуссию. Левая рука неуловимо порхала вверх и вниз по грифу. Бас и барабан, два в одном. Все это качало меня на волнах музыки, резонировало в груди, натягивало в душе незримые звуки.

Седая прядь выбилась из тугого пучка госпожи Коч, а не её лбу проступили капельки пота. Но она не останавливалась, продолжала свою виртуозную игру, и вот я уже оказалась в кабаке из прошлого века. Стильные костюмы, запах дорогого спиртного, цокот каблуков. Мне хотелось танцевать, но я сдерживалась и лишь стучала ногой в такт, погружаясь в довоенную романтику прошлого.

Мари молодеда на глазах, а фигурка Михаила отразилась в зеркале задорным рыжим парнем, который с удовольствием слушал исполнение своей бывшей подопечной. Встретившись со мной взглядом, он прижал палец к губам и продолжал довольно качать головой.

– Фуф, – хранительница склада перевела дух. – Теперь ты. Выбери одну из песен Парамнезии и попробуй захватить не только партию баса, но из малого барабана. Вперед!

Моя неожиданная практика затянулась до самого вечера. Пальцы ныли с непривычки, а ладони чуть саднило от ударов по деке, но я справилась. До уровня Мари мне было ещё очень далеко, но для клуба, в котором будет выступать Винсент, более чем сойдет.

Подула на руки и посмотрела на часы. Скоро нужно выдвигаться к месту встречи с Вестерхольтом. Оглядела себя в зеркале. Ученическая мантия с жирными следами от жижи. Не самый лучший видок. Успею ли я переодеться до восьми?

– Вот! – Мари вынесла мне чехол для одежды. – Примерь-ка.

Я потянула за молнию и увидела невесомое мерцающее черное платье. Совсем не похоже на мои пышные концертные наряды. Это было узким и коротким. Подол едва прикроет мне колени.

– Я не... какое красивое и... смелое.

– Как и ты, Елена. Отважиться принять вызов Винсента, после всех ваших стычек, а особенно после вчерашней. Блистай и гори.

Только не настоящим огнем, хорошо?

– Я не могу!

– Елена, платья нужно носить, а музыкальным инструментам нельзя молчать, послушай меня и переодевайся.

Кивнула и спряталась в подсобке. Сбросила с себя грязную мантию и взвесила на бретельках подарок от Мари. Слишком откровенно. Но я хочу. Хочу сбросить с себя старую скорлупу. Я хочу, чтобы глядя и слушая меня больше никто не зевал. Хочу похвалы и искренних аплодисментов.

Почти идеально, не хватало только чего-то на поясе, Мари была чуть крупнее меня, и мне бы не помешал ремень. В остальном же выглядела её непривычно и мне это нравилось.

Вышла к Мари.

– Неплохо, его бы чуть-чуть приталить, но в целом сойдет, – госпожа Коч поправила мне прическу, расправила складки и выглядела довольной.

– Спасибо, госпожа...

– Просто Мари. Я уже не твой преподаватель, так что отбросим формальности.

– Но я бы хотела, чтобы вы и дальше учили меня. За несколько часов я узнала больше, чем за годы!

– Не путай учить и наставлять. За наставлениями и советами ты можешь приходить ко мне в любое время.

Она осторожно обняла меня, чтобы не помять платье, а затем вручила футляр с контрабасом.

– Порви их всех, Елена. Порви их в клочья.

Глава 8

Мой боевой настрой начал стремительно таять, когда я увидела в назначенном месте небольшой фургончик, рядом с которым стоял Марк и Ласло в компании каких-то незнакомых мне девушек. Черные ногти, рваные колготки, клетчатые юбки. Может, не стоило Мари заморачиваться со моим внешним видом, моя перепачканная мантия отлично бы вписалась, а так я и мой контрабас выглядим ужасно неуместно среди этих неформалов.

Винсента на горизонте не было. Хорошо это или плохо, понятия не имею, но мне пришлось собраться с духом и подойти к ребятам.

– Добрый вечер, – я старалась звучать максимально непринужденно, но ничего не вышло. Я словно лом проглотила, стояла перед ними по стойке смирно и не знала, куда себя деть.

– Здоровались уже, – кисло отозвался Марко, сунул руки в карманы, глядя на мою протянутую для приветствия ладонь.

Не очень-то и хотелось. Или хотелось?

– Салют? – поздоровалась одна из девушек. – Платье класс. Винтажненько. Бабулин сундук грабанула?

Меня хвалят или оскорбляют? Как реагировать?

– С-спасибо? Но моя бабуля умерла задолго до моего рождения, так что нет. А платье мне дала Мэри Коч. Это немного не мой стиль, я больше люблю, знаете, пышные бальные. Хотя, возможно, бабуля носила что-то такое. Надо спросить у отца.

Лица у всех присутствующих мгновенно вытянулись, а невысокая девушка с массивным фотоаппаратом побледнела и спросила на полном серьёзе, указывая на футляр:

– Это же не гроб?

И снова я понятия не имею, как реагировать. Она испугана? Надо успокоить, или посмеяться?

– Нет же. Тут контрабас, – я похлопала по дереву и попыталась улыбнуться. – Его тоже дала госпожа Коч, она моя бывшая преподавательница...

– Ага, держи нас в курсе. Это охренеть как интересно, – бросил Марко и открыл водительскую дверь. – По коням!

Получить расположение собравшихся у меня явно не удалось. Девушки переглянулись между собой, посмотрели куда-то поверх моей головы и гуськом нырнули в фургончик. Мы что куда-то прям далеко поедем от академии? Я неуверенно сделала шаг назад, но тут же уперлась в кого-то спиной. Обернулась и увидела невозмутимое лицо Винса.

– А ты прям душа компании, принцесса. Куда собралась? Сбежать решила?

– И давно ты тут стоишь? – шикнула на него и попыталась отстраниться.

– Как раз с твоего душещипательного рассказа о бабуле. Умеешь ты завести толпу.

А вот сейчас обидно стало, потому что, судя по моим унылым выступлениям, единственный раз, когда мне удалось завести толпу был именно тогда, когда я подожгла сцену.

– Можно? – он постучал указательным пальцем по футляру контрабаса, я мгновенно прижала его к себе.

– Нет!

– Что так?

– А то ты сам не знаешь! Забрал все бас гитары, чтобы выставить меня идиоткой, а теперь хочешь забрать и этот инструмент.

Так его, Елена. Пусть знаешь, что я в курсе его подлого поступка, пусть видит, что не боюсь.

– Я не мог допустить, чтобы ты выступала в моей группе с теми ученическими детскими инструментами. Это в первую очередь бросило бы тень на меня.

Ничего себе как запел.

– Поэтому ты решил молчком их забрать?

– Не молчком, я расписался за каждую взятую в аренду басуху, – Винсент был просто непрошибаем, и все ещё пытался забрать у меня контрабас, только я вцепилась в него обеими руками.

– Ты мог обсудить это со мной для начала.

– Зачем? Ты сама отлично справилась и нашла замену, кто подсказал?

Я не ослышалась. Он похвалил меня?

– Великие Музы помогли! – огрызнулась я, продолжая тянуть на себя инструмент.

– Не скромничай. Я думал, ты догадаешься попросить Виви о помощи, а она сдастся и выступит сегодня с нами, но так даже интереснее.

Рывок, и я выпустила контрабас из рук, а Винс быстро поймал меня за запястье, чтобы я не упала, потеряв равновесие. Вот оно что... Он и не хотел, чтобы я играла с ним, он использовал меня, чтобы помириться с сестрой.

В груди стало как-то пусто, даже мандраж перед выступлением пропал. Мне бы взять и уйти, но вместо этого я смотрю за восхищенным лицом Винса, который гладит струны и не без удовольствия извлекает приятный слуху насыщенный звук.

– Ты полна сюрпризов, курочка, хочу посмотреть на тебя в деле с этой штукой. Продолжай удивлять меня дальше. Мне очень нравится.

Он похвалил меня, и эта похвала была похожа на дикий мёд. Жутко необычный вкус у такой, казалось бы, привычной вещи. Как часто меня хвалили в академии, но приятно мне только сейчас. Терпко, сладко, а ещё вязко так, что я слова в ответ сказать не могу, прилипла и пропала в этом “Мне очень нравится”. Только мычу Вестерхольту что-то невнятное, когда принимаю свой инструмент обратно.

– Ну вы там скоро, Винс? Мы опаздываем уже! – Ласло высунулся из кабины и нетерпеливо махал нам. – Мне ещё с Еленой надо порепетировать успеть.

– Пойдем, курочка. Волнуешься? – заботливо спросил Вестерхольт, и мандраж мгновенно вернулся ко мне, разбежался мурашками по телу и мазнул жаром по щекам.

– Немного. И хватит уже называть меня так, я же просила!

– Как так? – игриво переспросил Винсент, совершенно не торопясь к фургончику, он словно нарочно замедлял шаг.

– Курочкой, – тихо повторила я, чувствуя, как щеки зажгло ещё сильнее.

– Ой, брось. Тебе же нравится. Ты же не просто так скопировала мой рисунок и носишь в сумке весь день, – выстрелил мне контрольным в голову Винс.

– Как ты... Как? Ты следил за мной?

– А? Я? Да я просто угадал. Ты серьёзно так сделала?

Я буквально плавила от стыда в этот момент, и будь контрабас чуть легче, я непременно замахнулась бы им и зашибла мерзавца.

– Курочка, у тебя, кажется, жар, – он бесцеремонно положил мне ладони прямо на пылающие щёки. – Играть-то сможешь, или к врачу тебя проводить?

– Ненавижу тебя, Вестерхолт. Ненавижу, слышишь, это все от злости сейчас, ты понял? Закипаю просто!

– Ну конечно, не от любви и нежности. Ты же не сделала такую глупость, не запала на меня?

– Я лучше сдохну в муках, чем мне понравится, кто-то вроде тебя! Грубо убрала его руки со своих щек.

– Ага, я вижу, как ты преодолеваешь прямо сейчас. Расслабься уже и выдыхай, не враг я тебе.

Я бы поспорила! Самый настоящий вражина. Талантливый до одури и столь же мерзкий.

– Зато мандраж и волнение пришли, да? – Он подмигнул и щелкнул пальцами. – Когда ты на меня злишься, совсем иначе играет, с душой, а не по нотам.

А вот тут он прав. Что-то при мысли о нем действительно пробуждается душе и позволяет иначе смотреть на музыку. Вот только я бы в жизни не поверила, что моим топливом станет жгучая ненависть. Обычно я предавалась своей сладкой меланхолии и детским воспоминаниям.

В фургончике было не так много сидячих мест. Почти все, кроме диванчика в хвосте, были заняты. На одних лежали инструменты, сумки, нотные листы и даже остатки еды. На тех, что почище и посвободнее устроилась троица в драных колготках.

Винсент сразу направился в конец салона, а я неуверенно смотрела ему вслед. Со своим инструментом я никуда больше не примошусь. Вздохнула и начала протискиваться к своему кошмару наяву. Мне нужно-то перетерпеть поездку, концерт и обратную дорогу. Делов-то. Терпела же я Вестерхолта все эти годы?

Терпела. Только все эти годы мои голые колени не терлись о его. Великие Музы, за что мне это наказание?

Села рядом с Винсентом, стараясь сильно не задевать его, только он нарочно ноги свои расставил так, словно у него между ними контрабас стоит!

– Ты не мог бы подвинуться?

Я честно старалась звучать вежливо, но на выходе у меня получалось какое-то шепелявое проклятье.

– Ты села на моё место.

– То есть не подвинешься?

– Нет.

Одно хорошо, жар с щек сошел. Плохо, что теперь у меня горит коленка.

Следующие десять минут поездки я ерзала, пытаюсь устроиться поудобнее, а Винсент, захвативший большую часть сидения самым наглым образом спал. Ещё чуть-чуть и на плечо мне свалится. Его совсем не волнует предстоящее выступление и, что я в жизни не играла в подобной группе. Для него это словно рядовой концерт. А я вот волнуюсь, искренне не хочу подвести Виви, в то время как её брат и в ус не дуёт.

Пихнула его плечом, когда он почти лег на меня, но Винс даже не дернулся, а только лениво спросил:

– Уже приехали?

– Не знаю.

– А чего тогда будишь?

С этими словами он уже в открытую привалился ко мне и собрался продолжать спать. Я же едва дышала. С одной стороны контрабас, а с другой хамоватый наследник Вестерхольтов.

– Не мог бы ты, пожалуйста, слезть с меня, я задохнусь сейчас.

– У курочки мягкие пёрышки, мне нравится. Терпи.

– Ты плечо мне вывихнешь, я играть не смогу!

– Не драматизируй, ничего с твоим плечом не случится.

Отлично. Он так близко, что я чувствую запах его геля для душа, слегка потную футболку и какой-то ненавязчивый дезодорант. Что-то хвойное. Лес... Я вижу длинные ресницы Винса, на которые падает челка. Завораживающий блеск сережки на губе вновь напоминает мне о моем постыдном сне.

У меня так много вопросов к нему. Почему его песни посвящены какой-то Нане? Это же не я? И потому он играл на виолончели пьесу, в которой была я в темном лесу.

– Винс... – начала я.

– М?

Черт, я думала, он спит. Теперь придется действительно спросить его о чем-то. Только вот о чем?

– А кто эти девушки? Они же не музыканты, я не чувствую в них магии. Ни капли.

– А они и не волшебницы. Это наш фан-клуб. Дора, – Винсент вытянул руку и указал на девушку с фотокамерой, – снимает наши выступления и монтирует любительские клипы. Джулс ведет нашу страничку в эфире, а Лаура отвечает за мерч.

– Какой ещё мерч?

Говорит на каком-то чуждом языке. Это что-то на хангрийском?

– Товары с символикой группы. Футболки, кружки, магнетики.

– Аааа... погоди! Вы прямо настолько популярные?

Он фыркнул мне в плечо, и я поежилась.

– Ты из леса, что ли вышла, курочка? Я думал, ты домашняя, а ты вон дикая какая.

Как же он достал. Думала, если не буду обращать внимания на это прозвище, то он перестанет, а Винс только чаще дразнится.

– Тогда другой вопрос. Если вы настолько круты, зачем вам посредственный конкурс в академии? У вас и так сотни поклонников, готовых покупать кружки с вашими портретами.

– Тысячи поклонников. Это был бы только первый этап, затем мы бы вышли на уровень федеративной земли, а после в королевский финал.

– О, – я вернула своему голосу надменности. – Ты искренне полагал, что пройдешь дальше академии с той посредственной песней?

Винсент резко поднялся, навис надо мной и вперился своим злющим взглядом прямо мне в душу. Он хлопнул ладонью по стене фургончика позади меня, и я, насколько это возможно, попыталась отодвинуться от его лица, но уперлась затылком в его же руку.

– Повтори-ка, курочка. Глядя в глаза мне повтори.

– Ты и сам все знаешь, Винни. Тебе же понравилась моя редактура, просто признайся.

Я надеялась, что это заставит его хоть немного растеряться, но Вестерхолт продолжал гипнотизировать меня, а затем я почувствовала, как он развернул свою ладонь и зарылся пальцами в моих волосах.

– Очень понравилось, ты играешь четко по моему плану, – услышала я его по-змеиному шипящий ответ с жутким хангрйским акцентом. – А теперь мой вопрос.

– Задавай, – прошептала, отчаявшись сбежать или увернуться. По какому такому плану я играю, что он несет?

– Показать тебе, как это?

Его вопрос был насквозь пропитан моим сновидением. Сердце тут же подскочило к горлу и начало пульсировать прямо в губах.

– Что именно? – я уже не сомневалась, что мы идем четко по сценарию из моих грёз. Но откуда Винс знает об этом? Уж не он ли внушил мне этот сон?

– Как целоваться с этой штукой, – без тени смущения сказал Вестерхолт, и тут же добавил: – Ты же это хотела узнать, когда Ласло и Марк нас прервали?

Отшутиться, оттолкнуть его? Обозвать лабухом?

– У меня есть возлюбленный! Ты же знаешь его. Флориан Майер, – заикаясь, протестовала я.

– Я так не думаю, Нана.

– Ты же сам подловил меня на этом вчера. Амадею пожаловаться хотел, – я оттягивала неизбежное, даже не сомневаюсь, что Винсент сейчас поцелует меня, у него взгляд безумца, он сделает любую гадость, чтобы продолжать выигрывать нашу затянувшуюся дуэль.

– Мы не закончили с моим вопросом. Мне показать?

– Не интересно.

– Лжешь, Нана.

Я бросила взгляд в салон. Дора, Джулс и Лаура даже не смотрели в нашу сторону, обсуждали что-то, показывали друг другу картинки на видеофонах. Смеялись.

Взяла волю в кулак и снова обратила взор на своего мучителя.

– Это лишь праздное любопытство, Винсент. Да, мне интересно, как целоваться, есть и разговаривать с этой штукой. Не выливается ли вода у тебя изо рта, когда ты пьешь. Не пытаются ли сороки вырвать ее прямо из губы. Много вопросов, и поцелуи далеко не на первом месте.

Улыбается, и я физически эту улыбку чувствую, как близко мы друг от друга. Достаточно небольшой кочки на дороге, и я уже не так верна своему преподавателю. Смущает лишь последнее замечание

Винса о Флориане. Могу ли назвать возлюбленным того, кого люблю молча и безответно?

Фургончик, наконец, затормозил, и Вестерхольт лишь слегка коснулся своей серьгой моих губ, как у меня мгновенно запульсировало в ушах, словно я нырнула на самое дно глубокого озера.

Все начали собираться, а я сидела как утопленница. Не дышала, а только слегка покачивалась, словно на волнах. Это уже считается за измену моему Флориану, или пока нет? Да что со мной?

– Винни, вы там идете?

Я первой попыталась подняться с места, но Винсент рывком усадил меня обратно.

– Пять минут, Лас. Начинайте проверку звука без нас. Мне надо показать курочке пару приемов, мы вас сейчас догоним.

Нет-нет-нет. Я не останусь с ним наедине. Куда все?

Представительницы фан клуба спорить не стали и покинули салон. Марко забрал свой синтезатор, а Ласло вытащил чехлы с тарелками и свою потрепанную педаль из-под сидений.

– Пять минут, Винни. У нас новый басист, мы с Виви-то лажали как не в себя, а тут будет полнейшая катастрофа.

Вестерхольт даже не повернулся к Ласло, буравил меня своими жуткими глазами:

– Не будет никаких проблем, просто свали уже.

Сглотнула. Я в незнакомом месте, наедине с моим самым ненавистным человеком во всех двух королевствах. Что может пойти не так?

Вестерхольт, наконец, поднялся с места. Слава Великим Музам, поцелуев не будет. Я даже вздохнула с облегчением. Но недолго я радовалась. Винс положил руку на свой ремень и начал деловито греметь массивной пряжкой, пока она не поддалась, и его штаны не повисли на бедрах, держать только на одном честном слове.

Ладно, я передумала. Лучше поцелуй.

– Пять минут, Вестерхольт? Все настолько плохо?

Мой голос был на удивление спокоен и даже приправлен нотками издёвки, когда как на самом деле, всю меня трясло от происходящего. Это не я сказала, меня словно кто-то дергал за незримые ниточки.

Клянусь, я увидела в отражении зеркала заднего вида рыжеволосую голову Майкла у себя за спиной!

Но в этот раз я даже благодарна была этой своенравной Музе, потому что Винсент на мгновение потерял дар речи. Он явно смутился. Затем откашлялся и взял под контроль эмоции.

– Встань, пожалуйста, Елена.

Ух ничего себе, что ответные издевки животворящие делают. В одном предложении сказал “пожалуйста” и моё имя. Возьму на заметку, как с ним надо общаться. Немного уязвленного мужского самолюбие, и вот передо мной уже не ядовитая змея, а безобидный ужик.

Встала во весь рост и отважно уставилась Винсу в подбородок. Хотя ремень, угрожающе зажатый в его руке, меня пока ещё напрягал, я всё равно решила продолжать подначивать Вестерхольта, окрылённая поддержкой самого Михаила.

– Ты же не попросишь меня задрать платье и отставить зад, а? В нашей академии порка запрещена вот уже пятьдесят лет как.

Моя Муза с размаху шлепнула себя по лицу, а глаза у Винса расширились от удивления. Перебор...

Прикусила язык. Да что это со мной?

Тяжелый вдох моего заклятого врага, словно из меня весь воздух разом вытянул.

– У курочки внезапно прорезалось пошленькое чувство юмора? Как мило. Но ты ошиблась дважды. *Сэтиму* меня все нормально. Не веришь, устрою демонстрацию сегодня же после выступления. Запустим метроном и начнем репетицию. Я даже с ритма не собьюсь. Тоже самое касается порки и твоего отставленного зада. Я не фанат жесточе, но открыт для любых экспериментов, ты только скажи. Ради тебя я наступлю на горло любым своим принципам.

Переиграл и уничтожил. Опять меня понизили до курочки. Даже стыдиться уже нет сил, просто стою и с трудом сдерживаю злые слёзы. Каждое слово дается с невероятным трудом, а он вот так просто отправляет мне мои же колкости обратно, и вот я уже как полумертвая бабочка, даже не трепыхаюсь, а тупо смотрю на огромных размером булавку в моей груди.

– Никогда не начинай то, что не можешь красиво закончить, Нана, кому-то непременно будет больно, – мягко сказал он, а затем

осторожно затянул ремень у меня на талии и защелкнул пряжку. – Мне показалось, что чего-то не хватает в твоём смелом образе. Тебе нужно лучше питаться, а то на тебе уже вещи висят.

– Это платье мадам Коч. Не моё, – я шмыгнула носом.

– Я догадался, и очень боялся, что ты притащишься в одном из своих пышных ужасов. В любом случае, не пропускай больше обед.

А это что сейчас было? Переживает за мой желудок, или расстраивается, что я не попробовала ту мерзость с плевками? Обидно наверно стало, так старался!

– Кто-то плюнул мне в миску! Забыл?

Смеётся. А меня всю потряхивает от его смеха, словно я дверной колокольчик.

– Вот такой юмор мне нравится больше твоих пошлых намёков, идем?

Смотрю на его протянутую руку и уже ничего не понимаю. Как можно быть одновременно таким милым и таким отвратительным человеком? Талант. Интересно, кто его Муза-покровитель?

– Спасибо за ремень. Прямо мои мысли читаешь, – погладила рукой внезапный подарок.

– Так я на самом деле читаю твои мысли, Нана. Это легко и очень увлекательно.

В его темных глазах плескалась магия. Коварная и беспринципная. Если он не лжёт и не красуется, то мне конец. Потому что в моей душе не только страх и ненависть к нему. Это только верхушка айсберга!

Глава 9

Винсент

Как он это делает? Как много он знает? Почему молчит? Это шутка такая?

Уверен, именно это сейчас и крутится по ту сторону милых глазок. Никакой магии, я просто догадался по ее растерянному и испуганному взгляду. Слишком доверчивая, хоть тут не изменилась с нашего первого знакомства.

Читать мысли я не умею, но точно знаю больше, чем она, и это знание – тяжкое бремя. Не поделиться, не открыться, не рассказать ей. Я должен вариться в этом каждый день, злиться за неё, ненавидеть за слабость и желание вычеркнуть меня из её жизни. Если бы и я мог так же легко отбросить своё прошлое, как моя Нана, какой была бы моя жизнь? Я бы так же, как эта незнакомка, уныло брэнчал на гитаре с абсолютно пустой головой? Стоял бы я сейчас с ней в ожидании начала выступления в клубе с дешевым спиртным? Или с зализанной набок челкой я бы готовился к концерту в какой-нибудь филармонии имени кого-то.

Спас бы меня кто-то от такой судьбы? И хотел бы я спасения? Хочет ли его Нана, или я обманываюсь, что ей нужна встряска. Ей нужно немедленно вырваться из своего фальшивого мирка, который она создала своими умелыми руками много лет назад. Иначе она действительно выйдет замуж за Флориана, а я...

Почему я все больше чувствую себя злодеем в этой истории? Тем, кто непрошенный ворвался к ней посреди идеальной скрипичной сонаты.

– И как много ты знаешь? – она с трудом догоняет меня, таща свой огромный контрабас.

От помощи она, разумеется, отказалась. А я не стал настаивать, терпеливо жду, когда она на горло своей гордости наступит.

– Всё, – лениво бросаю ей, не оборачиваясь.

Мне легко играть в мерзавца, даже вживаться в эту роль не пришлось, потому что я на самом деле зол за то, что она сотворила с нами.

– Ты блефуешь. Знал бы, уже шантажировать меня начал.

– А есть чем?

В этот раз повернулся. Соблазн посмотреть на её лицо в этот момент был слишком велик.

Не прогадал. Смутилась. Поняла, что вновь угодила в расставленные мной сети.

– Тогда озвучь одну из моих навязчивых мыслей, если ты на самом деле умеешь их читать.

– Уже озвучил. Тебе очень интересно, как это целоваться с парнем, у которого пирсинг.

– Не считается, ты просто догадался.

Смешная. Даже возражать не стала, что её это волнует. Или пока до неё не дошло, что в эту игру ей не выиграть.

– Ладно, – я приложил палец к виску и выдал, изображая ее девичий голос: – Почему он поет песни обо мне? Я та самая Нана, или это просто совпадение?

Она даже споткнулась и чуть не перелетела через контрабас, если бы я вовремя не поймал ее за плечо.

– И? – с вызовом спросила она.

На щеках румянец, в глазах какая-то лютая смесь из обиды, злости и надежды. Как мы похожи, принцесса, я чувствую то же самое.

– Что и?

– О ком твои песни?

Не ожидал от неё такой смелости. Но я и не ожидал, что вот так с первого раза заманю её сюда. Я искренне полагал, что понадобится чуть больше диверсий, чтобы заставить Нану выступить со мной на одной сцене.

– А ты сама как думаешь, принцесса?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я думаю, с твоих же слов. Меня интересует твой ответ, Вестерхолт. Или опять будешь извиваться и юлить?

Туше. Этот раунд за ней. Но я не очень-то старался. Улыбаюсь, как камень с души падает в этот миг, когда я говорю ей:

– Мои песни о тебе, Нана.

Теперь ход за ней. Но уже позже. Пусть мучается новыми вопросами до ночи.

Завожу её в шумное нутро закулисья, где другие коллективы с нетерпением ждут начала вечера. Мы последние, кто ещё не проверил звук. Беру свою ошарашенную басистку и веду к сцене, с удовольствием ловя на себе любопытные взгляды. Да-да, сегодня будет жарко. Лишь бы Ласло с Марко не налажали, а в курочке я уверен даже больше чем в себе.

Пытаюсь понять волнуется ли Нана. Сейчас я бы не отказался прочесть её мысли на самом деле. Но я просто наблюдаю и делаю вид, что настраиваю и без того идеально звучащую гитару.

Она деловито распаковала свой контрабас, осторожно отставила футляр, положила гриф на плечо, тронула колки, затем подцепила струну и замерла. Что-то прямо сейчас озадачило её. Она вновь извлекла звук и задумалась, а затем перевела взгляд на футляр, где лежал смычок. Сообразительная девочка, сейчас она быстро догадается, что помогло мне узнать о последних терзающих её разумах. Что-то я почитал, коснувшись струн контрабаса, но большее мне открылось, когда я выхватил смычок её скрипки перед выступлением. Инструменты хранят радости и печали своих хозяев, и я бессовестно украл её тревоги. Присвоил, выстрадал, сделал своими.

Она медленно повернулась ко мне и посмотрела с вызовом, а по её губам я прочитал:

– Мерзавец!

Отправил ей воздушный поцелуй, и Нана зло сузила на меня свои глазки, а затем провела ребром ладони себе по горлу. Намёк понят.

Маленькая боевая зубрилка.

Изобразил испуг, а курочка закатила глаза и вернулась к своему инструменту.

Когда она закончила настройку, то подошла к Ласло. С ним она разговаривала совсем по-другому, улыбалась, смеялась, показывала что-то на листе с песнями, постукивала ногой в такт, а потом и вовсе взяла палочки у моего барабанщика и изобразила что-то на тарелках. О Великие Музы, он уже смотрит на неё влюбленными глазами, и теперь они оба хихикают. Пять друг другу дали. Шагнул к ним, борясь с неприятным жжением в груди, но тут же почувствовал у себя на плече руку Марко.

– Опять начинаешь, Винни? Хочешь и это выступление сорвать?

Он все ещё злится на меня за то, что нас исключили из конкурса. Готов за Ви мне шею свернуть, вижу это по его глазам. Слишком импульсивен для рожденного в Острайхе. Интересно, что скажет отец Марко, когда узнает о его влюбленности в хангрийку. Не по этой ли причине, он так люто ненавидит министерскую дочку? Так банально. Даже я понимаю, что не курочка приняла эти нелепые законы, чтобы презирать ее.

– Я ничего не делаю просто так, Марко. Ты не видишь всей картины.

– Я видел слёзы Вивиан. Мне хватило. Я слышу, что прямо сейчас говорят о нас за кулисами. После сегодняшнего вечера мы станем посмешищем. Этот её наряд, этот инструмент. Мне самому не нравится.

Вызов мне бросает. Как мило. Замолвить за него словечко перед сестрой? Прямо рыцарь Острайха.

– Марко, просто доверься мне. Все под контролем, – попытался успокоить своего музыканта, но в ненависти ко мне в этот миг, он переплюнул бы даже курочку.

– Я выступлю с ...этой, – он разве что не плюнул в сторону Елены, –но только раз. Иначе ищите себе нового клавишника

Блефует. Уйдет из группы и потеряет единственную возможность видаться и общаться с Виви.

–*Эта*, как ты говоришь, – я едва сдерживал гнев в голосе, отвечая Марко. – Ключ ко всем концертным площадкам страны. Заполучив её, мы сможем вырваться из этого бесконечного цикла баров и ночных клубов. Но, – я ткнул его пальцем в лоб, – такой упёртый лабух как ты, видимо, хочет продолжать вариться в этом дерьме и дальше. Я для вас же стараюсь.

А вот теперь Марко смотрит на меня иначе. Обида резко ушла. Он смотрел на меня с ужасом и одновременно восхищением.

– Это не она... Это ты сорвал концерт! Ты спровоцировал её специально!

О, Великие Музы, до него наконец-то дошло.

После проверки звука мы вернулись за кулисы. Марко все ещё пребывал в какой-то прострации. Зато довольный Ласло нёс Курочкин контрабас. А мне она не разрешила помочь. Упрямо пыхтела и тащила его сама. С трудом сдержал усмешку. Лас реально ей так понравилось,

или она решила меня позлить, после моего признания? То, что я сказал ей было почти равноценно признанию в любви, если конечно продрагаться через всю тонну издёвок и вражды, что проросла между нами.

Нана встретила со мной взглядом и разве что язык мне не показала. Вот только у меня не укрылось, что рукой она осторожно поглаживала мой ремень. Нравится? Или это угроза такая завуалированная?

Даже язык прикусил, чтобы не отвесить ей очередную колкость. Слишком уж мило она сейчас выглядела. Слегка растрёпанная, в этом непривычном старомодном платье. Глаза её эти горящие азартом. Наконец-то живая, а не ряженая фарфоровая кукла.

– Винни, – меня окликнул лидер Ночных Шутов. Панки, которые отлично взрывают толпу своими игривыми мотивами. Тромбонист у них настоящий гений. Не люблю это признавать, но у ребят есть крутая фишка, и я тоже хочу себе такую. Хочу и почти получил. Моя крутая фишка скоро будет лабать на контрабасе.

– Чего тебе, Иштван?

– Решил послушаться моего совета и перестать жалеть родную сестру? Как басистка она слабоватая, как девушка - огнище.

Марко дернулся вперёд, но я поймал его за рукав. Не хватало ещё, чтобы моему клавишнику пальцы переломали перед выступлением. Ишт ему на них такое крутое соло сыграет, что Марк будет неделю в лазарете рыдать. Не стоит того, даже если это ради защиты чести моей сестры. Виви и сама Ишту навалает при первой же возможности. А я с радостью передам ей этот разговор слово в слово. Не на мне же ей вечно зло вымещать?

– Виви нездоровится, – соврал я.

Кажется, я её видел где-то в толпе. Натянула капюшон на лицо и думает, я её не узнаю. Разумеется, она не пропустит такое шоу.

– И как зовут твоего нового ангелочка? – Иштван не терял надежды вывести меня из равновесия.

– А ты сам у неё спроси, – расслабленно улыбнулся ему, предвкушая, как острая на язычок курочка, заклюёт этого панка.

– А можно? Я думал, он твоя, типа, девушка. Вы тут в гляделки с ней играете с тех пор как пришли. Ошибся?

Внимательный какой.

– Нет. Она не моя девушка. Она любит парней постарше, – нарочно сказал это громче, чтобы Нана услышала.

– А хотел бы?

Его курочка подслала с этими детскими вопросами, что ли? Какого черта он меня пытается?

– Я хотел бы твоего тромбониста к себе в группу. Махнемся не глядя? Я тебе принцессу с контрабасом, а ты мне своего виртуоза.

– Хах. Смешно. Но нет. Это для меня не глядя. Ты-то уже видел Штефана в деле, а я твою девицу не слышал ни разу.

Сегодня услышишь. Мне уже не терпелось посмотреть, как её освистают, и что она будет делать. Виви тут все просто обожают. Курочку не простят за то, что заняла её место. Ласло и Марко это понимают не хуже меня. Нервничают, готовятся к непростому выступлению, и только Нана важная и надутая, словно перед экзаменационной комиссией сейчас играть будет.

Иштван все-таки подошёл к ней, и я напрягся. Не за курочку, за Ишта. Он ещё не знает, с кем связался.

– И откуда ты такая нарядная к нам пришла? С ретро-вечеринки?

Нана картинно закатила глаза и сделала вид, что не замечает парня.

Но Иштван так просто не отстанет.

– Значит любишь класть на себя что-то тяжеленькое? – он поиграл бровями и кивнул на ее контрабас, а затем добавил: – Хочешь сегодня на тебя ляжет восемьдесят килограмм мышц и красоты?

Не вмешивался, наблюдал за лицом Наны, а оно было просто отдельным видом искусства в этот миг. Она оценивающе оглядела блестящий ирокез Иштвана, мазнула взглядом по его замызганной толстовке, цепи висящей на дырявых штанах, ботинках со шнурками разного цвета..

– Ты точно не сделал ошибку в слове красота? Мне кажется у тебя непорядок с семантикой. Ты ведь имел в виду убожество?

Уф! Это было сильно. Особенно слово “семантика”. Иштван слова-то такого не знает.

– Слышь ты.

– Слышу-слышу! Успокой меня и скажи, что ты не поёшь в своей группе. Твоим мерзким голосом только в общественной уборной с посетителей плату требовать.

Ласло начал нервничать и шагнул к Курочке, я же продолжал наблюдать со стороны, как один панк-позер розовеет от стыда и злости.

– Да я тебя! – он потряс указательным пальцем прямо у ее лица.

– Ох, простите, – она начала хлопать себя по невидимым карманам, затем невесть откуда выудила монетку и сказала Ишту: – Вот, держите. Теперь порядок? Я могу воспользоваться свободной кабинкой?

Он растерялся и взял у неё деньги, глупо хлопая глазами, а все вокруг начали громко смеяться.

– Чёрт, а когда она другим дерзит, это прям заводит, – мечтательно вздыхал Ласло. – Возьмём её на постоянку, а? Уж если не музыкантом, то нашим представителем.

Даже спорить с ним не буду. Вот бы ещё она лабухом Иштвана обозвала, мы бы выступление закончили досрочно в полицейском участке, или больнице. Но Курочка провела работу над ошибками и запретное словечко держала при себе.

– Ночные Шуты, на сцену! – объявил организатор.

– Мы ещё не закончили с тобой, девочка, – угрожающе предостерег Иштван и поправил на плече гитару.

– Ночные горшки скорее, не задерживайте очередь, – заржал кто-то из другого коллектива, и закулисье вновь взорвалось от смеха.

Курочка уже стала звездой вечера и нажила себе нового смертельным врагом. Обожаю её.

– Парамнезия, следующие.

– Отлично, Иштван и его команда как раз разогреют для нас зрителей, – я помахал багровому от злости панку, который сегодня обзавёлся новой кличкой, от которой он уже не отмоется никогда.

Глава 10

Запах пота, кожи и канифоли. А ещё что-то сладковато горелое, словно сахарную вату вдыхаю. Необычно. Вкусно. А ещё так знакомо, словно что-то из очень далекого прошлого. Но что?

Принюхиваюсь, пытаюсь угадать. Это идет со сцены, и я непроизвольно шагаю туда, чтобы уловить эфемерное и такое важное, но кто-то останавливает меня.

– погоди, они ещё не закончили, очереди дождись.

Организатор перегородил мне дорогу, и я полупьяно смотрю на него не в силах бороться со странным ароматом.

– Чем так пахнет? – спрашиваю его и пытаюсь заглянуть через плечо, но ничего не вижу за драпировкой. Только приглушенная музыка доносится до меня, бьёт бешеными шkodливymi мотивами по ушам. Дергает словно куклу за ниточки, и невольно хочется прыгать и глупо размахивать руками в такт.

– Ладно, пошутила про общественный туалет и хватит. Иштван, тебе этого до конца дней не забудет, – строго сказал организатор.

– Я не про это. Со сцены тянет. Там что-то подгорает?

– Ага, зад Иштвана, – хохотал кто-то за моей спиной, и даже организатор с трудом сдерживал улыбку.

– Это дым-машина. Она создает эффект тумана, очень красиво преломляет свет. Ты никогда не была клубе?

– Кажется... не была.

Или была? Может, на концертах где-то использовали такое? Но зачем дым-машина, когда можно сыграть настоящий туман. Не понимаю.

– Слай, пусть она посмотрит, пусти её, – попросил Винсент, и организатор отдернул драпировку.

Я осторожно заглянула на сцену из-за кулис. Все действительно было в дыму. Взмокшие Ночные Шуты самозабвенно играли озорной мотив. Яркие мигающие огоньки то и дело пронзали туман, создавая магию, без магии. И тут до меня дошло.

– Они не волшебники!

– О, курочка. Добро пожаловать в реальный мир, – шепнул мне на ухо Винс.

Вот же. Надо будет извиниться перед Иштваном. Чтобы я там про них не наговорила, но ребята молодцы. Ни одна академия, или училище не берёт студентами тех, в ком нет искры. Значит, эти парни освоили музыку сами, даже без покровительства Великих Муз.

Но у меня ещё больше вопросов, что здесь делает Винсент со своей группой? Дразнят тех, у кого нет дара?

– Они твои, Винни, – немного понуро бросил Иштван, когда они закончили и под скромные аплодисменты вернулись за кулисы.

Зрители явно недодали им любви. Пусть ребята лишены магии, но таланта у них не отнять, их музыка была достойна куда большего.

– Было здорово, – искренне похвалила ребят, но они даже не взглянули на меня и ушли приводить себя в порядок.

– Оставь их, Курочка, – мягко попросил меня Винсент. – Они сами знают себе цену, просто путь у них чуть более тернистый, чем у нас, но уверен, они своего добьются рано или поздно. Возможно, однажды я буду играть на их разогреве.

– А сейчас поприветствуем наших любимцев. Па-ра-мне-зия!

Нервно фыркнула со смеху, но тут же получила тяжелый взгляд от Вестерхольта.

– Опошлишь наше название – накажу, – Винс не шутил, а я вот уже не могла остановиться.

– Как? Твой ремень у меня, Паразиты, Паранойя, Паралитики, – сыпала я, пока Винс не зажал мне рот ладонью и буквально выволок на сцену вместе с моим контрабасом. В повисшей тишине кто-то выкрикнул:

– А где, Виви? Что это за курица?

Да они достали меня этим прозвищем!

Следом за оскорблением в меня полетела бутылка...

Время словно замедлилось. Стало густым, как туман от дым-машины. Я быстро провела по струнам вверх, создавая щит, немного не рассчитала. Бутылка отскочила от него и задела Ласло. Он глухо застонал и схватился за руку. Чувствуя свою вину, я рванула к нему, но Винсент остановился и кивнул на рассыпанные по сцене осколки.

– Играть сможешь, Лас? – спросил Вестерхольт.

Парень все ещё морщился от боли, но решительно кивнул. Крутанул рукой, зажал между пальцев палочки и всем своим видом показывал, что ничего не случилось. Организатор дежурно выбежал на сцену с веником и совком, а кого-то из зала заломил вышибала и поволок к выходу.

– Да пошли вы! Я пришел послушать Виви, а не какую-то куклу расфуфыренную, по вине, которой она сегодня не выступает!

Нарушитель истошно орал и выгибался. На груди у него я заметила принт с Вивиан Вестерхолт. Ого! Какой сумасшедший фанат. Сглотнула и посмотрела на оставшихся зрителей, которые сжимали руки в кулаки. От них я точно не дождусь аплодисментов сегодня. Скорее ещё что-нибудь в меня полетит. Но я-то шустрая, увернусь, и такими темпами музыканты у Винни закончатся до того, как мы начнём выступать.

Я ждала, что Вестерхолт что-то им скажет. Сделает какое-то объявление, успокоит. Но он лишь дождался отмашки от организатора и просто начал играть. Напряжённую тишину точно ножом разрезала гитарная партия. Ни в одной из запланированных на сегодня песен, не было ничего подобного. Он сейчас просто переключает на себя внимание? Если да, то ему удалось. Из тумана начали появляться тёмно-фиолетовые осьминожки щупальца, и все испуганно уставились на них. Я же опять почувствовала липкий холодок, слишком уж они были похожи на змей. Извивались, корчились и разве что не шипели. Но самое страшное другое. Они могли быть везде. Даже у моих ног. За густым дымом я едва видела собственные туфли.

Как летом гулять в высокой траве и надеяться, что не наступишь ползучему гаду на хвост.

Музыка становилась яростнее, её подхватил Марко, и даже Ласло начал угрожающе постукивать в бас бочку.

У меня под ногами мелькнула тень. Первой мыслью было бросить контрабас и сбежать, а вторая мысль резко оборвалась, когда что-то обернулось вокруг моих щиколоток, а затем выстрелило вверх, опутало мои запястья и подняло в воздух.

Из моей груди вырвался визг, которые отлично вплелся в игру Вестерхолта. Я пыталась перевести дыхание, посмотреть, что меня держит? Змеи, щупальца?

Ни то, ни другое... Яростная музыка сменилась какими-то спокойными переборами, щупальца превратились в гибкие лианы.

Толпа оживилась, хлопала и свистела.

– Другое дело! А теперь задери ей платье, Винни!

Животные! Они все животные!

Он же не посмеет!

Лиана обвила мне бедро, и подол слегка приподнялся, я же просто пыхтела от злости не в силах вырваться.

– Предлагаю пари, – пропел Вестерхолт. – Если она не справится, и её игра вам не понравится. То наша милая голубка, к концу вечера останется без юбки.

Снова свист и одобрение. Я всё ещё пыталась высвободиться, но лианы лишь крепче сковывали меня при каждом моем движении.

– Согласны, – ответили из зала.

Финальный аккорд, и на лианах начали распускаться цветы, они путались у меня в причёске и, оказавшись на земле я принялась выдергивать их прямо с волосами. В глазах стояли злые слезы, и потому я не видела выражения лица Винса. Насмехается? Радуетесь? Или осознает, как сильно обидел и унижил меня? Он только что взял и поспорил с толпой пьянчуг на меня. Вот так просто!

С размаху ударила его. А он даже не увернулся, спокойно принял наказание, а когда я проморгалась, то увидела его разбитую в кровь губу.

– Лучше, чем получить бутылкой по роже, – ответил он с болезненной гримасой. – Заслужил.

– Ты поспорил на меня, – я кричала, и все с интересом наблюдали за зрелищем.

– Скорее выдал кредит доверия. Оплошаешь, и мне придётся драться с пьяной толпой, которая рванёт сюда, стаскивать с тебя платье, курочка, – ответил он тише. – Не подведи меня, вытирай сопли и бери свой контрабас.

Винни облизал окровавленную губу и обратился уже к толпе:

– Ну что? С какой песни начнём?

– Соль и металл! – хором ответили ему.

– Я так и думал.

Он бросил короткий взгляд на меня, я кивнула и посмотрела на Ласло, который массировал плечо и выглядел не очень хорошо. Песня

очень быстрая, а у парня явно рука не в порядке. Мы справимся?

Лас дал нам отмашку, постукивая палочками друг о друга, и мы начали.

Было несложно, ребята своё дело знали, и я легко подстраивалась под них. Я вплеталась в ритм, который задавал Ласло, укрепляла структуру, чувствовала, как вывожу рисунок по заданному трафарету, а уже создавал его Винни. Я словно шаг в шаг следовала за ним, как затаившийся в темном переулке преступник, жаждущий мести. Те ли это чувства, что должны были быть у меня во время этой песни? Не знаю, но именно этого я и желала. Догнать и стукнуть его посильнее.

А потом Винсент запел, обрушивая на меня всю мощь своего надрывного чуть хрипловатого голоса, и вот я уже сама оказалась в зале среди зрителей, поражённых его исполнением.

Соль и металл,
Когда тебя целовал
Я чувствовал боль,
Металл и соль.
Слезы твои, когда стирала ты нас
В тот час!
А я смотрел и не знал,
Что вечно соль и металл
Останутся на губах.
Во снах!
Но может встретимся вновь,
Я вытру с губ своих кровь.
Исчезнет соль и металл.
Я ждал!
Так ждал.
ТЕБЯ
Я
ЖДАЛ!

– Ты видел? Ты это видел? – я пыталась перекричать громкую музыку в клубе и трясла за рукав высокого нескладного парня.

Он притащил меня на этот концерт, и если мой отец узнает, то голову ему оторвет, а потом и клуб закроет. Но мне было все равно. Меня уносило на волнах драйва. Я вскидывала вверх кулак, оставляла

указательный и мизинец показывая козу. Мне нравилось это. Нравилось!

– Что я видел? – проорал мне на ухо мой спутник, и у меня зазвенело ещё сильнее.

– У него кольцо в губе. Представляешь? Как он ест? И как... как он целуется?

Последний мой вопрос заставил парня покраснеть, и он не сразу ответил.

– Не знаю. Это надо пробовать.

Гитарное соло вырвало меня из этого видения и перенесло на берег горного ручья. Он так стремительно несся, бился о камни, что за его шумом я не услышала шаги за спиной.

Обернулась:

– Великие Музы, что с тобой приключилось, Винни?

Мой друг стоял с опухшей губой и то и дело морщился от боли. За неестественной краснотой я разглядела блеск серьги.

– Твой отец убьёт тебя. Зачем ты это сделал?

Он молчал. Смотрел на меня так по-взрослому, так серьёзно. Что я вдруг оробела.

– Нана, ты же хотела узнать...

Сглотнула. В груди началось настоящее стаккато. Я не глупая и намеки понимаю. А это сейчас самое настоящее признание в любви. Он ради меня пострадал, навлек гнев отца, проколол губу, чтобы я узнала, какой он на вкус этот странный поцелуй.

– Хотела...

– Вот же я, Нана. Узнай меня, пожалуйста. УЗНАЙ МЕНЯ!

– Соль и металл!

Песня закончилась, и я снова оказалась на сцене. Тонула в криках и аплодисментах. В этот раз нами были довольны, и никто не бросался бутылками.

Я пыталась отдышаться и не смотреть на Винсента. Что это сейчас было? Мастерская иллюзия, вызванная музыкой, или нечто другое, выдернутое из глубин подсознания?

Я чувствовала на губах тот трепетный и болезненный поцелуй. Он действительно был с привкусом соли и металла. Мне было не с чем сравнить его, ведь я до этого и не целовалась ни разу. Вот же глупая. Интересовалась, как с пирсингом целоваться, не зная как вообще

целоваться. Да что со мной такое?! В груди все так же лупит, слово кто-то прямо по моим венами слэпует, и я вся дергаюсь и дрожу, не в силах унять эти сладкие вибрации.

Все Винсент с его иллюзиями виноват. Знает, что этот вопрос засел в моей голове и придумал историю, в которую меня затянуло.

Но так реально, словно это реально было с нами. Клуб, ручей, поцелуй. Бесчисленное количество мелких деталей. Он не мог такое придумать!

– Я придумал тебя!

Скандировала толпа.

Нет-нет-нет. Только не эта песня. Я просто не выдержу её прямо сейчас.

Бросила жалостливый взгляд на Винсента, а он смотрела на меня решительно и серьёзно, как в моем видении перед поцелуем. Снова отмашка от Ласло, и я покорно ныряю в новый водоворот чувств Вестерхольта.

После выступления обязательно поговорю с ним. Я хочу знать, что происходит. Лишь бы не разозлить толпу, а то разговаривать мне с Винни придется в одних трусах.

Стоило только подумать о такой перспективе, как я услышала, что Ласло начал ужасно лажать, а с ним и я сбилась с ритма. Обернулась. Парень стискивал зубы от боли, а его правая рука заметно опухла.

Такими темпами мы точно не оправдаем кредит доверия Винни, и драке быть. Что же делать?

Толпа начала что-то подозревать, и недовольные взгляды все чаще обращались ко мне, словно это я портила выступление, а не один неадекватный фанат, бросивший бутылку. Но видят музы, я прикрывала Ласло прямо сейчас, вытягивая песню, но этого было мало, а Винсент словно не в упор не замечал проблемы и продолжал нестись дальше, отдаваясь без остатка собственной музыке.

И как привлечь его внимание?

– Я придумал тебя.

– Ты придумал меня! – ворвалась непрошено в его песню, и Вестерхольт, наконец обернулся.

– Ты поверил в обман!

Ну же очнись, Винсент!

Он чуть сбавил ритм, осознав, что происходит с Ласло. А мне этого было достаточно, чтобы перестроиться и показать все, чему меня научила Мари. Я начала постукивать по деке контрабаса, разгружая нашего барабанщика.

– Но реальность так зла! – продолжала я, пока Винс собирался с мыслями от моей наглости.

Да-да ты запретил мне править твои песни, и вот я делаю это прямо сейчас. Черкаю твои листы, переписываю строчки.

Теперь уже и Марко понял, что произошло неладное и добавил эффектов на синтезаторе, чтобы Ласло было легче.

Песня стала совсем другой. Мягче, медленнее, лиричнее. Ушла эта бессмысленная долбежка, а толпа начала покачиваться в такт моим ударам по деке. Кто-то даже начал зажигать крохотные огоньки и махать ими в воздухе.

– Придушила змеёй, – Винсент подпевал мне, а не я ему, и он ждал, что я продолжу наш странный дуэт.

– Прикопала землёй, – ответила ему.

А затем наши голоса слились в нежной гармонии.

– *Воспоминания,*

Которых нет.

Их нет.

В моем голосе появилось что-то похожее на вину, а Винсент звучал все так же обиженно, но уже не зло.

Последние строки он уже не стал делить со мной, а спел их один глядя мне в глаза, явно требуя ответа.

– *И я диким зверем рычу*

В своих песнях кричу.

Так услышь же мой крик,

Пока он не стих.

Нана...

Он не играл песню дальше, а заиклился момент, топтался на месте, повторяя монотонные звуковые узоры, чтобы я ответила ему. И строки сами пришли на ум, словно уже давно просились наружу:

– *Мне не страшен твой зверь*

Я бы рада, поверь,

Вспомнить все. Знай, твой крик

В мое сердце проник.

*Я на голос бреду
В этом странном бреду.
Ты меня не вини,
Винни...*

Какое-то время после финального аккорда в зале стояла тишина, а потом она взорвалась одобрительными хлопками и свистом. Я даже неуверенно помахала всем присутствующим опухшей с непривычки рукой. Кажется, сегодня меня никто не разденет. Хотя Винсент тарачится так, точно уже раздевал меня, проникает под самую кожу, выворачивает наизнанку. И я даже одернула подол платья и отвела взгляд.

Оставшиеся три песни мы исполнили уже без приключений. Я все так же помогала Ласло и взяла на себя роль баса и ударных. Всего за один день я переквалифицировалась из скрипачки в мультиинструменталистку, даже спеть умудрилась. И мне это понравилось. Чувствовать, как наши с Винни голоса сплетаются в этом неидеальном танце из давних обид. Верно шутит Шай, чтобы примириться со своим заклятым врагом, надо с ним переспеть. Может, теперь мы с Вестерхольтом наконец перестанем бодаться?

Хотя нам и делить-то уже нечего. Нас отстранили от всех соревнований, и после сегодняшнего вечера я с ним не пересекусь больше. Не будет стычек за кулисами, не будет больше этого драйва и взаимных колкостей.

Ничего уже не будет как раньше...

Убрала контрабас в чехол, чувствуя ужасную усталость и опустошение. Сегодня было слишком хорошо. Выступление в этом клубе перед на удивление благодарной толпой стало самым ярким пятном за последние годы. Может не так уж и плохо быть кабачным лабухом?

– Молодец, курочка, – похвалил Винни и потрепал меня по волосам. – Ты спасла наши задницы.

– Скорее свою, не сыграй я хорошо, её бы оголили.

– Я бы не позволил, – жестко сказал Вестерхольт, и я ему верила, слишком он был серьезен.

– И как бы ты отбивался?

– У меня богатый арсенал. Змеи, медведи и маленькая напарница-поджигательница.

Он так искренне улыбался, что я не могла не ответить ему такой же улыбкой.

– Идёте в зал? – Марко нарушил странную неловкость между нами. – Попрыгаем, а?

Он уж успел раздобыть где-то бутылку пива.

– Я пас, – стонал Ласло. – Я сейчас помру от боли, какое ещё попрыгаем! Эй, а чего ты пьешь-то? Кто повезет нас домой?

– Упс, – наш клавишник лишь развел руками и сделал щедрый глоток.

– Я поведу, – предложил Винс. – Предлагаю забрать наш гонорар и возвращаться в академию. Нану нужно закинуть в её сестринство, а Ласло в лазарет. Девчонки сказали, что останутся до конца, и сами по домам поедут.

– Ладно... Вы такие зануды, – ныл Марко, осушил бутылку и пошёл собирать свой инструмент.

– Идите к фургону, я догоню, – бросил Винс и оставил меня вместе с беспомощным и хныкающим Ласло.

– Займу его место сзади, – бурчал парень. – Посидишь со мной, Нана? Мне та-ак плохо!

Глава 11

Всю дорогу до фургончика Ласло страдал и жаловался, и я не могла не чувствовать себя виноватой в его боли. Это из-за меня бутылка полетела в него. Из-за меня ее в принципе бросили на сцену.

Кажется, я уже раз пять извинилась перед ним. Но этого все равно было мало. Уложила парня на сиденье, вздрагивая от каждого его стоны.

– Накроешь меня? – жалобно попросил Ласло.

Накинула на него плед. Надеюсь, он не скажет подоткнуть, это уже будет перебор.

– Посиди со мной, Елена. Мне так плохо. Не уверен, что я доеду до академии.

Села на край сиденья и положила руки себе на колени. Можно было бы попробовать облегчить его состояние музыкой. Винсент сегодня отлично мне помог, вдруг и тут справится? Сама бы я не рискнула вмешиваться в чужое здоровье. У меня все же ни навыков, ни лицензии на такие манипуляции. Интересно, а есть ли они у Винни?

Великие Музы, он снова в моих мыслях! Каждое свободное мгновение я думаю о нем, и все больше вопросов вызывает во мне этот странный студент. Ещё днём я была абсолютно уверена, что первая наша встреча была на складе инструментов, но после сегодняшнего выступления в клубе, я начинаю сомневаться в собственной памяти.

– Спой мне песню, Елена, – прошелестел Ласло одними губами, а затем начал кашлять и закатывать глаза.

К счастью, Винсент вернулся быстрее, чем моя совесть в лице покаленного барабанщика прикончила меня. Вестерхолт открыл дверь, заглянул внутрь и крикнул мне:

– На выход, курочка. Хватит няньчиться уже с этой королевой драмы. Не так уж ему больно.

– Винни, блин, – возмутился Ласло уже вполне здоровым голосом.
– У нас тут почти всё срослось.

– Я жду, – повторил Винсент, не обращая внимания на протесты своего барабанщика.

– Что срослось? – похолодела я. – У тебя там перелом был, что ли?

Винсент устал ждать, забрался внутрь, подошёл ко мне и строго повторил:

– На выход, принцесса. Живо!

– А мы куда? Я никуда не пойду, ты обещал отвезти меня в академию.

– Я отвезу, только одно дело уладим и поедем. Подними уже свой царственную задницу и соблаговоли выйти из машины. Пожалуйста.

Ну точно мы не были с ним знакомы до академии. Я бы запомнила эту заносчивую скотину, и уж наверняка не дарила бы ему первый поцелуй. Да и первый поцелуй я бы запомнила. Нет на свете такой магии, которая могла бы запросто вычеркнуть целого человека из жизни и всю цепочку связанных с ним событий.

– Парамнезия, – повторила я название группы Винсента, словно это было ответом на все мои вопросы.

– Чего ты там бормочешь, курочка?

Я лишь рассеянно мотнула головой. Я все ещё не знаю, какие вопросы ему задавать, но то, как странно щекочет мой затылок, словно подсказывает, что я на верном пути, и разгадка уже совсем близко.

– А куда мы идем?

Мы возвращались обратно к клубу, рядом с которым стояло несколько патрульных машин, и ещё одна без опознавательных знаков, но явно правительственная. Тонированная наглухо, что непонятно если ли в ней вообще окна или это цельный кусок черного металла. На таких не ездят простые люди.

У меня неприятно похолодело в желудке.

– Винс... что это такое? – неприятная догадка уже зрела у меня в голове, и парень резко повернулся ко мне и положил руки мне на плечи.

– Слушай, тот придурок, что бросил бутылку, наказание конечно заслужил, и я бы лично выбил из него дурь, если бы мне дали такую возможность, но вот эти ребята, – он указал на тонированную машину, – действуют совсем по-другому. За этот проступок ему прилетит сильнее, чем он накосячил, ты же это понимаешь?

Сглотнула. Не просто так мы удаляли видео моего позора сегодня утром. Такая же черная машина могла бы приехать и в академию и

устроить разборки со студентами. Странно, что до сих пор не приехала, у отца везде свои люди. Если это случится, то обучаться мне на дому. И больше я не увижу ни Шаю, ни Мари Коч с Михаилом, ни даже Винсента с его командой.

– Что мне делать? – испуганно спросила Вестерхольта.

Мне не нравилась ни перспектива, что подвипившего хулигана упекут в тюрьму за глупую выходку, ни сидеть самой в четырёх стенах, а людей видеть только на важных мероприятиях отца.

– Не думал, что скажу это, но просто отмажь его. Скажи как есть, что пьяному утырку не понравилось, что ты заменила Виви, иначе ему впаяют госизмену и покушение на дочь министра.

Быстро кивнула. Тем более, нам на встречу уже вышли мужчины в строгих костюмах, и среди них был даже адвокат нашей семьи и по совместительству мой родной дядя. Владиславус Хаслингер. Если уж он приехал, то все плохо. Все очень паршиво для меня и того идиота с бутылкой.

– Дядя, – я расставила руки для объятий и чуть не добавила “какими судьбами”.

По его суровому взгляду поняла, что семейных посиделок этой ночью не ждаться. Он-то и отвезет меня к отцу сегодня же. Вещи-то хоть дадут собрать? У меня с дюжину платьев осталось в академии.

– Я очень огорчен, Елена.

Давно он не говорил мне такого. Пытаюсь вспомнить, но не могу. Я всегда была хорошей и послушной девочкой. Но сейчас отчего-то эти слова меня совершенно не задевают. Как-то неубедительно дядя это сказал. То есть он произнес это со всей строгостью, но во взгляде блеснуло что-то совсем другое.

– Тебя ждет серьезный разговор с отцом, Елена!

Ну вот опять! Угрожает, а на деле грозно не выглядит. В уголках его глаз крохотные морщинки, словно он вот-вот рассмеётся.

От этого у меня ком в горле. Я не могу не думать, а были бы у мамы такие же морщинки, доживи она до этих дней? Но взгляд точно её. Хаслингеры дети солнца и неба. Голубоглазые, с волнистыми волосами цвета спелой пшеницы. Дядя так сейчас похож на неё. Что-то заговорщическое, шkodливое и совсем не соответствующее происходящему.

И только Винсент напряженно смотрит на Владиславус и крепко сжимает мою руку.

Отлично теперь дядя непременно сделает неправильные выводы. Отец не жалуется Вестерхольтов, а я тут с одним чуть ли не в обнимку стою.

– Дядя, прошу! Давай без отца уладим все. Он любит раздувать из мухи сло...

– Елена! Ты выступила в ночном клубе, на тебя совершили покушение!

– Просто какой-то чокнутый фанат бросил бутылку, дядя...

Где-то рядом раздались удары по стеклу. Мы дружно повернулись, и увидели в патрульной машине того самого нападающего. Взгляд у него был ещё более безумный, и он орал на пределе сил:

– Я люблю тебя, Елена. Ты лучшая!

– Видишь, – я попыталась улыбнуться. – Вон как ему понравилось мое выступление.

– ЕЛЕНА! Посмотри меня ещё раз. Молю! Елена.

Нервно слотнула. Бывают же на свете психи.

Но как же льстит!

– Так понравилось, что он швырнул в тебя бутылкой? – с сомнением переспросил Владиславус.

– Да нет же. То было ещё до выступления. Он же не знал, какая я талантливая.

Винсент закашлялся, а дядя с ещё большей с опаской поглядывал на задержанного.

– То есть никакой политической подоплеки? – подытожил он.

– Елена, посмотри на меня. Я здесь! Я здесь! Елена! – продолжал орать мой новый фанат. Он дышал на стекло и выводил пальцами сердечки.

– Эм... Думаю, все очевидно. Преступление раскрыто, и это не покушение. Я уже могу вернуться в академию? Жутко устала, и ребята в фургончике ждут.

– Особенно Ласло, – кисло напомнил Винс, пытаясь меня зацепить.

– Я про него и говорила. Он очень ждет меня, – перекинула мяч на поле Вестерхольта и сильнее сжала его руку.

– Собралась петь ему сладенькую колыбельную? – не унимался Винс и рывком развернул меня к себе.

– А ты против? – с вызовом спросила его, но Винни ничего не успел ответить, потому что дядя вмешался и начала разводить нас по сторонам, расцепляя хватку Вестерхольта.

– Так-так-так. Прекращайте уже ваш детский сад. Я замучился вас двоих разнимать. Вы хуже ваших отцов. То дружба до гробовой доски, то лютая ненависть.

Замучился разнимать? Когда он нас разнимал-то?

Я даже забыла, о чем мы только что спорили с Винсом. Когда это он нас разнимал? И почему он сейчас такой бледный, слово проговорился о чем-то запретном. Да и Вестерхольт смотрит на меня испуганно, словно я сейчас в обморок упаду. Придерживать меня пытается.

С раздражением убираю его руки. Мне не нравятся все эти секреты. Не нравятся их взгляды. В них жалость, страх и вина. И я начинаю чувствовать себя идиоткой и параноиком.

– Хватит с меня. Я поехала спать сейчас же!

– Нет, – отрезал Владиславус, и у меня все рухнуло в этот момент, а затем он добавил: – Я сам тебя отвезу. Ты теперь вообще без сопровождения никуда ходить не будешь.

– Телохранителя ко мне приставишь, или что? – рычала я. – Ну попробуй. В первый же день мы с Шай пойдем выбирать себе новое нижнее белье. А потом зайдем в магазин взрослых утех. И будем там очень-очень долго! Может быть, даже купим там что-то! Взрослое и для утех.

– Я присмотрю за ней, дя... Герр Хаслингер, давайте не будем поднимать шумиху.

– Нет. Ты уже присмотрел. Привёл её черт знает куда. Мы так не договаривались, Винсент.

Класс... То есть у этих двоих какие-то дела за моей спиной и куча секретов!

Усталость все-таки догнала меня. Ноги подкосились, голова закружилась, а мир потек акварельными красками.

Со всех сторон кричали: Елена! Елена! Елена! Кто-то с безумным обожанием, кто-то испуганно, а кто-то с надрывом. Только сейчас

сегодняшний концерт подошёл к концу. Меня бережно подхватили на руки до того, как я потеряла сознание.

Я ждала, что на меня вновь обрушатся картинки и сны о Винсенте, но этого не произошло. Я чувствовала, как меня ведут куда-то, осторожно сажают в машину и пристегивают. Слышала тревожные переговоры, чья-то рука у меня лбу, а затем два пальца на шее, где дрожат вены.

– Переутомление. Покажем её медсестре в академии.

– Она вообще спала эти дни?

– Не знаю... Её мучили видения. Она возвращается.

Хвала Музам. Меня не везут к отцу. Я ещё побарахтаюсь в академии. Лишь бы дядя не узнал, что меня выгнали из сестринства. Тогда меня уже ничего не спасет.

Но Дядя ведёт себя жутко странно, а я даже спросить толком не могу ничего. Кто возвращается? Я в академию? И почему он общается с Вестерхольтом, словно они давние родственники?

Привалилась кому-то на плечо, но сил не было даже веки поднять.

Машина тронулась. Зашелестела колесами по дороге, а прохладный ночной воздух, врывавшийся в салон, приятно охлаждал лицо и понемногу приводил в чувства.

Я пыталась вслушиваться в разговор дяди и Вестерхольта, но их речь напоминала лишь какой-то бессвязный сумбур. Потребовалось время, чтобы понять, что общаются они на хангрийском. Снова секреты. То и дело проскакивает моё имя, имя отца.

– София...

Я вздрогнула, когда Винс упомянул мою мать, а дядя, что-то горестно ему ответил, и оба на какое-то время замолчали, а у меня на щеке стало влажно.

Почему они говорят о маме? Почему мне сейчас стало так нестерпимо. И это не из-за давней утраты. Это что-то другое, что я не могу понять. Оно сидит в груди и отдаёт фантомной болью. Причины для нарыва нет, но я все равно страдаю и только и думаю, как расчесать это место. Разобраться в происходящем.

Поцелуй с Винсентом. Его дружба с моим дядей. Их общие секреты. Кто-то наверняка проговорится. Как же мне себя вести дальше? Спросить в лоб, или прикинуться идиоткой и занять выжидательную позицию? Начну расспрашивать, они станут

осторожнее. А для второй задумки у меня просто нет времени. Завтра мы с Винни вновь окажемся по разные стороны баррикад.

Снова что-то на хангрийском. Но в этот раз очень нежно и адресовано мне. Мозолистый палец смахивает слезу с моего лица, а затем горячее дыхание так близко, что не спрятаться. Мягкие губы и холодная твердая сережка касаются мокрой щеки.

Соль и металл...

Сипло втягиваю воздух. Хочу ещё поплакать, чтобы он продолжал целовать меня. Не получается. Мне больше не больно.

Легкое покашливание с переднего сидения, и Винсент послушно отстраняется.

– Я слежу за тобой, Вестерхолт.

– Ладно-ладно, дядюшка, не ворчи, просто когда она не спит, то глаза мне выклевать хочет. А так даже милая.

Я и сейчас бы тебе что-нибудь выклевала за такую наглость. Даже повода не надо!

И это мой дядюшка, а не твой!

Усталость не прошла, и когда машина остановилась. Меня осторожно подняли на руки и понесли. Я старалась не думать, что у меня возможно задралось платье, просто сильнее зажмурилась, лишь бы отсрочить своё пробуждение.

Запах медикаментов, мягкая кровать. Тихие переговоры надо мной. Кого-то выпроваживают из палаты. Споры.

Щипок на коже, и по венам потекло что-то прохладное, даря покой моим мыслям.

Я проснулась уже утром. Свет тонкой полоской, вырывался между плотных штор и золотой струной ложился мне в ладонь. Поиграла с ним вялыми пальцами, представляя, что рождаю музыку на самом солнце. Улыбнулась, пока тяжесть прошедшей ночи опять не навалилась на меня.

А на меня реально что-то навалилось. Приподнялась на локтях и увидела спящего Винсента. Он пододвинул к моей постели стул, положил голову мне на ноги и спал. Это его медсестры выпроваживали вчера? А он остался все равно. Зачем?

– Псссс, Вестерхолт. Какого чёрта ты тут делаешь?

Ключусь я, значит, когда не сплю. Так получай. Потыкала его пальцем в макушку. Его черные волосы слегка склеились от геля. Они

были острыми и липким. Не проснулся, и я взяла свою подушку в руки. Первой мыслью было несильно стукнуть его. Второй -- задушить мерзавца за весь круговорот сумбурных чувств, что просыпается в моей душе рядом с ним. Но затем я увидела торчащее из подушки перышко, и месть пришла на ум сама собой. Я начала выдергивать пух и клеить его прямо к залаченным волосам. Когда почти вся его голова была покрыта мелкими перьями, я с бешено стучащим сердцем отстранилась, положила подушку на место и притворилась спящей.

Резко дернула ногой и замерла. Винсент проснулся, а мне все сложнее стало делать вид, что я не сплю. Особенно когда он навис надо мной. Дыхание предательски сбилось.

Открыла глаза. Солнце падало Вестерхольгу на волосы, подсвечивало перья огнем, превращая его в какого-то мифического феникса. И если я в похожей ситуации превратилась на ощипанную курицу, то Винс выглядел божеством. Где честность в этом мире?

Не ругался. Не шутил. Просто взял и достал из прически одно из перьев. Потер его между пальцев, ловя огненные блики, а затем провел кончиком мне по губам.

– В эту игру можно играть бесконечно, курочка.

– В какую? – я отползла назад, но уперлась в изголовье кровати.

– В ненависть, или что там между нами?

– Когда ненавидят, то не целуют! – выпалила я, припоминая случившееся в салоне, и тут же покраснела.

– Умная какая. Догадалась.

– О чем? – щеки у меня уже не просто горели, они мигали как люстра патрульной машины.

– Значит не умная, – улыбнулся он и склонил голову набок. – У меня кое-что есть для тебя, курочка. Хочешь?

Глава 12

Точно какой-то подвох он задумал. Но я уже попалась, так что могу отвечать что угодно, все равно проиграю, так почему бы не рискнуть. Тем более после прикосновения перышка губы ужасно зудят и горят.

– А сережка-то наверно прохладная, Нана? – издевалось надо мной моё пошлое подсознание, которое с радостью ловило от Винни любые намёки и было им безумно радо.

– Предположим, что хочу, – ответила я и непроизвольно облизала губы. Делала я это быстро, чтобы он не заметил, но чую выглядела в этот момент как лупоглазая ящерица.

– Один момент! Подставляй ладошку.

Он начал рыться в карманах, а затем вытащил внушительную стопку купюр. Отсчитал мне ровно половину, а другую спрятал обратно.

– Что это? – я даже не знала, мне радоваться или обижаться. Откуда у него такие деньжищи, и почему он делиться ими со мной?

– Твой гонорар за вечер. Мы отлично выступили.

– Не могли за один вечер заплатить столько!

Я начала нервно пересчитывать купюры, и мне стало плохо. Он в рабство меня продал, что ли? Или его мой дядя подкупил?

У меня опять началась сильная мигрень, стоило вспомнить их переговоры на хангрийском.

– Тут аванс за кое-какой мерч, – неохотно начал объяснять Винсент, и я скрестила руки на груди.

– Какой ещё мерч? Показывай!

Винс достал свой видеофон и начал искать там что-то. Водил по экрану своими длинными пальцами, и я вновь вспоминал его прикосновения, как он вытирал мои слёзы. Было ли это на самом деле, или лишь пригрезилось мне? Так я и сидела, трогая горячую щеку, пока Вестерхольт не отдал мне своё устройство с открытой фотографией.

На ней была я в лучах стробоскопов, опутанная цветущими лианами. Я напоминала какое-то готическое распятие. Мрачно,

чувственно, красиво. Ребята тоже попали в кадр. Взмыленные, с капельками пота на висках, они играли явно зловещую музыку, и от их инструментов ко мне тянулись растения, вырывались из дыма, взмывали вверх.

Никогда не могла даже представить, что могу быть такой. В моих волосах распускались цветы. Алые чувственные губы готовились испустить либо вопль отчаяния либо сладостный стон. Влажный взгляд и даже застывшая на щеке слеза.

Дора – гений. Запечатлеть такой кадр – редкий талант. Даже отец, увидь такое не разозлился бы, это чистое искусство. Немного смело, но прекрасно.

– У нас уже много заказов на футболки с этим фото. На обратной стороне хотим добавить Виви. Можно обыграть и сделать ей что-то вроде темных крыльев. Что скажешь?

Он советуется со мной. Просит мнения, словно я полноценный участник их команды, но я всего лишь была временной заменой, а он уже сыпет идеями обложки для альбома, а я не могу остановить его. Мои шансы остаться в академии таят на глазах. Даже дядя приехал. Вряд ли я ещё хоть раз с ними сыграю.

– Хорошая идея, но я не в вашей группе, кому это интересно вообще?

– Тебе показать отзывы под вчерашними видео?

– Я сами видео-то не смотрела...

– Сейчас исправим!

Он снова начал водить пальцем по экрану, но показать ничего не успел в палату зашла медсестра с уткой в руках и грозно воззрилась на Винсента.

– Адепт Вестерхолт, сколько раз мне нужно выгонять вас из палаты фройляйн Адель? Вы же не спали тут? Что я говорила об электронных устройствах в медблоке?

– Что вы! – смешно запротестовал Винни. – Я всего лишь занес Елене чистую одежду.

Он кивнул на стул, на котором лежала сумка, а затем перевёл взгляд на меня:

– Аванс ты взяла, значит, на использование фото согласна.

Подмигнул, а затем бочком вышел из палаты, забавно зажимая нос глядя на утку.

Вовремя он свалил, потому что мне на полном серьёзе предложили воспользоваться этим нехитрым приспособлением, и я поняла, что пора и мне бежать отсюда.

От утки удалось отказать, а вот длинный список с рекомендациями по питанию и витаминам пришлось внимательно выслушать и клятвенно пообещать не изводить себя тренировками и нервами. И если с музицированием в отсутствие конкурсов и концертов, у меня теперь будет полный штиль, то со стрессом я ничего не могу поделать. Слишком много неразрешённых проблем. Так много, что при одной только мысли о них, у меня вновь подкашиваются ноги, начинает мутить, и сразу оба века дергаются.

Оставшись одна, я сняла с себя больничную робу и запустила руку в сумку с одеждой. Тут даже чистое бельё лежало. И не какие-то повседневные трусы, а кое-что, что Шая уговорила меня купить во время одной из наших вылазок в город.

Я взвесила на руках невесомую полупрозрачную ткань и вздохнула. Если это Винсент рылся в моем шкафчике, то я уже хочу умереть прямо здесь и сейчас.

Поискала что-нибудь попримечнее. Но в сумке было только это. Сдалась и побрела в ванную комнату.

Шум воды вновь и вновь возвращал меня к берегу ручья.

– Нана, ты же хотела узнать...

Припухшая губа и нелепая сережка.

Глупый. Я просто хотела узнать какой твой поцелуй на вкус. Ни к чему было прокалывать губу ради этого! Я устала быть тебе просто другом детства. Сколько сладости и боли мы оба испытали в тот долгожданный миг.

В лицо плеснуло ледяной водой, и я с визгом отпрыгнула к стенке душевой кабины и вытянула руки под струи.

Вот и помылась. Кто-то успел слить всю теплую воду с утра пораньше, или это я слишком долго стояла под душем?

Выбралась наружу, вытерлась насухо и теперь лениво сушила волосы перед зеркалом.

Парамнезия...

Смешение прошлого и настоящего. Подмена настоящих воспоминаний вымышленными. Все просто. Это и делает со мной Винсент. Он своими иллюзиями заставил меня усомниться в

собственном разуме. Но как же просто ему это удалось. До этого моя жизнь была скучной и пустой, но всего несколько дней, и вот у меня голова трещит по швам! С этого момента буду осторожнее и ничего на веру принимать так просто тоже не стану.

– А как же его дружба с дядей? – спросил сомневающийся голосок в моем воображении.

С раздражением отложила фен, так и не высушив до конца волосы.

Винсент. Винсент. Винсент. Слишком много Винсента стало в моей жизни.

Быстро оделась, убрала в сумку грязную одежду, среди которой лежал ремень Винса. Спрятала его на дно и вышла из палаты. Захотел – забрал бы! А так у меня теперь есть памятный трофей.

– Или повод зайти к нему в гости! – снова разбушевался внутренний голос, и я даже прикинула на саму себя.

Диванчики в коридоре были пустыми.

Можно подумать, он бы ждал меня столько времени. Этот притворщик в палату-то пришел чтобы получить мое разрешение на использование фото. Все дело в деньгах, а не в волнении за меня. Виви уже наверняка простила брата, и я им больше не нужна.

Не нужна...

Нужно скорее выбросить его из головы. Все, что он делает, он делает только ради себя и своей группы.

Повесила сумку на плечо и побрела в домик сестринства.

В такое раннее время да еще и в выходной мне почти никто не встречался по пути. Несколько студентов расстелили полотенца на траве и ловили последние осенние солнечные дни. Они мне даже что-то приветливое крикнули, и я неуверенно помахала в ответ.

– Садись к нам, Елена. – Похлопала по полотенцу девушка с дредами, и я неловко извинилась:

– Тороплюсь к подруге. В другой раз?

– Завтра зарядят дожди. Говорят, это последний такой день в году. Лови момент, крутышка-малышка!

Крутышка? Что это ещё за слово такое?

В любом случае у меня нет времени празднично загорать. Мне ещё нужно решать вопрос с жильем. Теперь у меня скопилось прилично денег, и я могу снять комнату рядом с академией, не вызывая своим

тратами вопросов от отца. Спасибо Винсу и его команде. Хотя если бы не, меня бы не выгнали. Стоит поискать объявления о сдаче комнаты.

У информационного стенда я оборвала несколько номеров телефонов и убрала их в карман. Позвоню с видеофона Шай. Только придется ей что-то наврать, почему я так внезапно переезжаю. Или лучше воспользоваться университетским коммутатором?

Странности продолжились в гостиной нашего домика, где царило настоящее столпотворение.

– Это было нереально круто, сестра.

– Не знала, что ты та-ак можешь.

– Просто вау, Елена.

– Э? Спасибо...

Меня обнимали, невесомо чмокали в щеки, и только Виктория продолжала смотреть на меня с такой елейной ненавистью, что я чуть не задохнулась. Её губы не без труда выдали нервную улыбку.

– Ты можешь остаться в сестринстве. Считай, реабилитировалась.

Она бросила мне это в лицо, развернулась на каблуках и рванула прочь.

Меня что канонизировали за ночь? С ума сойти. Значит, мне не нужно думать о жилье? А то номера телефонов арендодателей до сих пор прожигают мне карман.

– А что у вас с Винсентом, – спросили меня из толпы, и я по голосу не узнала, кто ко мне обращался, слишком писклявый был тон, словно кто силой выдавливал из себя слова.

– С Винсентом? – переспросила я, оттягивая момент. – С Винсентом Вестерхольтом?

Я надеялась, что они имеют в виду какого-то другого Винсента.

– Да, с ним! – с вызовом спросила Виктория из дальнего угла гостиной.

Не далеко же она ушла.

– Мы временно зарыли топор войны, – отшутилась я.

Как именно мы его зарывали лучше не уточнять. Перед глазами проплывали все моменты последних дней. Дуэль, продолжение дуэли в коридоре среди старых газет, мои сны, то, как он спасал меня от липкой жижи, как накарябал курочку на стене шкафчика, как мы сидели слишком близко в фургоне, как он повязал свой ремень вокруг моей талии. Наше пение. Возвращение в академию на машине дяди,

прикосновение губ на моей влажной щеке, пробуждение и игра с пером.

Великие Музы, да мы не просто закопали топор, мы его сначала убили, а потом похоронили в темном претемном лесу.

К счастью, объясняться больше не пришлось, потому что заспанная Шайло шустро сбежала по лестнице, схватила меня за руку и потащила наверх в нашу комнату. Она затолкала меня внутрь, а затем быстро захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, словно кто-то по ту сторону ломился к нам. Выглядела она очень потешно, если не обращать внимания на круги и заметные припухлости под её глазами. А ещё на столике стояла грязная чашка с кофе, и по кругам внутри можно было догадаться сколько раз мой подруга спускалась на кухню за добавкой.

Надеюсь, она не из-за меня провела бессонную ночь.

– Мы сегодня же купим тебе видеофон. Самый дешёвый, но ты всегда будешь со мной на связи, Лена, – строго предупредила Шай, и чувство вины мгновенно захватило меня.

Я же так и не объяснилась с ней после её прослушивания, а просто сбежала. Не пришла ночевать, а потом и вовсе загремела в лазарет. Одни только Музы ведают, что ей наплел Винсент, когда пришел за моими вещами.

– Прости меня, Шай, все так закрутилось, и я...

– Ни слова больше, – она подлетела ко мне и заключила в объятия.

– Я обидела тебя своим танцем, вот и ты сбежала. Виктория сказала, что ты даже съехать хотела. Прости меня, Лена. Я не должна была брать ту музыку, не спросив. Не должна была напоминать тебе о маме.

– Эм, что?

Мне пришлось долго успокаивать подругу и объяснять, что её выступление не имеет ничего общего со странностями в моем поведении, и это мне нужно перед ней извиниться за свой побег. К счастью, Виктория внезапно помиловала меня и разрешила остаться в сестринстве. Интересно, чего это будет мне стоить? Не думаю, что она так просто сдастся и перестанет отравлять мне жизнь.

Зевающая Шай очень внимательно слушала мой рассказ про Мари Коч, контрабас и выступление в клубе. Большую часть я опускала. Слишком уж сложно было обернуть в слова ту непонятную химию между мной и Вестерхольтом. А вот про нападение и бутылку

пришлось ничего не скрывать, все равно Шайло могла увидеть что-то в эфире.

Новость её сильно поразила, а значит, о случившемся известно только тем, кто был на концерте. А ещё дяде и нескольким представителям закона. Хорошо. Чем позже отец узнает о чокнутом фанате, тем больше шансов у меня закончить учебный год в академии, а не на дому.

Мы ещё долго болтали, обсуждали её роль в постановке и моё выступление в рок-группе и легкое переутомление. Я назвала это именно не так. Не говорить же подруге, про своё истощение.

Шай делилась ожиданиями от предстоящих изнурительных репетиций, и я по-хорошему завидовала ей. Весь этот мандраж, ожидание, выступление. Ко мне это ещё не скоро вернётся. Кто знает, насколько Амадей отстранил меня от конкурсов в академии.

Вздыхнула. Шай увидела моё огорчение и немного смутилась. Вот такая я плохая подруга, даже порадоваться толком за нее не могу. Только о себе и думаю.

– Уверена. Герр Циммерман скоро сменит гнев на милость и простит тебя. Просто пока не влипай в неприятности с Винсентом. Вы же помирились? Ты теперь его девушка?

– Нет-нет-нет! – запротестовала я. – С чего ты это решила?

– Когда он пришел за твоими вещами, на нем лица не было. Он так сильно волновался за тебя, Лена. У него даже руки дрожали.

– Он лживый мерзавец, знать его больше не хочу, – обиженно бурчала я. Никогда не прощу ему игры с моим разумом и вот это бешеное барабанное соло в груди.

Шай лишь снисходительно улыбнулась, а затем добавила:

– Видела бы ты лицо Виктории, когда он зашел в нашу комнату. Я прямо при ней положила в сумку те самые трусики. Она просто позеленела. Кажется, она подумала, что ты съезжаешь к нему от нас.

Так вот оно что! Теперь понятно, почему наша президент разрешила мне остаться. Не допустила моего переезда к Винсу. Так она сможет лучше следить за мной, чтобы я не охмурила её объект обожания. Глупости какие! Нет у меня никаких видов на Вестерхольта и не было никогда. Но ей об этом лучше не знать, иначе мне пригодятся те листочки с объявлениями о жилье.

Надо было бы пожурить Шай за кружевные трусики, но язык не повернулся, слишком уж удачно вышло. Лишь бы подруге не аукнулась помощь мне. А пока мне нужно кое-что ещё от подруги.

– Покажи вчерашнее выступление. Я бы посмотрела записи в эфире, – смущаясь, попросила Шайло, а она лишь погрозила мне пальцем.

– Нет уж. Иначе ты так и не купишь видеофон. Я тебе даже денег добавлю, если у тебя не хватает, но мой ты больше не получишь!

Я хмыкнула и разложила перед ней свою выручку за выступление в клубе.

– Добавлять ничего не надо. Елена ден Адель теперь официально кабачный лабух! Идем покупать!

Подруга просияла, да и мне уже надоело дергать её, чтобы залезть в эфир.

– Тогда идем сейчас же. А ещё позагораем, ты же видела погоду? – суетилась подруга, а затем её взгляд зацепился за что-то на столе, и она слегка помрачнела.

– Что-то не так? – я положила ей руку на плечо, и Шайло крепко сжала её.

– Ничего. Там тебе письмо занесли.

– От кого?

Хотя я и сама уже догадалась. Только один человек пишет мне письма. И это Флориан. Рванула к столу, схватила конверт и начала кружиться с ним в танце. Ох Музы! Сегодня лучший день за всю неделю. Жизнь вновь возвращается в привычное русло. Он написал мне! Он написал. А как многое хочу поведать ему я!

Винсент? Пф, уже забыт и стерт из памяти. Зачем мне думать об этом позере, когда мне пишет настоящий мужчина!

Забралась с ногами на кровать и дрожащими от волнения руками я вскрывала конверт. Мы так давно не общались с Флорианом. У него было много дел, и в этом году он взял долгий отпуск в академии. А мне так не хватает сейчас моего наставника.

На постель упал сложенный лист бумаги, который сегодня даже пах иначе. Луговыми цветами, лесом и надеждой.

Поднесла его к глазам.

Дорогая Елена!

Я даже запищала от восторга. Дорогая! Не курочка. Не зубрилка! Не принцесска! Учись, Винни!

– Но и не Нана. Так тебя даже твой Флориан не называет, – хмыкнул внутренний черт голосом Вестерхольта, и я отмахнулась от него как от назойливого гнуса.

Шайло тоже не разделяла моего энтузиазма и потихоньку начала собираться для похода в магазин.

Дорогая Елена!

Я ещё раз перечитала это голосом моего наставника, чтобы выгнать непрошенного Винсента из мыслей

Я услышал о твоём исключении с конкурса. Не переживай и не расстраивайся, я что-нибудь обязательно придумаю. На следующей неделе я приеду в академию и переговорю с герром Циммерманом, он не может так просто отстранить тебя! Я не позволю.

А ещё у меня важные новости. Я так давно хотел рассказать тебе их. Обсудим все в университетской кофейне. Хочу, чтобы ты услышала все от меня, а не от своего отца или из новостей.

С уважением,

твой друг и наставник Флориан Майер

О Великие Музы! Это оно! Он будет просить моей руки. Флориан, верно, уже съездил к отцу и получил благословение. Я подпрыгивала и пританцовывала на кровати от предвкушения.

Ещё раз перечитала письмо, чувствуя безграничное тепло и счастье.

Вот так-то, Винсент. Выкуси. Вот как должен вести себя настоящий мужчина. А не бросать пыль в лицо своими залаченными волосами, пирсингом и дешевой игрой на гитаре.

– Что пишет, герр Майер? – осторожно спросила Шайло, внимательно вглядываясь в моё лицо.

Я победно протянула ей письмо, и она быстро пробежалась по нему глазами.

– Он будет просить моей руки, Шай. Наконец-то!

Она ещё раз уткнулась в письмо, словно его можно было как-то иначе прочитать.

– Ты уверена? Новости бывают разные. Его могли повесить в конце концов. Назначить заведующим кафедры, или даже деканом.

– Ау, Шай! *“Дорогая Елена! Важные новости! Обсудим в кофейне.”* Это же свидание. Он там и сделает мне предложение.

Почему-то сейчас она очень злила меня своими вопросами и сомнениями. Почему не может просто порадоваться? Почему смотрит снисходительно и с жалостью?

– Предложение в университетской кофейне, ты уверена? Лена, он сильно старше тебя. Я просто...

– Стоп! – запротестовала я. – Я знаю, твоё отношение к Флориану, и мы не будем его обсуждать более, иначе поссоримся. Но я люблю его, Шай. Люблю. Просто порадуйся за меня.

– Я рада, но...

Я вскочила с кровати и вырвала у неё из рук письмо. Может, съехать было не так уж плохой идеей? Не было бы этих взглядов жалостливо-понимающих. А ещё я устала от её попыток сосватать мне Вестерхольта. Он приплачивает ей, что ли? Я ещё не просила ей выхода с кружевными трусами, которые до сих пор врезаются мне промеж ягодиц.

– Лена, просто послушай. Ему тридцать пять. Он...

– Нет. Не хочу ничего слушать. Ты про это тоже придумаешь глумливый танец, да? Будет так весело высмеять мои наивные чувства? Глупая Нана, влюблённая в своего преподавателя.

Это вырвалось само. Шайло переменялась в лице и потупила взгляд, а я не нашла в себе сил забрать слова обратно. Я пожалела о них в тот же миг, но я была так обижена и зла на ее менторский тон, что с трудом сдерживала себя, чтобы не наговорить ей ещё больше гадостей.

Шай шмыгнула носом:

– Ты ещё хочешь сходить за видеофоном, или мы теперь в ссоре?

– Не хочу. Верну Винсенту его вещи, а потом пойду в библиотеку.

– Письмо только ему не показывай. Ты лучше ему вообще про Флориана не говори, ему будет очень больно, – напутствовала Шай.

Она распустила волосы обратно и забралась к себе кровать.

– Его это вообще не касается.

Подруга лишь пожалала плечами, нащупала на столе свой видеофон и уткнулась в экран. Разговор на этом мы видимо закончили, а за окном как-то резко потемнело и начали раздаваться отдалённые раскаты грома.

Вот и погуляли в последний солнечный день.

Надо было бы помириться, но я не находила слов. Молча вытащила из сумки ремень Винсента и вышла из комнаты. Только когда домик сестринства остался позади, я осознала, что понятия не имею, где живет Вестерхолт.

Глава 13

Не спрашивать же у прохожих! Шая-то наверняка знает, но вернуться к ней и попросить помочь, мне гордость просто не позволяет! Я все еще обижена на нее. Обижена, но зачем-то бегу к Винсенту. Именно сейчас, когда подруга зародила в моей душе сомнения, мне важно убедиться в том, что никаких чувств к Вестерхольту у меня нет. Это всего лишь наваждение последних лет и коварная магия музыки. Посмотрю ему в глаза, и все станет ясно.

Но раз за разом память сама разворачивала передо мной картинки. Вот Винс яростный и страстный, во взгляде огонь и решимость, вот лукавство и смешливость, а вот нежность и забота. Он всегда разный со мной. Даже наша вражда всякий раз претерпевает изменения. То она обретает форму опасной дуэли, то мы просто препираемся, а ещё...

Как назвать утреннюю игру с пером, после которой мне до сих пор щекочет губы?

Сама не заметила, как ноги привели меня к главному корпусу академии. Студентов на улице не убавилось несмотря на надвигающуюся грозу. Все до последнего сидели на полотенцах и весело переговаривались. Меня снова приветливо звали к себе, кричали что-то ободряющее, но я лишь шагу прибавила. У меня появилась мысль. На складе Винс наверняка оставил информацию о своём месте проживания, я скорее всего не заметила адрес в прошлый раз. Я вообще не знала, что это он!

Убедить бы Мари Коч показать мне журнал.

Робко заглянула внутрь. Никого. Открытый журнал лежал прямо на столе. Я отчаянно боролась с соблазном подбежать и выписать оттуда адрес Винсента. Но я просто не могла поступить так с Мари, после того как она была добра ко мне, и я позвала ее.

– Госпожа Коч!

В этот же миг чья-то ладонь довольно грубо зажала мне рот, а над ухом раздалось угрожающее шипение. Ну знаете! Это уж слишком, укусила мерзавца что было сил, и тут же услышала сдавленный стон и обиженное:

– Ай! Да за что?

Знакомый голос. Обернулась. Майкл, то есть Михаил. Он баюкал свою руку и бросал на меня гневные взгляды.

– И это после всего, что я сделал для тебя, – он по-детски оттопырил губу, а я до сих пор не могла вернуть себе дар речи. Одно дело уже после узнать, что общалась с настоящей музой, другое – вновь его встретить. Стою, считаю его яркие веснушки, смотрю на непослушные рыжие волосы и отчаянно ищу во всём этом признаки божественности. Крылья за спиной, огонь в глазах, нимб? Ничего. Передо мной самый обычный парень, но я всё равно не нахожу слов.

А тем временем Майкл буднично провёл кончиком пальца по месту моего укуса, и краснота мгновенно исчезает.

– Чуть не разбудила мою девчонку! А она и так полночи не спала, за тебя переживала.

Девчонку? Проследила за влюблённым взглядом Великой Музы и увидела дремлющую на софе Мари. Девчонка? Хотя если прикинуть сколько лет самому Михаилу, то госпожа Коч для него очень и очень юна. Но я все равно смутилась немного.

– Зачем ты пришла сюда, ден Адель?

– Могущественная Муза не знает такой простой вещи? – отлично я начала дерзить божеству, что на очереди? Сожгу святилище?

– Я-то знаю. Но хочешь, чтобы ты это вслух сказала. Магия слов, она такая. Иногда проговоришь что-то, и на душе станет легче. Особенно после признаний самой себе. Ну же, Елена, скажи, зачем пришла.

Поджала губу. Надо было молча адрес выписать и не звать никого. Вот же противная Муза.

– А сам почему не признался в чувствах своей девчонке, – я кивнула на спящую Мари Коч, и Михаил грустно улыбнулся.

– Испугался, а потом стало уже поздно, она другому своё сердце отдала. Хочешь как я? Жить в вечном сожалении?

– Мне нужен адрес Винсента Вестерхольта! Ты доволен?

В жизни не думала, что буду в таком тоне разговаривать с музой-покровителем.

– Для начала сойдет. Первый шаг к здоровым отношениям?

Он определённо шутит. У нас с Винни никогда не будет здоровых отношений. Только токсичная вражда.

Он быстро написал что-то на листочке и протянул мне. А после вручил зонтик и чистенький носовой платок.

– Это ещё зачем? – я держала дары от Майкла, и если зонтик в такую погоду, мне пригодится, то платок для чего?

– Иди-иди, Елена. Скоро будет очень мокро.

Он теснил меня к выходу, тревожно озираясь на спящую Мари, а потом и вовсе закрыл дверь, оставив меня за порогом. Что ж адрес я получила, а список тех, кто раздражает меня постоянным упоминанием Вестерхольта, пополнился ещё одним... хм... не совсем человеком.

Сунула платок в карман мантии, а зонтик подмышку и пошла по указанному адресу.

Это было недалеко. Студенческое общежитие всего в десяти минутах ходьбы от главного корпуса.

На небе продолжало хмуриться. Тучи наливались тяжестью, громыхали над головой, и я ускорила. Не хватало ещё на полпути попасть под ливень. Или хуже... Застрять с Винсентом в общежитии. В его комнате! Вдвоём!

Я даже щёки потёрла, чтобы стереть с них внезапный румянец, но стало только хуже. Надо разворачиваться. Отдам ему ремень в другой раз при встрече!

Но тогда другие студенты увидят!

Громыхнуло с такой силой, что припаркованные машины завизжали сигнализациями, и я уже почти бежала к общежитию.

– Куда? – грозно окликнула меня вахтёрша, и я даже опешила.

– Отдать кое-какие вещи... знакомому, – я похлопала по сумке.

– А имя у знакомого есть?

Да что ж за день? Мне опять это повторять, что ли?

Я наклонилась к окошку и тихо произнесла.

– Вестерхольт.

– Который из? – невозмутимо продолжала женщина, записывая что-то в пожелтевшем от времени и разлитого чая журнале.

– Винсент, – не без труда ответила я, поглядывая на окно. – Я очень тороплюсь, пожалуйста.

– Пропуск вы, стало быть, не заказывали.

Я помотала головой, нервно переминаясь с ноги на ногу. За мной уже начала выстраиваться очередь на проходной.

– Прошу, у меня мало времени. Скоро ливанёт.

– Ты в туалет, что ли, хочешь? – с пониманием спросила женщина, и я ещё больше смутилась.

– Нет же. Я про дождь.

– Ладно-ладно. Сейчас запишу твоё имя. Диктуй.

Я нервно оглянулась на скопившуюся очередь. Студенты в открытую тарацились на меня. Показывали друг другу что-то на видеофонах.

– Еланденадель, – протараторила я, мечтая провалиться куда-нибудь под пол.

– Медленнее. Я ничего не поняла, – вахтерша послунявила карандаш.

– Елена Анна, – диктовала я.

– Ты уж определись, милая. Ты Елена, или Анна?

Толпа рассмеялась. А бабулька прям местный комик, как я посмотрю.

– Елена Анна... это двойное имя. Фамилия ден Адель.

Она даже очки на переносице поправила и уставилась на меня.

– Та самая, чё ли?

– Чё ли, – передразнила её, быстро расписалась в журнале и рванула в общежитие.

Худший день на свете! Поссорилась с Шай, нагрубил Музе и тут ещё опозорилась. Что дальше? В меня молния ударит?

Сверяла адрес, который дал мне Михаил с номерками на дверях. А тут довольно чисто и спокойно. В коридорах весёлые разговоры, кто-то бренчит на гитаре, другие стоят в очереди в душ. А ещё приятно пахнет домашней едой с общих кухонь. Как же есть-то хочется. Если Виктория выгонит-таки меня, я знаю, куда податься. Улыбнулась своим мыслям, стараясь отпугнуть негатив.

– *А ещё ты поближе к Винсенту будешь?* – снова встрял мой внутренний голосок, и я даже не затыкала его. Сейчас я вся себе напоминала натянутую струну. Мне казалось, что вот-вот произойдёт нечто важное. Что-то такое, что навсегда изменит наши с Винни отношения. Поговорю с ним. Спрошу, что значат все его намёки. Поцелуй в машине, песни, его взгляд. Мне нужны эти ответы прямо сейчас, до того как я скажу Флориану своё “да”.

Я занесла кулак над дверью полная решимости, только постучать не успела. Внутри раздавались женские смешки.

– Вестерхолт, ты просто ураган.

Кого-то с силой прижали к хлипкой двери, и я услышала влажный звук несдерживаемого поцелуя.

Ноги подкосились, а дыхание моё стало слишком частым. Мне казалось, что я задыхаюсь. С силой проталкивала воздух в лёгкие, чувствуя только разрастающуюся боль.

Как же так? Почему мне так плохо?

Петли напряглись, и дверь вот-вот грозила открыться. Я побежала. Неслась обратно к выходу. Растолкала очередь на входе. Вахтёрша громко кричала мне вслед. Но я не слушала, меня подгоняли раскаты грома и собственное сердцебиение.

На полпути я выдохлась. Поднесла ладони к влажным щекам и не веря посмотрела на подушечки пальцев. Мне чудилось, что это кровь, а не слезы. Так больно мне сейчас было.

Вспомнила о платке, подаренном Михаилом. Этот мерзавец знал. Он отправил меня в самое пекло с одним лишь платком. Промокнула глаза. Винсенту плевать на мои чувства, он обычный бабник, а я чуть не предала свою любовь к Флориану. Идиотка. Вот же идиотка. Я утирала бесконечно бегущие по щекам слезы и никак не могла остановиться. Я словно всю жизнь держала в себе эту боль, а теперь она вдруг рванула наружу.

Не стала раскрывать зонтик, когда пошёл дождь. Медленно поднялась на ноги и просто волочила его за собой, оставляя следы острым кончиком.

Вокруг радостно визжали и разбегались студенты, перепрыгивали лужи, а кто-то нарочно поднимал брызги.

Я же шла и думала, что хочу забыть все это. Своё внезапное помешательство на Винсенте. Вот бы снова играть свои унылые заученные сонаты и ничего не чувствовать к нему.

Я хочу его забыть прямо сейчас!

Ощущение вторичность оказалось слишком внезапным. Я ошарашенно смотрела перед собой, осознавая, что это уже происходило со мной. Только тогда в моих руках был не зонтик, а скрипка, а Винсент не пел, а кричал в моих мыслях.

Воспоминания,

Которых нет.

Их нет.

– Мои песни о тебе, Нана.

Я чувствовал боль,

Металл и соль.

Слёзы твои, когда стирала ты нас

В тот час!

Можно ли вообще стереть из памяти человека?

Медленно раскрыла зонтик, вытерла опухший нос.

А если можно? А если я уже это делала на самом деле? Если задуматься, я сама окружила себя стеной забвения. Даже видеофонами не пользуюсь, хотя отец вроде бы не запрещал. Я сама...

Ладно. Предположим, это действительно так. Я проделала с собой что-то подобное, забыла Винсента, тогда теперь меня мучает другой вопрос, что же натворил этот мерзавец, что я прибегла к такой сомнительной магии?

Вспомнила его лобызания с незнакомкой за дверью. Да что угодно он мог натворить, даже разбираться не стану!

Прошлепала по лужам, и вновь остановилась.

Или все же стану?

Но сначала поем. Наберу еды и эти выходные проведу в компьютерном классе. Где если не в Эфире искать ответы на мои вопросы?

Моя внезапная хандра быстро сменилась бурной жаждой деятельности. Поправила зонтик и энергично зашагала к главному корпусу. Библиотека работает по выходным до поздна, и я смогу хорошенько разобраться во всех тонкостях этой загадочной парамнезии.

По пути заглянула в кафетерий. Оглядела все, прониклась атмосферой. Скоро здесь случится кое-что важное. Флориан откроет для меня своё сердце, и не будет в груди больше этой боли и метаний.

– Заказывать что-то будете? – лениво спросила меня девушка за стойкой.

– Два кофе пожалуйста и покрепче.

Меня ждет долгое исследование. А если честно, мне просто страшно возвращаться в нашу с Шай комнату. Боюсь, что она быстро подметит, что я плакала, почувствует что-то в голосе, догадается. А

мне это совсем не нужно. Не хватало ещё кому-то узнать, что я рыдала из-за Вестерхольта.

Опять вспомнила все до мелочей, и в груди заныло. Да что ж такое-то!

За спиной нетерпеливо покашляли. Я и тут очередь собрала. Быстро взяла свои стаканчики с кофе и побрела в библиотеку.

Мне повезло. Нашёлся один свободный компьютер в углу зала, и я заняла его. На всякий случай повернула монитор, чтобы никто не видел, чем это я тут занимаюсь.

Хрустнула пальцами и занесла их над клавиатурой. Сейчас или никогда.

А что если мне не понравится правда, которую я найду. Если моя память подверглась изменениям, значит, я сама того хотела. Зачем же я собираюсь приоткрыть эту завесу? Вдруг там только боль и разочарование.

С другой стороны, я уже не маленькая девочка, и если годы назад я что-то стерла в своем сознании, то лишь потому, что не могла справиться сама. Но теперь-то я старше, сильнее, умнее.

Снова вспомнила свои слёзы. Не такая уж я и сильная.

Отхлебнула кофе, взбодрилась и даже четыре буквы смогла напечатать в строке поисковика.

“Пара...”

Мне предложили самые популярные запросы:

Параллельные миры

Параллельный импорт

Паранормальные явления

Паранойя

Пара на фоне красивого заката

Парамнезия

Ткнула и тут же прижала руки к глазам. Ничего страшного не случилось. Голова моя не треснула пополам. Расставила пальцы, взглянула между них, а затем с раздражением ударила по столу, вызвав недовольное шиканье библиотекаря.

И тут Винсент. Почти вся первая страница была о его группе, история, биография, тексты песен, последние выступления.

Обернулась.

Ничего же такого, что я просто посмотрю, как играла? Чисто в технических целях. Понять, где ошиблась, что можно улучшить.

Кликнула на запись и снова очутилась во вчерашнем дне. Вот меня опутывают лианы, а вот Винсент надрывно поёт про болезненный поцелуй, про кровь и металл на губах.

Отмотала на другую песню, где Ласло стало плохо. На записи видно, как он болезненно морщится, а его рука с трудом поднимается и опускается.

Ты придумал меня!

Ты поверил в обман!

Я умею так петь? Ещё раз послушала, как я вступаю и начинаю исполнять песню дуэтом с Вестерхольтом. Мы больше не сражались, дополняли друг друга. Из голоса Винса исчезли надрыв и боль, и впервые я услышала у него не ярость, а надежду.

Мне не страшен твой зверь

Я бы рада, поверь,

Вспомнить все, и твой крик

В мое сердце проник

Я в тумане бреду

В этом странном бреду.

Ты меня не вини,

Винни...

Выключила видео, и мой собственный голос ещё долго преследовал меня. В песне я сама себе и всему миру признавалась, что хочу вспомнить, хочу выйти из тумана. Я признаю, что виновата перед Винсентом.

Из любопытства. Посмотрела комментарии к записи.

Совсем другое звучание. Мне нравится.

Эта тёлка вообще-то скрипачка, интересно будет посмотреть на них в полном составе, вместе с Виви. Будет прям симфо-метал. Жду новых выступлений.

Ниче такая. Это с ней Винс мутит? Как её зовут хоть?

Это Елена Анна ден Адель, она дочь Софии Хаслингер, только сама из себя ничего не представляет. Походу, Винс на неё запал и позвал в группу.

Они на ЭТО променяли Виви? Ошизеть...

Короче, это та сама Нана, про которую он завывает в своих песнях. Ясно-ясно. Кинул сестру ради какой-то блондинки.

Днище. Надеюсь, её больше не пригласят.

Как эта хренотень в её руках называется? Норм звук, кстати.

Хренотень... Вот прям эксперты собрались. И ничего я не его девушка! С чего они это взяли? Только бы Флориан не увидел этот позор. Ответить им, что ли?

Напечатала:

Это контрабас, неучи. А Вестерхольт мне не парень. Я скоро замуж выхожу вообще-то.

Перебор. Надо бы стереть. Промахнулась и случайно отправила комментарий. Следом мне тут же прилетела куча оскорблений и ни одного поздравления.

Ладно, черт с ними. После письма от Флориана мне уже плевать на все!

Ага плевать мне, именно поэтому я тут сижу и отвечаю хамам и эфира.

Пролистала в самый низ страницы поисковика, где наконец-то было написано про настоящую парамнезию, а не про музыкальную группу.

Оказалось, что мой вопрос был весьма слабо изучен. Везде были только определения болезни, но рецепта, как заставить себя забыть что-то найти я не могла. Обычно подобное случалось из серьезной травмы или потрясения. Зато я наткнулась на жутко непопулярный ролик, какой-то чудаковатой и слегка дерганой девушки, которая обещала изложить “шокирующую правду о Парамнезии”.

Включила и тут же закрыла. Опять про Винсента.

Попробовала изменить условия поиска. Стерла ненавистное название и вбила:

Как заставить себя забыть.

В этот раз мне предлагали услуги психологов разных мастей. Даже гипнотизёры встречались, но все это пахло шарлатанством. Я просто не могла обратиться ни к кому такому. Отец всегда предостерегал меня от подобных людей с детства. Да и в песнях Винс пел, что я это проделала с собой сама. А что я умею делать хорошо? Играть на музыкальных инструментах.

Как заставить себя забыть при помощи музыки.

В этот раз ответов на мой поисковой запрос стало значительно меньше. Но я уже что-то нашла. Мне предлагалось скачать дипломную работу Флориана Майера...

“Управляемая парамнезия, или как манипулировать памятью при помощи музыки”

Не раздумывая, нажала на значок печати и рванула к стоящей в центре зала копировальной машине. Сердце неистово стучало в висках, это не простое совпадение. Так не бывает. С моим воспоминаниями что-то не в порядке, а мой наставник написал об этой целую исследовательскую работу!

Глава 14

Бумага стремительно кончалась, а я ловила горячие листы и едва успевала их сортировать. К концу печати у меня уже жгло подушечки пальцев и ныла кисть. Но теперь я стала обладателем бесценных знаний, осталось только прочесть внушительную работу Флориана. Может, я даже смогу задать ему вопросы по изученному. Интересно, что случилось раньше: моё забвение или написание этой работы?

Посмотрела на дату. Год окончания академии моим наставником. Мне тогда было лет девять-десять. Не сходится. В моём видении Винсент был подростком, да и я была старше. Выходит, именно отсюда я почерпнула рецепт для своего забвения.

Вернулась на место, быстро закрыла все вкладки и очистила строку поиска. Лучше пока не распространяться никому о том, что я применяла на себе какую-то сомнительную методику, а то ещё у герра Майера возникнут проблемы.

Поправила стопку распечаток и продолжала буравить взглядом название диплома, не решаясь начать чтение.

А что если я-из-прошлого сделала все правильно? Вдруг мне не нужно вновь погружаться в эту историю? Но смогу ли я жить дальше без оглядки, а уж тем более выйти за Флориана, или всегда буду терзаться мыслью о том, что забыла что-то очень важное.

Нет. Я должна узнать! Чтобы быть честной перед собой и перед моим возлюбленным!

– Это перед каким? – ехидно спросило моё внутреннее я.

Надеюсь, не его я выпущу из глубин подсознания, слишком уж оно прямолинейное и местами хамоватое.

Потянулась к первой странице, как меня окликнул не самый приятный голос.

– Ты оставила в копировальной машине что-то, – Виктория с любопытством заглядывала мне через плечо и протягивала лист, на котором допечаталось несколько книг из списка литературы.

Вот же!

Быстро закрыла ладонями название диплома, лишь усиливая подозрения президента сестринства. Нужно было срочно

выкручиваться:

– Флориан Майер приезжает. Хотела задать ему несколько вопросов по его старой работе...

Я натурально покраснела и смутилась. Виктории этого было достаточно, она положила список литературы мне на стол.

– Ну тогда удачи тебе с дипломом и герром Майером.

Она подмигнула, а я гадала, не её ли голос я слышала за дверью? Сердце опять неприятно кольнуло, и настроение в очередной раз испортилось.

– Спасибо, – выдавила я и начала спешно собираться. Тут я все равно не смогу спокойно почтить, помимо Виктории, ещё несколько студентов тарасились на меня и явно собирались подойти.

Виктория хотела спросить меня ещё о чем-то, но её взгляд упал на мой второй стаканчик с кофе.

– О. А можно мне взять один? Кто-то забрал в кафетерии последние сливки, да и в библиотеке израсходовал всю бумагу. Напасть какая-то!

– Забирай, но он уже остыл, – я протянула ей непочатый стаканчик.

Она медленно отпила его, изучая меня.

– Ты ведь не собираешься на полном серьёзе играть в Парамнезии и дальше?

А у неё с этим прям проблемы, как я погляжу. Не там она соперницу выглядывает. Прямо сейчас ее обожаемый Винсент ублажает какую-то девицу в общежитии. Ей бы туда свои расследования проводить, а не у меня над душой стоять.

– Это была единичная акция. Я просто выполнила свой долг перед ребятами. Все же из-за моей несдержанности нас дисквалифицировали.

Отличная игра, Елена. Я даже саму себя убедила. Конечно, не я виновата. Это Винсент повел себя гадко.

– Да-да. Именно из-за тебя. Хорошо, что ты это понимаешь.

Она продолжала потягивать мой кофе, и я начала искренне жалеть, что не плюнула туда раньше.

– Извини, у меня ещё много дел.

Я сунула распечатки подмышку и попыталась её обойти. Уже в спину Виктория бросила мне.

– Да какие у тебя дела, Лена? После дисквалификации-то. Ах, ну да. Читать старые дипломы про парамнезию от миленького профессора.

Не обращать внимание! Хватило с меня уже одного опрометчивого поступка, больше я не ввяжусь в драку из-за чьих бы то ни было слов.

Я даже не обернулась, а рванула к выходу, пока меня за руку не поймала работница библиотеки.

– Елена, завтра занесешь упаковку бумаги. Некрасиво столько тратить за раз.

Великие Музы, да что же все вокруг меня за преступницу-то держат.

– Принесу, – процедила я и запихала диплом Флориана в сумку.

Вернулась в нашу с Шай комнату. По пути поймала своё отражение в зеркале комнаты отдыха. Волосы от дождя распушились и напоминали настоящее золотое облако. Раньше меня это жутко раздражало, но сейчас я уже ничему не верила. Так просто мой привычный мир вдруг пошёл крупными трещинами. И я уже не я, а кто-то другой. Вдруг до моих игр с воспоминаниями я обожала свою причёску. А что если прежняя я никогда бы не подружилась с Шайло, и я бы общалась только с такими, как Виктория. Вдруг я была кем-то очень плохим.

Прижала к груди сумку. Теперь это будет мучить меня, пока я не разберусь во всем. Даже обсудить пока не с кем. Шайю я обидела, Винсент вызывает в груди болезненное жжение, папа далеко, дядя уехал, а Флориан будет в академии только на следующей неделе. Видимо, придётся повариться в этом ещё немного.

Моей соседки не было на месте. Обошла нашу комнату, заглянула в ванную. Ушла. Зато на столе стояла накрытая посеребренным клошем тарелка, а я рядом лежала записка. Нежным почерком Шайи было выведено:

*Ты как обычно не поешь и проигнорируешь рекомендации врача. Я приготовила тебе обед. Прости меня, что я лезу с непрошенными советами. Я больше так не буду. Если тебе нужна моя поддержка, я всегда рядом. Приятного аппетита,
твоя Шай.*

Не она должна была извиняться, а я. Но вот и не осталось следа от моей обиды. Только на саму себя злюсь.

Подняла клош, и меня мгновенно окутало приятным ароматом свежей еды. На тарелке стояла миска супа с гигантской печёночной фрикаделькой. А ещё меня ждал шницель размером с мужскую ладонь и овощной салат.

Надо срочно извиниться. Почему же у меня нет видеофона, я бы уже позвонила и сказала подруге, как мне жаль.

Приставила стул поближе, зачерпнула наваристого супа и поднесла к губам.

Запах детства. Мама часто готовила суп с фрикаделькой, иногда блинный суп. Я рассказывала Шай, а она и это запомнила.

Я прикрыла глаза от удовольствия. Отломилась ложкой кусочек фрикадельки и отправила его в рот. С каждым укусом я чувствовала себя всё счастливее, что в какой-то момент меня это переполнило настолько, что по щекам вновь потекли слёзы.

Дверь тихонько скрипнула и подруга осторожно заглянула в комнату. Я шмыгнула носом и быстро обтёрла щёки.

– Так вкусно, Шай. Ужасно вкусно. Спасибо.

– Я боялась, что ты опять в обморок свалишься или простудишься, чего доброго Полегчало?

Кивнула.

– Прости меня. Я так перед тобой виновата, Шай.

– Ой, да брось. Я сначала ужасно злилась на тебя, потому что ты маленькая эгоистка, а потом подслушала разговор Виктории. Это правда, что ты хотела съехать из-за меня?

У меня на языке таяла морковка, и я лишь угукнула.

Брови у подруги поползли вверх:

– Зачем?

– Она сказала, что ты не пройдёшь отбор, если я не съеду.

– При чем тут она! – Шай закипала. – Да я ей сейчас, знаешь, что...

Я вскочила и обняла подругу.

– Плевать, она уже передумала. Когда ты Винсенту мои кружевные трусы передавала, она быстренько гнев на милость сменила. Испугалась, что я нему перееду. Наивная. Вестерхолт подружек к себе табунами водит, не ко мне ей ревновать нужно.

Ну вот опять вспомнила эти лобызания за дверью. Да что ж такое?

– Винсент? Ты ничего не путаешь, Лена? Он же...

– Ни слова больше о нём! – я приложила палец к её губам. – Мы и так из-за него чуть не разругались. Ты лучше скажи, где ты ночами пропадаешь? На тренировки это совсем непохоже.

Подруга мгновенно смутилась:

– Помнишь Деяна?

– Твой друг детства. С акцентом таким смешным, да?

– Ничего не смешной, – насупилась Шай, но покраснела ещё сильнее.

– Рассказывай.

Моя соседка набрала полную воздуха грудь и выпалила историю, достойную лучших любовных романов. Деян Мештер студент по обмену из Кроашии. Его семья дружила с семьёй Шайло, и приезд парня именно в нашу академию ни для кого не стал сюрпризом. Он специализируется на современном танце и постоянно устраивает подпольные дуэли. На них-то моя соседка и пропадала ночами.

– Я почти дошла до финала, понимаешь! – с горящими глазами выдала Шай и, как я поняла, она добралась до главной части своей истории.

– И что тебе мешает участвовать дальше?

– Кай, – замогильным голосом произнесла подруга и сжала обе руки в кулаки.

– Что за Кай? – Я придвинулась ближе.

– Хапсбергер, – тихо-тихо прошептала Шай, и без того её огромные глаза, стали её больше.

– погоди. Кай Хапсбергер. Он же... Ох, М узы. Тот самый? Третий сын эрцгерцога?

Подруга издала какой-то писк и зажала обеими ладонями рот.

– Внук Императора... – продолжала я, а на Шай уже лица не было. – И какое у него к тебе дело?

– Он мой партнёр на грядущем выступлении. И он шагу мне ступить не даёт, заставляет практиковаться каждую свободную минуту. Боюсь, если он узнает о поединке, то непременно доложит ректору Циммерману. Деяна арестуют! А меня отчислят!

– Ой да брось! Просто скажи, заездил тебя этот принц, -- я поиграла бровями, и едва успела увернуться от летящей в меня

подушки. Даже суп не расплескала! Профи! Мастерски уклоняюсь от предметов.

– Тише ты, Лена, – Шай совсем дёрганной стала. – У меня места живого нет от всех этих поддержек. Руки у него просто... Кошмар! Показать синяки?

Покачала головой.

– Верю!

– Но хуже другое, – она виновато потупила взгляд, и я поняла все без слов.

Просто обняла её, не мне сейчас давать советы той, чьё сердце в смятении, потому что и моё не знает покоя. Рвётся на части и бесконечно страдает.

Так мы проболтали до темна. Сегодня я была хорошей подругой, задвинула свои проблемы подальше и позволила Шайло выговориться. Она права, я жуткая эгоистка.

Легла она рано, поспала пару часов и снова сбежала на свои подпольные танцы, я же вновь заснула под музыку Парамнезии. Мой разум отчаянно искал новых подсказок в текстах песен Винсента.

Зачем я доверил тебе

Свой секрет?

Зачем я излил свою душу?

Но поздно назад пути больше нет,

Я молю лишь: Не слушай! Не слушай. Не слушай!

Что это за секрет, из песни было непонятно, и моя фантазия уносила меня все дальше от реальности.

Он убийца!

У него есть куча внебрачных детей.

Он мой родной брат!

Я тройняшка Вестерхольт!

К счастью, уснула я быстрее, чем додумалась до чего совсем уж из ряда вон.

Понятия не имею, когда пришла Шайло, но едва я открыла глаза, было уже утро, а она тут же нависла надо мной с радостным криком:

– Не отвертисься!

Она вообще спала? Взгляд безумный, губы сильно припухшие, словно она всю ночь процеловалась, да и пахнет от неё странно, явно не девчачьими духами.

– Отчего я не отверчусь? – я сонно тёрла лицо, и в меня тут же прилетели штаны.

– От похода за видеофоном. Вчера сорвалось, а завтра снова на учёбу, и нам будет некогда. Собирайся?

Я выпросила разрешение хотя бы зубы почистить и обречённо поползла в ванную. Душ шелестел по волосам, и мне чудилось:

– Не слушай, не слушай, не слушай!

Сама виновата. Нечего было слушать. Действительно! Выспалась бы.

Шайло вызвала нам такси до города и потащила меня в торговый центр. Глаза разбегались от ярких витрин, а у одного окошка я даже подвисла. Салон пирсинга и татуировок.

Я с любопытством разглядывала стенды с разными серёжками, а двое парней снисходительно улыбались мне.

– Фройляйн чего-то желает? – промурлыкал один из мастеров и показал мне раздвоенный язык.

Я тут же развернулась на каблуках и побежала за Шай.

В магазине техники мне даже делать ничего не надо было. Подруга сама объяснила, что мне нужно. В потоке её заумной речи я поняла только слова: камера, звук и настройте сразу эфир. Остальные технические характеристики моего будущего видеофона были едва ли понятнее Хангрйского языка.

Расплатилась, а Шай тут же начала звонить сама себе с моего видеофона.

– Я назову тебя... – она постукивала себя указательным пальцем по нижней губе. – Нана Вестерхолт.

– Слышь! А ты, – я вырвала у неё из рук своё новенькое устройство и начала вбивать её имя. – А ты тогда Шайло Хапсбергер.

Она недовольно зашипела и погналась за мной.

В таком настроении мы и провели наш второй выходной. Мы шутили, смеялись, ели жутко вредную еду, которую продавали в торговом центре, и все наши проблемы на время померкли. Шай забыла о своём любовном метании, а я не думала о дебрях моего подсознания.

Покупка видеофона оказалась для меня настоящим событием. Я пыталась разобраться в приложениях, заполняла альбом нашими с

Шай фотографиями, а на рабочий стол она поставила мне тот самый постер, где я опутана лианами.

– Классно же, – спорила она, когда я пыталась убрать картинку, но у меня ничего не получалось.

– Поменяй! – бурчала я.

– Будешь вредничать, я выберу ту, на которой вы с Винни Вестерхольтом чуть ли не в обнимку стоите, там и такое есть!

– Нет!.. Покажи!

Домой вернулась в отличном настроении, перепрыгнула через сумку с распечатками и, пританцовывая, начала раскладывать свои покупки в шкаф. Новые брюки, футболки и пара кофт. Даже толстовку жутко неформальную приобрела. Никуда не уйдёт от меня моя парамнезия. Потом прочитаю работу Флориана. Но точно не сегодня!

Моё отличное настроение не покидало меня до обеда следующего дня, когда я с удовольствием расположилась за столом в обеденном зале. Блинный суп пах просто изумительно, штрудель благоухал яблоками и корицей, а Шай прислала смешную картинку мне в сообщениях.

– С покупкой, – поздравил меня Винсент Вестерхольт, бесцеремонно уселся за мой столик и достал свой видеофон. – Диктуй!

– Что диктовать? – я прикинулась дурочкой, словно не поняла его намёка.

– Твой номер. Теперь будет легче планировать всё.

– Что ещё планировать? – я спрятала видеофон под стол, но Винс не сдавался.

– Выступления. Ты комментарии не читала, что ли? Все ждут новых концертов. Тем более, ты написала партию для скрипки к песне Виви. Сделаем тоже самое с остальными. Расширим вокальные партии, ты неплохо поёшь.

Он все так красиво распланировал, что я почти повелась. Представила себе наши совместные концерты и тот бешеный драйв. Но нет. Хватит с моего сердца потрясений в этом году. Вот только язык мой словно своей жизнью жил и выдал с нотками флирта:

– И как же ты меня запишешь в своих контактах?

– Догадайся, – он включился в игру, положил локти на стол и придвинулся ко мне.

– Ни единой мысли.

– Сейчас покажу.

Он быстро набрал что-то на своем видеофоне и развернул экраном ко мне. Выглядел он при этом так решительно и серьезно, словно предложение руки и сердца мне делал.

Ясно. Что-то на хангрийском, я даже прочитать не могу как много тут шипящих и свистящих звуков.

– Это что-то на змеином, Вестерхольт? – спросила его, радуясь, что из моего голоса исчезает флирт, и появляется Ее Высочество Желчь.

Винсент лишь одно мгновение выглядел разочарованным, а потом тоже вернулся к прежнему себе.

– Я уж и забыл, что принцесса-зубрилка не такая уж и зубрилка. Не знаешь второй по популярности язык в стране. Стыдно.

Ох, Винсент, я его скорее всего знала, но забыла, ведь на нем разговариваешь ты, а я все, что с тобой связано подвергла жёсткой чистке в своей голове. И чем больше я с тобой разговариваю, тем больше убеждаюсь в правильности своего решения!

– Все равно, что ты там написал. Скорее всего очередное оскорбление. Курочка, принцесса-зубрилка, или что-то в твоём духе.

Поднялась со стола и начала спешно собирать свои вещи. Даже поесть спокойно не дал.

– Нана, – мучительно на выдохе, – пожалуйста, хватит уже.

Поймал меня за руку, и от этого прикосновения по коже начали расходиться мурашки. Притянул меня к себе и пробормотал, задевая губами мою чёлку.

– Я устал сражаться. Дай мне передышку.

Упрела ладонь ему в грудь, пытаясь оттолкнуть, но делала это как-то без энтузиазма.

– Устал продолжать то, что сам же начал? Эту войну не я развязывала. Ты с первой встречи меня ненавидел. Помнишь хранилище инструментов?

Наша возня начала привлекать лишнее внимание, и я перестала дёргаться.

– Я не спорю. Но и ты меня пойми, Нана. Просто представь, как больно мне было смотреть на тебя каждый день, знать, что ты так близко, но...

– Но ничего не помню? – закончила за него, и он с облегчением выдохнул.

– Да! Это было мучением. Я злился, ненавидел тебя за ту боль, за то, как ты поступила с нами... Я же так тебя... А потом ты написала в комментариях про свадьбу, и картинка сложилась у меня в голове, ты все вспомнила. Нашу клятву! Я до сих пор храню кольцо, Нана.

Что он несёт? Какую клятву, ни в чем я ему не клялась, ни одна магия бы не заставила меня забыть такое. Особенно какое-то там кольцо.

Но Винсента уже было не остановить. События развивались слишком быстро. Он положил мне одну руку на талию, второй зарылся в моих волосах, и намерения его были весьма прозрачными. Да Вестерхолт же поцелует меня вот-вот у всех на глазах. И это накануне приезда Флориана.

Я уворачивалась, молилась Музам о спасении, желала Винсенту благоразумия. Он верно пьян. Несёт бред, ведет себя, как одержимый.

Дернулась в сторону, рука Винса чуть ослабла. Вот только и я равновесие потеряла, уперлась в край стола, и он тут же накренился. Вестерхолт отчаянно пытался поймать меня, но я все равно полетела на пол, а вместе со мной попадали мои распечатки, ложки, вилки и блинный суп. Зажмурилась, ожидая удара. Но ничего не случилось. Открыла глаза и увидела над собой перепуганного Винни. Я чудом не разбила себе затылок о кафель, потому что он вовремя подставил ладонь, и теперь сам морщился от боли. А я смотрела на него и уже не злилась. С его волос стекал блинный суп, капли и падали мне на щеки, а я не могла увернуться, потому что Винс все ещё крепко держал меня. Держал и дрожал всем телом.

– Ты цела?

– Боишься, что последние мозги себе вышибу и опять тебя забуду, Вестерхолт, – улыбнулась ему.

– Не смешно, – строго сказал он, не отпуская.

Да мне уже и самой не хотелось смеяться. Этот хмурый взгляд в самую душу, его настойчивые прикосновения, отчаянные признания. Нужно было успокоить его, чтобы перестал так дрожать. Пугает.

– Я цела, Винни. Можешь уже отпустить меня. Видишь, я тебя помню. Ты Винсент Вестерхолт. Мой жутко талантливый враг, который постоянно дразнит и бесит меня. Полегчало?

Не полегчало. Он все ещё нависал надо мной и капал на меня бульоном. Вкусный был суп, кстати. Нужно бы ещё заказать. Есть-то как хочется!

– С тебя новая порция, кстати. Ты мне обед испортил.

Отмер. Взгляд его слегка смягчился.

– Хорошо. Куплю тебе новый суп.

– Винсент, – я позвала его и, преодолевая безумное смущение, спросила. – Если бы я не сопротивлялась, ты бы сделал это, да?

– А что я, по-твоему, собирался сделать?

Я собиралась с духом, потому что это было ой как не просто сказать вслух.

– Ты же собирался поцеловать меня?

– Теперь мы этого не узнаем, курочка, ты упустила свой шанс.

Он усмехнулся мне, оттолкнулся от пола, а затем протянул мне руку. Костяшки пальцев у него покраснели и припухли от удара. Осторожно взяла его за руку и поднялась на ноги.

Только ленивый не смотрел на нас и не снимал на видеофон. Я в мятой мантии, Винсент с запутавшимися в мокрых волосах кусочками блинов.

– Вестерхолт! Адель! – пронесся гневный клич ректора над столовой. – Вы опять за старое? В мой кабинет! Оба.

Мы лишь устало переглянулись.

– После тебя, моя курочка. Леди вперед.

– Вы сама галантность, Герр Вестерхолт, благодарю, – сделала книксен, и мы наконец-то рассмеялись, представляя, как мы будем писать очередную объяснительную. Благо у меня уже есть опыт.

Глава 15

Шли за разгневанным Амадеем. Я вприпрыжку, а Винсент едва ноги волочил. Украдкой поглядывала на него и боролась с желанием выбрать из его волос куски еды. А он словно не обращал на них внимания и напряженно смотрел ректору в спину. Как он там ещё дыру не прожёт. Так боится наказания?

Толкнула его легонько в бок.

– Вестерхольт, что с лицом?

– Ничего. Ты зато веселая, как я погляжу.

– Послушалась вот твоего совета. Нарушаю правила и получаю от этого удовольствие.

– Ты не нарушала правила, ты голову себе чуть не разбила.

Винсент продемонстрировал мне свою распухшую руку, которая, кажется, начала синеть. Больно наверное...

– Вот это могло произойти с твоим затылком. Все-таки ты курочка. Зачем упиралась-то?

Даже сейчас я не обижалась.

– Курочка? Даже не шшшжжжззз, или как там ты меня обозвал?

Тяжелый вздох:

– Проехали. Учи хангрийский – узнаешь, как я назвал тебя.

– Ты играть-то теперь сможешь? – я кивнула на его руку. – Сильно болит?

– Бывало и хуже, – он немного смягчился и одарил меня едва угадываемой улыбкой, и добавил: – А меня ты спасешь, как спасла Ласло в клубе?

Он склонил голову на бок, челка упала ему на левый глаз, придавая жутко хитрый вид.

– И как же я это сделаю? – поинтересовалась у этой коварной хангрийской физиономии.

– Подменишь. Я же так и не дождался твоего пиццикато на скрипке. Уступлю тебе своё соло.

Мои щеки снова начали гореть. То как он произносил слово “пиццикато”, как смотрел на меня, как просил о помощи. Что ещё я могла ответить, кроме решительного:

– Подменю!

– Через два дня. Место встречи то же.

Звучит как свидание. Хорошо, что я вслух этого не сказала. Я и так рядом с Винсентом начинаю превращаться в зефирину. Мозгов во мне столько же, ещё и таю всякий раз, как он рот открывает.

Амадей устало толкнул двери своего кабинета. Вот только в этот раз помимо привычного беспорядка, там было кое-что ещё. Вернее кое-кто.

– Флор... Герр Майер?

Я даже отпрыгнула от Вестерхольта на всякий случай, чтобы у моего наставника не возникло никаких мыслей на этот счет. С Винсентом у нас исключительно деловые отношения. Вот только наши диппредставительства на переговорах то воют, то целоваться друг к другу лезут. Его диппредставительство лезет! Мое очень сдержанно и профессионально!

– *Аэтот* что тут делает? – Вестерхольт не сказал, он прорычал это.

Клянусь, если бы я машинально не схватила его за запястье ушибленной руки, он бы рванул на моего наставника с кулаками.

Что здесь происходит?

– Винсент, – мягко позвал его Флориан, и голосе моего учителя было столько вины и раскаяния, что я окончательно запуталась.

– Не зови меня по имени. Даже не смей.

Грудь у Винса резко вздымалась от каждого яростного вдоха. Не дышал, задыхался.

– После всего...

Вестерхольт явно хотел сказать больше, но короткий синхронный кивок в мою сторону Амадея и Флориана заставил его прикусить язык. Класс, все в курсе моего недуга. Сказать им, что я тоже теперь знаю?

– Винсент, присядь.

– Не хочу, – рявкнул он, а я продолжала держать его руку. Эту бессильную ярость я уже чувствовала, когда он упражнялся за кулисами перед концертом. Но сейчас у него не было гитары, чтобы выплеснуть все это наружу. Злость копилась внутри, и Винса буквально трясло. Хотелось помочь ему, остановить это безумие, но я не знала как.

– Просто присядь.

– Когда вы в прошлый раз говорили мне присесть, я ничего хорошего не услышал. Мы уходим! Нана, пошли!

Теперь уже я противилась. Я столько не видела Флориана, и приехал он ради меня. Куда я пойду?

Винсент проследил за моим взглядом, а потом его словно озарило догадкой, и на лице тут же появилась уродливая гримаса.

– Это он да, Нана? Ты про него писала в комментариях. Какой же я идиот... А я ведь повелся. Поверил. К черту все...

Он попытался выдернуть руку, но я все ещё держала. Не знаю, зачем. Это было важно. Не опускать его сейчас. Так надо.

– Ты все у меня отнял, герр Майер. У нас. Все отнял. А вы помогли ему, ректор!

Почёму Флориан опустил взгляд? Почему от чувства вины в кабинете мне самой нечем дышать сейчас.

– Я приехал все исправить.

Вестерхолт презрительно фыркнул.

– Как же ты это сделаешь? Или решил теперь написать полноценную диссертацию по этой проблеме? Лабораторная мышка понадобилась? Я не позволю!

Сомнений нет, говорят эти двое обо мне. Выходит, я была права, все началось с диплома Майера. Знания я почерпнула именно оттуда. Теперь осталось выяснить, почему и что именно я стерла из памяти.

Не позволит... От этих слов уже приятные мурашки разбежались по затылку. Как же приятно оказаться с ним по одну сторону баррикад. Я так устала сражаться с ним. Но с кем мы будем сражаться вдвоем? Флориан как-то не тянет на врага. Вид у него уже разбитый и несчастный.

– Не с этим помочь, Винсент. Тут мы все бессильны. Но можно вернуть вас на конкурс. Есть лазейки. Хотите?

Винсент

Он продолжает издеваться надо мной. Флориан Майер, действительно, считает, что мне нужна его помощь? Даже если я буду висеть над обрывом, и его протянутая ладонь станет единственным спасением для меня, я предпочту разбиться насмерть, чем воспользуюсь этим щедрым предложением. Меня даже передёрнуло от такой перспективы.

– Не хотим, – ответил я, а Курочка тут же повернулась ко мне и уставилась недовольными глазками.

В них читалось что-то в роде:

– Какого чёрта, Винсент?! Это наш единственный шанс.

Но она пребывала в таком недоумении, что даже говорить не могла, сидела и шлепала своими розовыми губками как рыбёшка, и мне пришлось поскорее прийти ей на помощь, пока она не задохнулась.

– Я все уладил сам. Раз Парамнезию и Елену ден Адель исключили как отдельных конкурсантов, я уже подал документы от имени независимого объединенного коллектива исполнителей. Мы не будем представлять Академию Святого Михаила, а пойдём как выбор пользователей Эфира. Благо наше последнее совместное выступление имело большой эффект, и приемная комиссия допустила нас сразу до четверть финала, который пройдет в Клостер-ам-Зее.

Шах и мат!

Наблюдал за тремя удивленными лицами. Даже не знаю, кто сильнее был в шоке. Курочка, или эти две достопочтенные жертвы бюрократии. Не зря же я все выходные убил на поездки, переговоры и подачу документов. Виви помочь не захотела, продолжала дуться, уверен, она даже из комнаты не вышла ни разу. Боюсь представить, во что она превратила наше жилище. Ласло лечит свою руку, а Марко занимается аранжировкой новой песни. Не трогаю его, у парня и так куча работы. Мало того, что ему надо переступить через себя и принять правки от Елены, так ещё и под скрипку перестроиться. А курочка... Если бы я запряг ее, то не лицезрел бы это прелестное личико, в котором сейчас столько всего отражалось, но главное: восхищение. Да-да. Я лучше этого напмаженного столичного пижона, за которого ты замуж собралась.

– Что ж, – неуверенно начал Флориан. – Я хотел лишь предложить дисквалифицировать ваше а капелла трио...

– На каком это основании? – недовольно встрял Амадей. – Девчонки честно выиграла конкурс, сцену не поджигали, в столовой драк не устраивали.

– Мы не дрались, – возмутились мы хором с курочкой.

Хотя кто же нам поверит-то. Я до сих пор пахну блинами и зеленым луком. Только ведь голову отмыл от перьев. У моей

принцессы явны фетиш на мои волосы. Но сам хорош. Наплел ей такого бреда, что за всю жизнь не разгрести, даже поцеловать пытался. Как бы теперь это все повернуть в шутку. Ни черта Курочка не вспомнила о нас. Наивный.

– Не важно. Мне не за что исключать студенток, они также поедут в Клостер-ам-Зее защищать честь Академии Святого Михаила.

– Но... – Герр Майер выглядел явно подавленным. – Я...

– Договаривай, Флориан, что с ними не так?!

– В правилах конкурса четко прописано, что коллектив должен исполнять оригинальную, не засвеченную ранее песню, а твои студентки поют исключительно каверы. У них есть что-то своё?

Амадей побледнел и начал суетливо рыться в шкафах. Вытащил из ящика смятое и явно не прочитанное положение о конкурсе. Он нервно бегал по нему глазами.

Не старайтесь, Герр Ректор. Внимательности Флориана к деталям можно позавидовать, а его желание исправить то, что он сотворил с Наной и со мной слишком сильно. Уверен, он даже жалобу организаторам успел накатать на коллектив, чтобы Елену взяли обратно. Но её я никуда не отпущу. Она теперь моя!

– А ты не мог мне раньше сообщить об этом? – Циммерман почти орал на своего гостя.

Такой серьёзный промах может стоить Амадею должности, а он и так отвратительно справляется со своими обязанностями в последнее время. Престиж академии стремительно падает. Позор на конкурсе – последнее что ему нужно в нынешнем положении.

– Слушай, мне и в страшном сне не могло присниться, что ты отстранишь мою протеже.

Твоя протеже играла хуже сломанной музыкальной шкатулки. Очнись! Бездушно и механически. Вы сломали её, сломали и бросили. И так сойдёт, правда?

– Что же это получается? – Нана наконец подала голос. – Академию никто не представит в этом году?

Как сложно не смеяться. Амадей решил наказать нас, но щелкнул себя же по носу, а Флориан помог ему. Это прекрасно. Какое-то слово было замечательное для подобного момента. Как же? Как же? О. Возмездие!

– Какого чёрта ты лыбишься, Вестерхолт?! – Циммерман переключил свой гнев на меня. – И как же теперь называется твой новый коллектив независимых исполнителей?

Я самодовольно улыбнулся, представляя, какой эффект это произведет на мерзавца Флориана. Но его чувство вины не идёт ни в какое сравнение с моими страданиями и болью.

– Парамнезия Елены.

Мой креатив оценила только Нана. Интересно, она в курсе того, как мило краснеет? Только ради этой ее реакции стоило все это провернуть. Примерно так же она смутилась, когда я признался, что все мои песни посвящены ей. Каждый день хочу смущать ее вот так. А это легко, особенно когда знаешь все ее секреты. В нашей партии карты Наны лежат рубашкой вниз, я вижу все ее козыри и слабые места. Она же не знает обо мне ничего. Только то что сама придумала и во что поверила.

Для нее я отрицательный персонаж этой истории. Я зол, я обижен, и мне очень сложно держать всё в себе. Она же принимает это хамство и высокомерие. Потому-то Флориан для курочки прекрасный принц, а я бессердечное чудовище.

Но я устал и не хочу так больше. У меня были только песни, которые нравились сотням людей, но не могли достучаться до единственного человека, кому были адресованы.

Но сегодня меня ждет еще одно испытание. Курочке будет очень больно. Весь ее фальшивый мирок сегодня с размаху налетит на скалы, а я ничего не могу поделать. Просто смотрю и жду, когда моя Нана столкнется с берегом.

– Что ж... – герр Майер вспомнил, как складывать буквы в слова. – Удачи вам на конкурсе!

Переигрывает. Не верю ему. Он так хотел побыть для нас спасителем, а я смешал его карты, не дал возможности доброму Флориану Майеру воспарить к небесам от своей офигенности.

– Спасибо, – не произнес, а буквально прошипел это слово, и курочка мгновенно вздрогнула.

Да-да. Для тебя это сделал. Ты же меня с ползучими гадами ассоциируешь. Флориан – сладенький принц-спаситель, а я змея. Только ты знаешь, курочка, что я вовсе не ядовитый. Убедилась вроде.

Но все равно смотришь с отвращением, и я не понимаю, где сейчас-то провинился?

– Тогда предлагаю отметить ваше воссоединение! – не сдавался Майер, а Нана вся заёрзала на месте, на меня воровато начала поглядывать. Я лишний, что ли, на этом празднике жизни?

– Вы же хотели сказать мне что-то важное, – напомнила ему курочка и покраснела.

– У меня нет секретов. Я всех приглашаю. Герр Циммерман, вы идете?

Ректор матерился одними губами, и ему точно отмечать было нечего. Но мне его не жаль, захотел проучиться нас с Наной, а щелкнул по носу сам себя.

– Я пойду. – Я лениво отлепил свой зад от стены, послушаю хоть, что там хочет сказать прекрасный принц Флориан.

Курочка состроила недовольное лицо и едва заметно качала головой. Явно мне знаки посылает, не хочет, чтобы я шёл. Наивная моя. А я бы и не пошёл, если бы не её бурная реакция.

– Тогда посидим вчетвером, – не терял энтузиазма Флориан, и у Наны калькулятор в голове сломался.

– Так герр Циммерман же не идёт, – сказала она.

Хмурится. Уже чует что-то неладное. Вижу, что моргать чаще начала, дыхание у неё стало каким-то рваным, а в мою сторону больше не смотрит. Намёки тоже делать прекратила. А я вот как раз догадываюсь, что за сюрприз приготовил наш Флориан. Я-то поглядываю за его публикациями в Эфире.

– Сейчас увидишь, Елена, – подмигивает ей.

Вот же слепой ублюдок, даже для меня это слишком. Хочу поскорее прекратить это издевательство и поторапливаю их.

– Может, уже пойдём?

Я хочу увести Нану отсюда до того, как Майер выкатит свой сюрприз. А вдруг получится? Подталкиваю их к выходу. Вовремя. Циммерман уже откупорил одну из своих пыльных бутылок. Сейчас будет запивать не только свой несчастный брак, но и техническое поражение на музыкальном конкурсе.

Мы вышли в коридор, и я не без удовольствия вспомнил, как курочка искрила тут, пританцовывая с бубном. Каких усилий мне стоило не поцеловать её тогда прямо здесь.

Нельзя. Дальше только маленькими шажочками. Нану больше нельзя торопить, память должна возвращаться к ней постепенно, я и так сильно форсировал процесс. Теперь нужно бы притормозить, но, как назло, приехал Майер со своим гнилым благородством наперевес.

– Фло! Вы чего так долго? Я пока вас ждала, съела всю маринованную клубнику и выпила всю воду, теперь мне срочно нужно в уборную! О, эта та самая Елена ден Адель? Привет-привет!

А вот и выкатился тот самый сюрприз Флориана. Без шуток. Это шарообразное существо, которое явно было девушкой когда-то, махало нам отёкшими ладонями.

Перевёл взгляд на Нану. Она замерла, боясь даже пошевелиться. Знакомая поза. Она всегда так делала, когда ей было плохо. В тот роковой для нас день она также стояла и смотрела в пустоту. Одно движение, и она не выдержит, расплчется навзрыд. Музы, куда вы смотрите! Курочка даже дышать перестала. Нужно срочно что-то делать!

– Джули, ну вот ты испортила мой сюрприз! – в шутку возмутился Майер.

Он не видит, что происходит с Наной, он настолько слепой и бессердечный мерзавец? Привел к безответно влюбленной в него девушке свою беременную невесту... Это разновидность его помощи и терапии? Класс.

– Фло-Фло! Я очень долго ждала. Ну прости!

Они прелестно щебетали друг с другом, а я безумно хотел разбить ублюдку "Фло-Фло" лицо за этот концерт. Притащился в академию, чтобы лишний раз поиздеваться над Наной и её мятежными чувствами.

Не выдержал. Просто нужно было занять чем-то руки. Да и не мог я больше смотреть, как моя курочка сдерживается из последних сил, глядя на свою фальшивую влюблённость.

Подошёл к ней, обнял за талию, прижимая к себе и моля высшие силы, чтобы помогли разделить хоть часть её боли и унижения. Помогло, вместе с её дрожью мне передался и громадных размеров ком в горле. Оказывается, видеть, как твоя возлюбленная страдает из-за другого мужчины – то ещё испытание.

– Мы вас догоним, герр Майер. Дадите нам минут десять? – Я проталкивал этот чёртов ком, чтобы ответить, а он возьми и лопни,

усеивая моё горло осколками.

Флориан очень многозначительно и одобрительно посмотрел на нас. Разумеется, он все понял неправильно. Радует за меня, что я отвоевал у обстоятельств свою девушку обратно, но это не так. Уверен, когда эти двое скроются из виду, Нана шарахнется от меня как от прокажённого. Это сейчас я не даю ей упасть, а потом она снова вообразить, что я не поддержка а камень на шею.

Держал. Пользовался моментом, а её дрожь все нарастала, передавалась мне волнами. Едва Майер и его очень беременная спутница исчезли, как она развернулась и прижалась ко мне уже сама. Тёрлась от меня и тихо всхлипывала.

Если бы меня спросили, какая на свете пытка самая ужасная и негуманная. Выдирать ногти, пускать под килем, заставлять наматывать собственные кишки на дерево? Я бы не задумываясь ответил: утешать возлюбленную, которая плачет из-за другого мужчины. Ты чувствуешь не только собственную беспомощность, у тебя самого предательски намокают глаза.

– Можешь смеяться, – выдала наконец курочка куда-то мне в рёбра?

– В каком смысле?

Я настолько охеренел от её предложения, что даже не успел выбрать интонацию помягче. Я это почти проорал.

– Над моей наивностью. Я же подумала, что Флориан собрался мне предложение делать. В интернете об этом написала, тебе хвасталась. С Шай вот поссорилась...

Новая порция всхлипов. Но мне уже не жалко эту курочку. Я зол.

Осторожно отстранился, упёр ладони ей в плечи и очень строго сказал.

– Посмотри на меня, Нана.

Мотает головой, и я понять не могу ей сейчас больше стыдно или больно?

– Я сказал, посмотри на меня!

Она наконец задрала своё зарёванное лицо. Нана даже плачет красиво, без красноты и опухшего носа, или я это так вижу? Моя маленькая и несчастная принцесса, смотри же!

Я догадываюсь что она видела. Я каждое утро встречаю в зеркале этого человека вот уже несколько лет. Красноватые глаза от моих

невыплаканных слёз. Но я никогда не плачу, отец не так меня воспитывал, хотя после его очередных выволочек, которые нередко заканчивались вызовом семейного врача, мне хотелось именно рыдать. Но я терпел. Терпел сломанные кости, терпел его ненависть. Он за двоих её на мне вымещал. Два нежеланных ребёнка от нелюбимой женщины, которая первая не выдержала и сбежала, бросив двух нежеланных детей от нелюбимого мужчины. Виви он не трогал. Она же девочка. Уже и не помню, когда она впервые отрезала свои волосы и стала носить мужскую одежду. Видимо, думала, что наш отец переключится на неё. Не вышло. Меня теперь колотили с новой силой, но в этот раз за выбор сестры. Но только не по пальцам, рукам и лицу. Я был нужен для его званых вечеров. Пластиковая улыбка и игра на виолончели по щелчку. Послушный мальчик.

Я бы ненавидел музыку. Я ненавидел виолончель, если бы не она!

– А ты выбрось смычок! Играй пиццикато! – утешала меня она.

Пиццикато. Жутко смешное словно. Я обожал, когда ты говорила его, и всегда улыбался.

Единственной радостью было сбежать в лес, где Елена ден Адель заглушала свою боль сомнительными играми среди диких зверей.

– Смотри Винни, змейка, – она часто подбирала очередную мерзкую тварь и подносила к моему лицу. – Ну ты чего шарахаешься? Она же недовитая.

Я шарахался не от несчастного полоза, просто сердце не выдерживало близости с этой яркой солнечной девчонкой. Я сам как извивающийся полоз пытался скрыться от ее обжигающих лучшей, но всякий раз приползал на ее тепло, пока она наконец не стала моей.

– Ты правда думаешь, что я настолько отвратителен, Нана? Что я буду издеваться, когда тебе плохо?

– Нет, – честно ответила она. – Но я хотела, чтобы ты это сделал. Хочу, чтобы ты был отвратительным. Поиздевайся надо мной немедленно! Ничего себе у неё запросы!

– Ты совсем дурная? Зачем?

– Тогда бы моё сердце так не металось. Я бы свыклась с мыслью, что ты мерзавец, что не просто так я вычеркнула тебя из своей жизни, прибегнув к опасной магии. Я бы не искала больше истину в твоих песнях. Приняла бы как данность, что ты мой враг. Мне так было бы легче, чем мучиться догадками!

Вот так признание. Она сейчас не из-за Флориана ревела, что ли? Сбежать от меня не вышло, вот и давила слезу, глупая.

Не выдержал, подкинул ей новую пищу для размышлений, потому что мне уже надоело быть для нее врагом.

– А если все совсем не так, Нана? Что если, ты наоборот стёрла свою память, чтобы остаться со мной? Как тебе новая теория?

Глава 16

Как же он бесит! Даже пострадать и поплакать вдоволь не дал. Только что моя детская мечта и любовь всей жизни представила мне свою беременную невесту, или кем ему приходится эта круглая Джули, а я плачу совсем от другого! Во-первых, от облегчения. Стыдно признаться самой себе, но я рада, что Флориан не сделал мне предложение. А если уж быть честной до конца, я боялась этого и не хотела. В отношениях с моим наставником у меня никогда не было той бури чувств, которую во мне вызывал Винсент Вестерхолт. А я за последние дни стала жадной до этих мучительных эмоциональных качелей.

Когда Винс позвал меня на новое выступление, я испытала безумный восторг. Все в нем вызывает во мне какую-то детскую радость. Целый новый мир возможностей. Нарушать правила академии, выступать в ночных клубах. Может быть даже алкоголь попробовать! Согласись я выйти за Флориана, я бы закрыла эту дверь навсегда.

Но следом за облегчением после “сюрприза” моего наставника пришло и другое. Вестерхолт обязательно использует это против меня! Он начнет издеваться и глумиться. К “курочке” непременно прибавится ещё что-нибудь унижительное.

А ведь я помню, как Шай просила не рассказывать ему ничего! А я возьми и в Эфире все выложи. Глупая-глупая Нана!

И вот от этого-то я и заплакала. Винсент вот-вот увидит, какая я жалкая и наивная. А ещё никому не нужная! Так я бы могла красиво отказаться от предложения, или сказать, что подумаю. Пробудить в сердце Вестерхолта ревность. Вот что я хотела на самом деле. Отомстить ему за унижение в общежитии, а в итоге я в очередной раз опозорилась.

– Мы вас догоним, герр Майер. Дадите нам минут десять?

Его руки на моей талии. Прижал к себе, и из меня весь воздух разом выдавило. Почему только десять минут? Мало. Мало, Винсент!

Меня в жизни никто так не обнимал. Не то чтобы я избегала близости с парнями, просто... Просто все они напоминали мне амёб.

Неинтересные, незапоминающиеся, недостойные. Сплошные “не”. А Винсент одно сплошное “но”. Его объятия теплые, но нельзя забывает, что он из себя представляет!

Повернулась к нему, прижалась к его твердой груди и изобразила безудержное рыдание приличия ради. Пусть почувствует себя героем-спасителем. Может у него желание издеваться пропадет.

– Можешь смеяться! – выдала с максимальным надрывом в голосе.

– Что?

Отлично. Растерялся. Слезы на него сработали просто безотказно.

– Над моей наивностью. Я же подумала, что Флориан собрался мне предложение сегодня делать. В Эфире об этом написала, тебе хвасталась. Шая...

Великие Музы! Шая! А вот перед ней я точно буду краснеть, она меня предупредила о чем-то подобном. Мы даже разругались из-за Флориана.

А вот теперь я уже искренне шмыгала носом.

Вестерхолт отошел от ступора и начал меня от себя отковыривать. Сейчас он увидит, что я и на плачу-то толком. Поднажать. Обидеться на него! Он с девицей какой-то кувыркнулся все выходные! А я-то поверила, что между нами искра.

– Посмотри на меня, Нана.

Трясу головой, чтобы побольше вытекло. А оно как-то не плачется толком!

– Я сказал, посмотри на меня!

Сколько властности и решительности в голосе. Задрала голову и сама в ступор впала. Никогда не видела Винса таким. Глаза покраснели, словно он сутками не спал. Губы напряжены, на шее дрожат вены. У него лучше получается несчастного изображать, или он не изображает? Я не чувствую сейчас фальши, как и не чувствую его злорадства.

– Ты правда думаешь, что я настолько отвратителен, Нана? Что я буду издеваться, когда тебе плохо?

Лучше бы ты издевался, Винсент. Лучше бы оправдал мои ожидания.

Сама не поняла, как вдруг призналась ему:

– Нет. Но я хотела, чтобы ты это сделал. Хочу, чтобы ты был отвратительным.

– Почему?

Ты сам понимаешь все, черт возьми! Ты знаешь меня лучше, чем я сама. Мы были знакомы, мы были парой! Ты целовал меня, любил. На твоей губе блестит доказательство твоей одержимости! А я явно отвечала тебе тем же. Целовала в ответ и была счастлива. Но случилось что-то, и я не просто порвала с тобой, Вестерхолт. Я напрочь стерла воспоминания о тебе! Что ты на это скажешь?!

– А если все совсем не так, Нана? Что если, ты наоборот стерла свою память, чтобы остаться со мной? Не думала?

Честно? Не думала. Потому что это не имеет никакого смысла. Если я так сильно любила его, я бы простила ему все. Но то, что он сделал, видимо, перешло все грани! И нельзя об это забывать!

А ещё мне вдруг вспомнилось, как он рассказал о своей проделанной ради конкурса работе? Когда он успел все, если ублажал девиц. Не сходится!

На душе резко потеплело, но спросить я все равно не решилась. Да и потом, кого ещё могли так томно и сладострастно звать. Вестерхолт! Да девушка так и выдохнула:

– *Вестерхолт, ты просто ураган.*

Не про Вивиен же она это сказала. Вивиен девушка!

– А когда ты ездил улаживать вопросы по конкурсу? – быстро сменила я тему, и Винс слегка растерялся.

– А это тут причем?

– Просто интересно, чем ты занимался на выходных, – я попыталась напустить на себя маску равнодушия, но ничего не вышло. А плевать уже! Пусть колется.

– На выходных и занимался, что за допрос, курочка?

– Вот прям все выходные на это потратил? И даже в общежитие не заходил ни разу?

Перегнула. Вестерхолт явно начал что-то подозревать!

– Нана, мне даже по нужде некогда было сходить. Я собирал документы, делал презентацию, потом съездил в Клостер-ам-Зее, а это только полдня на дорогу. Тебе билеты показать?

– Покажи, – прошептала я, чувствуя, как на сердце с каждым мигом становится все легче. Если я сверю время на билетах со своим

визитом в общежитие, то выясню, он или не он прижимал какую-то девицу к двери.

– Покажу, если скажешь, зачем, – встал в позу Винсент.

Прикусила губу. Нет уж. Так быстро я карты вскрывать не готова. Может он придумал легенду с билетами, когда узнал, что я заходила. Мог подобрать использованные на станции. А теперь вот как змея изворачивается и хитрит. Не дам ему такого удовольствие уделать меня снова. Сама все выясню.

– Уже не важно. Так мы идем в кафе? Ты обещал угостить меня блинным супом. Да и герр Майер с Джули, – я аж скривилась, когда её имя произнесла: – ждут нас.

Винс хмыкнул и покрутил между пальцев жирную прядь волос.

– Угощу. Только сначала бы эту порцию из головы вымыть. Зайдем в туалет на пару минут?

И как относиться к этому предложению? Мне с ним надо зайти, или снаружи постоять?

Пока я думала, Винсент затянул меня внутрь преподавательского туалета и закрыл за собой дверь на ключ.

– Чтобы не помешал никто, – пояснил он, а ключ убрал в карман толстовки.

Логично, зачем нам мешать? Но всё равно ничего не понятно. Что это мы тут собрались делать, что Винни такие меры предосторожности предпринимает?

Прижалась к двери, стараясь не выглядеть испуганно. Судя по смешливому фырканью Винсента, у меня ничего не вышло.

Тогда он решил усугубить ситуацию и очень киношно шлёпнул ладонью по двери прямо рядом с моим лицом.

Кошмар! Я такими темпами вот-вот узнаю, за какие заслуги незнакомая девица назвала его ураганом. Он наклонился так близко, что его серёжка почти касалась моих губ, а затем очень медленно произнёс.

– Расслабься, Курочка. Я тобой ничего пока делать не буду.

– Пока?

Это не тот вопрос, который я хотела ему задать. И точно не с такой разочарованной интонацией.

– Это лишь вопрос времени, Нана, когда ты сама попросишь меня о большем.

А теперь настала моя очередь фыркать. Наглость и напористость Винсента вернула мне прежнее самообладание, когда Вестерхолт в моих глазах был всего лишь кабачным лабухом, а не загадочным тёмным гением из моего прошлого.

– Я думала, – томно начала я и потянулась к его волосам, зарылась в них пятерней и даже вперед шагнула.

Он заметно растерялся. Смотрит на меня сейчас так странно, даже смущенно, слово никогда в жизни с ним ничего подобного не делали. Словно он даже неопытней меня. Это жутко покупало и льстило.

Продолжила свою игру, хотя уже не была уверена, что я играю с ним.

– Я думала, – повторила, глядя всего глаза, которые при тусклом освещении казались мне бледно зелеными. Тягучая болотная муть со змеями, я в ней тону. И мне нравится. Вода с тиной вот-вот схлопнется над моей головой, и этот мрачный келпи утянет меня на самое дно. Прилипну к нему и сгину.

Он меня не торопил, наблюдал. Сглотнула. Надо собраться, пока я не окончательно не сдалась этому затягивающему омуту.

Есть!

Нащупала в его волосах кусочек блина и быстро вытащила его.

– Я думала то, как на тебя полетела тарелка с супом, послужило тебе ярким доказательством, что ничего я от тебя не жду, Вестерхолт.

– Как скажешь, курочка, – он не переставал загадочно улыбаться, лениво оттолкнулся рукой от двери и отстранился от меня. – Я чуть не забыл, зачем пришел. Спасибо, что напомнила.

С нескрываемым разочарованием, смотрела, как он идет к раковине. Я вроде победила его в этой словесной дуэли, но совсем не чувствовала себя хозяйкой положения.

Он медленно стянул с себя толстовку и обернулся?

– Подержишь?

Вестерхолт талантливый музыкант, автор песен, но точно не спортсмен. Худощавый, острые лопатки и ключицы, покатые плечи. Было в нем в этот момент что-то хрупкое и очень уязвимое. Но вот руки. Крепкие, жилистые. Длинные мозолистые пальцы. Опустила взгляд ниже. Скользнула по его плоскому животу. Брюки свободно висели на бёдрах, ещё чуть-чуть и я увижу резинку от его трусов.

Сглотнула. Протянула руку за одеждой и буркнула:

– Я думала, у тебя ещё что-нибудь проколото, ну или хотя бы татуировка набита. Как-то скучно даже.

Он удивленно вскинул брови, а затем невозмутимо сказал:

– Проколото.

– Да ну, и где же?

– Там, – он подмигнул.

Я мгновенно покраснела, а взгляд сам собой вновь опустился к его сползающим джинсам, мазнул по ширинке. Да не... Нет же? Или? Если губу он проколол из-за моей случайно оброненной фразы о поцелуях, то... Не могла же я закинуть ему и такую идею? Хей, Винни, интересно, как это заниматься сексом с парнем, у которого проколото...

– Ухо! У меня проколото ухо, Курочка, – Винс приподнял пальцем прядь волос и продемонстрировал мне колечко на хряще. – А ты куда смотришь?

– Никуда!

Я быстро прижала его толстовку к своим горящим щекам. Но стало лишь хуже, она пахла им. Им и блинным супом. А я люблю блинный суп. Очень люблю. Вон как сердце колотится от этой любви. К супу и блинам.

– Но ты только скажи, Нана. Я открыт для любых экспериментов, если ты попросишь.

Снова подмигнул, а затем занялся своими волосами.

И вот я стою и люблюсь, как Винсент наклоняется над раковиной, как сует голову под кран, вспенивает на волосах жидкое мыло для рук своими длинными пальцами, а затем медленно смывает его, пока вода не становится прозрачной. Его глаза прикрыты, и есть в нем что-то беззащитное сейчас, ведь Винни не видит меня, а я на короткий миг могу стать собой. Могу прекратить притворяться, что он противен мне. Он мне нравится. Нравится гнев, что исходит от его музыки, мне приятна эта созидательная ярость и безграничная сила. И в то же время мне очень симпатична его уязвимость. Хочется обнять и защитить Винни. Не понимаю только от кого? Чувство не ново. Я уже испытывала его раньше, но при каких обстоятельствах не помню.

Интересно, пел ли он об этом? Нужно переслушать сегодня же!

Только одного я не поняла, я в итоге его девушка, или нет? И ведь не спросишь теперь. Вот я реально курочка, надо было сначала

соглашаться, а потом ревностью его своей душишь. В следующий раз буду умнее. Следующий раз же у нас будет?

Глава 17

До кафетерия шла на автопилоте и в каком-то тумане. Вот так за один обеденный перерыв я из невесты Флориана стала девушкой Винсента. Опустим тот факт, что Флориан был моим женихом исключительно в моих же фантазиях, а вот Вестерхолт когда-то давно на самом деле был моим парнем, и мы вроде даже не расстались по всем правилам. Я тупо его забыла.

Как же пухнет моя голова! Две руки настойчиво надавили мне на плечи, и я послушно села.

– Блинный суп? Не передумала, пока шла? – голос Винни легко проник сквозь густой туман, и стал единственным, что я слышала.

– Да, пожалуйста...

Конечно я не передумала, он так аппетитно вымывал его из волос, что я бы удовольствием заказала бы две тарелочки. Одну себе, а вторую еще раз на него опрокинуть и повторить все сначала.

Встряхнулась, отгоняя сладкое наваждение. Напротив сидели счастливые Флориан и Джули. Рядом с девушкой уже выросла внушительная горка грязной посуды, а мой наставник смотрел на нее влюблёнными глазами и сам мыслями был явно здесь.

– Так ты и Винсент вместе? – Невеста Флориана облизала указательный палец, которым только что протерла свою тарелку, и с интересом уставилась на меня.

Кивнула. Это даже не ложь. Несколько минут назад мы заключили настоящий пакт. Теперь между нашими странами не просто перемирие, у нас прочный экономический союз!

– Это так романтично. Он же столько песен тебе посвятил. Аж завидно, – Джули пододвинула к себе десерт и утопила в нем ложку.

– А Герр Майер ничего вам не посвятил? – спросила девушку.

Чувствую себя предельно глупо, годами не замечала влюбленность своего главного неприятеля. Мне до сих пор как-то слабо во все это верится. Винсент и я. Я и Винсент. Бред какой-то. Совсем недавно мы чуть друг друга на части не разорвали за кулисами.

– Пффф. Какую-то жалкую сонату безэмоциональную выдавил из себя, – она показала мне четыре отставленных пальца. – Четыре

минуты. Какие-то четыре минуты. Эх, везучая ты, Лена.

Флориан насупился:

– Писать сонаты сложнее, чем штамповать однотипные песни в угоду толпе, – ворчал мой наставник, и я впервые за все время почувствовала раздражение. Да как он смеет! Что за снобизм? Песни Винсента не однотипные! Они со смыслом.

Стоп! А давно ли я сама перестала быть такой снобкой? Я как-то по-новому сейчас посмотрела на герра Майера. Его картинные манеры, дурацкая зализанная прическа. Волосок к волоску. Идеально выглаженная рубашка. Аж тошно от всей этой идеальности. До зубового скрежета!

Коснулась своей растрепанной прически. Да я раньше словно была какой-то жалкой пародией на своего наставника. А так послушать мои выступления, так исполняла я как раз унылые сонаты.

Я по-этому так раздражала Винсента? Тем, что неосознанно копировала того, кого он явно недолюбливает.

– А правда, что Вестерхолт пишет тебе целую пьесу для виолончели? – продолжала Джули, и Майер быстро одернул ее.

– Тише.

– Ой, а это был сюрприз? – она прижала одну ладонь ко рту, а второй постучала себя по макушке. – Прости-прости. Не выдавай меня.

Винни и виолончель? Я снова перенеслась на несколько лет назад, когда я застучала его на складе музыкальных инструментов, и тогда он действительно играл что-то необычное. Лес... и там я прыгаю через ручей! Повернулась к раздаточному столику, где Винни перекладывал миски с супом на поднос. Сердце колотилось в висках. А что если он пишет нашу историю, обрамляет её музыку! Сколько он успел написать с тех пор? Я хочу увидеть эту работу!

– Обещай не говорить ему, Елена. Винсент и так на нервах всякий раз, когда я приезжаю в академию. О его пьесе мне рассказал научный руководитель. Винс заявил её как дипломную работу. Но раз он не говорит тебе, то пока не готов.

Слотнула. Вот так превратности судьбы. Флориан написал диплом, используя который я стерла память, а Винни пытается повернуть всё вспять. Нормальная девушка бы восхитилась его преданностью, но мне отчего-то стало горько. А если у него ничего не

получится, и я не вспомню все, останется ли он со мной, будет ли любить новую меня? Или он навсегда останется преданным той Нане из прошлого?

– Обещаю, что не скажу, – слабо улыбнулась, но от идеи разузнать про его пьесу не отказалась. Выясню имя научного руководителя, там дело останется за малым!

Когда Винсент принес наши миски с супом, мы уже перестали обсуждать его. Флориан и Джули вернулась к своим гастрономическим извращениям. В этот раз она поливала мороженное горчицей, и у меня как-то резко аппетит пропал. Не из-за горчицы. Я снова ревновала. Только в этот раз к самой себе из прошлого. Безрадостно мешала ложкой суп, и явно злила Винса.

– Тебе покормить? – предложил он. – Что за перемены в настроении?

– Ничего, – соврала я и начала хлебать суп, пока он реально не начал меня с ложечки кормить.

Но Винни на то и Винни, что зрит самую суть и читает мысли. Он зло прищурился на герра Майера, явно видя в нем виновника моего подавленного состояния, но ничего не сказал, его отвлек сигнал на видеофоне. Вестерхольт молниеносно схватил своё устройство, прочитал что-то и начал суетливо писать кому-то ответ.

Отложил. Сцепил руки под подбородком и мучительно прикидывал что-то.

– Ты в порядке? – спросила его, и он вновь повернул видеофон к себе экраном.

– Ласло все ещё лечится. Чертов ипохондрик. Виви послала меня в задницу, а Марко до сих пор не закончил с аранжировкой. Мне не с кем ехать в Аунсбрук. А это почти пять часов дороги.

– А что в Аунсбруке?

– Вечером там ещё один отборочный тур для независимых коллективов. Я хочу съездить и посмотреть на наших будущих конкурентов, чтобы лучше подготовиться к четвертьфиналу. Поездом я не успею, а за рулем боюсь вырубиться. Я толком не спал на выходных.

Интересно, а меня попросить ему гордость не позволяет, или он ждет инициативы.

Аунсбрук. Далековато. Я в жизни без спросу так далеко не ездила. Хотя с другой стороны, почему я вообще должна отпрашиваться, я уже взрослая молодая женщина и сама решаю.

Даже не заметила, как ложкой по столу ударила.

– Чего буянишь, курочка?

– Я... я могу с тобой поехать. Но у меня ещё две пары. Мы успеем после них?

Он покачал головой.

– Уже будет поздно. Начало в восемь.

– Я могу отпросить тебя, скажу, что ты мне помогаешь сегодня, – предложил герр Майер, но тут же получил убийственный взгляд от Винсента.

– Я сам её отпрошу.

Отрывисто, со змеиным шипением. Даже Флориана пробрало, и он чуть отодвинулся от стола. Мне срочно нужно поговорить с Винсентом об всем, что его так гложет, и пятичасовая поездка в один конце – отличная возможность для нас обсудить все прошлые обиды.

– Не надо меня отпрашивать. Я в состоянии поговорить с преподавателями. Во сколько выезжаем?

Винс посмотрел на время.

– У тебя час на сборы. Возьми с собой подушку, сменную одежду и блокнот для записей. А я куплю еды в дорогу тогда. Жду на том же месте.

Вопросов у меня стало ещё больше после оглашённого списка. Подушка? Но я лишь кивнула и быстро доцедила свой блинный суп. попрощалась с Флорианом и его невестой, искреннее пожелала им счастья. С Винни расстались на лестнице. Он воровато огляделся по сторонам и рванул к выходу из главного корпуса. Прячется от кого?

У меня впереди были пары по социологии и физической культуре, и если в первом случае я могу откупиться каким-нибудь эссе, то тренер Клаус Зибахер с меня три шкуры спустит. Не стоило мне на первом курсе говорить ему, что спорт удел плебеев.

Зря я от помощи Винни отказалась, но он тоже не спортсмена не похож, а позволить ему видеть унижение, через которое мне придётся пройти, я просто не могу.

– Герр Зибахер? – я робко постучалась в его кабинет, который пропах потом, пылью и старыми резиновыми мячами.

– Так-так-так, маленькая Елена ден Адель. Что на этот раз? Ваши волшебные ручки не годятся для бездумного битья по мячу? Или... – Он тёр свой лоб, изображая мыслительный процесс.

– Погодите-погодите, у вас несварение! Вы переели трюфелей и дорогого сыра. Или в этот раз ваш достопочтенный папа привез вам красной икры?

Я не пойму. Он сейчас издевается надо мной, или намекает на что-то?

– Мне нужно съездить в Аунсбрук сегодня же. Герр Зибахер, я очень тороплюсь, и буду вашей должницей. Хотите, я попрошу своего папа выслать для вас отборнейшей красной икры? Мой отец дружен с министром иностранных дел Росланда. Свежайшая и наивкуснейшая икра!

Зибахер побагровел и уставился на меня безумными глазами. Он сейчас сам как лосось на нересте, жуть-то какая.

– Подкупить меня вздумала?

Не думала. Я думала он намекает на икру. Отсыпать ему трюфелей за прогул – слишком жирно. А уж икрой откупиться я бы смогла. Я хочу поехать в Аунсбрук!

– Герр Зибахер, я не собиралась вас обещать. Просто мы с Винсентом участвуем в музыкальном конкурсе, и нам очень нужно посмотреть отборочные наших конкурентов. Я готова на отработки. А икра это же бонусом вам. Как моему саааамому любимому преподавателю!

Браво, Елена. У Клауса даже губы дрогнули в лёгкой улыбке, и он уже было отпустил меня, как вдруг:

– Винсент? Винсент Вестерхолт?

Вот в этом вопросе точно был самый настоящий вопрос. Но я просто не знала больше никаких других Винсентов, и просто растерялась.

– Да. А что?

– Вот же гаденыш лживый. Наплел мне, что сестра заболела и будет ухаживать за ней весь день.

Упс. Видимо, стоило обговорить всё это с Винни заранее. Вот же! Взяла и подставила его.

Герр Зибахер злобно потирал руки, поглядывая на меня.

– Вот вы двое, злостных уклонистов и попались. Завтра в моём кабинете. Оба! Буду решать вашу судьбу.

Нервно сглотнула, но все же спросила:

– Так мне можно съездить в Аунсбрук вместо вашей пары?

– Можно. И не забудь про икру для своего саааамого любимого преподавателя.

Я быстро попятилась к двери, пока Зибахер не передумал, попутно прикидывая, как мне рассказать Винни о такой подставе... А ещё нужно достать икры. Обещала же.

***

Мы ехали уже почти час. Подушка мне пришлась очень кстати. Винсент положил её мне на переднее сидение, потому что оно совсем не выглядело удобным. Ободранная обивка, торчащие куски поролона. Кто-то явно частенько ковырял место пассажира от скуки.

– Извини, машина очень старая, а если не подложить что-то мягкое, то задница у тебя уже минут за десять квадратной станет.

Проигрывала эти его слова уже который раз, и никак не могла сосредоточиться на работе, которую мне нужно было написать по социологии на завтра. То, как он сказал словно “задница”, звучало мило и пошло одновременно. И вот я уже добрых полчаса постукивала карандашом по заголовку своего ненаписанного эссе.

“Современная музыка, как отражение доминирующих архетипов”

Рядом со мной сидел яркий представитель этой самой современной музыки. Властный и очень доминирующий архетип... А ещё этот тип дулся на меня.

– Поверить не могу, что ты так облажалась перед Зибахером. И ладно бы одна, так ты меня за собой утащила. Курочка, как так-то?

Ну и как мне такой обстановке писать. Я, между прочим, с пар отпросилась, чтобы ему помочь, а он недоволен.

– Да ладно, пробежим пару штрафных кругов, – успокаивала я сама себя. – Ты что Клауса не знаешь, у него фантазия не богатая.

– Я-то как раз отлично знаю Зибахера. Штрафными кругам мы не отделаемся, да и бегать я не люблю. Жди, мы будем отмывать душевые и сортиры в раздевалках, а потом да... будем бегать, прыгать и сдавать прочие нормативы.

Ещё неделю назад я бы в ужас от такой перспективы пришли. Я начала бы звонить папа, слёзно бы умоляла прислать горничных и

спасти меня от этой страшной участи, но сейчас подработка вместе с Винни, даже такая непочётная, казалась мне шикарной возможностью лучше узнать моего... парня. Прижала блокнот для записей к губам, чтобы спрятать свою ликующую улыбку. Поймала своё отражение в боковом зеркале. Жуть. Выглядела я как карикатурная злодейка из детских сказок, или одержимая маньячка. Сортиры мыть вместе с Винсентом хочу. Вот же сумасшедшая.

А вот Винсент казался бледнее обычного, и я лишний раз захотела его подразнить.

– Боишься, что я опять увижу твои тощие рёбра? Не переживай, мне даже нравятся задохлики.

– Я не задохлик, – возмутился Вестерхолт. -- Слово поджарый в твоём лексиконе есть?

– Ну-ну. Винни боится пробежек, кто бы мог подумать. Может, ты ещё и плавать не умеешь?

Он резко вдавил по тормозам, что я бы непременно улетела вперёд, если бы не пристегнулась, а ехавшие позади нас машины, объезжали нас и недовольно сигналили.

Повернулся ко мне. Смотрел жуткими перепуганными глазами, словно я прямо сейчас как минимум помру. Дышать боится. Не обращая, внимания на проезжающих мимо нас водителей, он отстегнулся и очень осторожно, словно я хрустальная, приблизился, положил руку мне на лоб.

– Ты в порядке? – Винс шептал одними губами. – Голова не кружится? Как тебя зовут, помнишь?

– Я-то да в порядке, а ты явно бредишь или переигрываешь, – насупилась я.

Но нет, Винсент сейчас не играл, он был в ужасе, как если бы я стояла на краю обрыва и теряла равновесие, а он был далеко. Так далеко, что не успеет поймать меня, и я упаду и разобьюсь насмерть.

– Точно в порядке?

– Да. Может, объяснишь, чего тебя так переклинило внезапно. Мы в аварию попасть могли из-за тебя.

– Ничего. Не задавай вопросов. Просто забудь.

Класс. Он сейчас серьёзно? Можно подумать, можно взять и выбросить что-то из головы по щелчку. Хотя вообще-то можно.

– Винни, это то самое, да? То из-за чего я память о тебе стёрла? – осторожно спросила его, и сейчас я реально почувствовала лёгкое головокружение.

– Молчи. Не копайся. Не думай. Пожалуйста.

Но как не копать теперь, когда я подступилась так близко. Как не строить безумных догадок о нашем прошлом.

– Но ты же сам своими песнями заставляешь меня вспоминать о нашем прошлом, что такого?

– Ты не читала диплом Майера, так ведь?

– Руки не дошли пока. А ты?

– Вдоль и поперёк, Нана. Вдоль и поперёк. Я изучил этот вопрос лучше всех светил Остриха, я перелопатил библиотеки Хангрии. Я даже язык Зарбии освоил лишь бы найти ответы. Тебе никак нельзя знать причину своего поступка, это чревато необратимыми изменениями сознания.

– Но ты же... – он так и не ответил на мой вопрос, почему ему можно рассказывать мне историю, а мне нельзя копать в прошлом.

– Я осторожно веду тебя за руку, и воспоминания ты получаешь фрагментами. Это оправданный риск.

Хмыкнула:

– Ты позволяешь мне вспоминать то, что выгодно тебе, так ведь? Идеальную девушку создаёшь?

Как же он отвратителен мне сейчас. Я злюсь и ничего не могу с собой поделать. Он словно богом себя возомнил и решает за меня, что мне положено знать, а на что я не имею права.

– Ты и так идеальна, Нана. Я мог бы махнуть рукой. Завоевать тебя вновь. Я люблю тебя безусловно. Ты это всегда ты. Даже со стертой памятью, даже когда копируешь этого чёртового сноба Майера, это все равно ты. Милая и по-детски непосредственная. Вспыльчивая, отважная. Ты была и осталась моей бунтаркой. Я и не собирался тебя перекраивать. Мне жаль, что ты так подумала. Мне хотелось поделиться тем счастьем, что у нас было, чтобы ты вновь пережила те моменты. Наш первый поцелуй, наши игры в лесу, наши общие мечты. Если ты против, я перестану. Мы начнем все сначала, я напишу новые песни.

На щеках стало мокро, а глаза стремительно застилало слезами. Как же он бесит! Минуту назад я ненавидела его всем сердцем, и вот

он говорит мне все это. Признается в любви, и мотивы его мне понятны, а я... Я реву, потому что никто и никогда не говорил мне такого. Отец был холоден, не смотрел в моё сторону, потому что я напоминала ему маму. Да и дядя видел во мне свою рано ушедшую из жизни сестру. Меня оберегали, баловали, но так редко рассказывали о своих чувствах. А я хотела любви!

– Не надо сначала, – не говорю, а булькаю. – Веди меня, Винсент. Я хочу пережить все это вновь. Ты же, правда, губу проколол, чтобы поцеловаться со мной?

– Я много чего сделал из-за твоих пошловатых комментариев, Нана, – смущённо улыбнулся он.

– Это я-то пошлая? А ты кто тогда?

– Невинный мальчишка, влюблённый в тебя до одури и превращающий каждую твою фразу в недвусмысленный намёк. Я развалюху-то эту купил из-за тебя.

– Серьёзно? У меня были такие мечты? Старый ржавый фургон?

Я оглядела его по-новому. Приборная панель в мелких царапинках, разные боковые зеркала, потрепанная обмотка на руле, уютный салон, в котором, кажется, кто-то недавно жил и живет до сих пор. По полу катаются консервные банки, а на заднем сидении лежит плед и подушки.

Винсент покусывал свою серьгу, решаясь сказать мне что-то, или нет. Затем он поманил меня к себе, наклонился к уху и прошептал своим хриловатым соблазняющим голосом:

– Ты сказала, что потеряла бы невинность на заднем сидении старого фургончика с панорамной крышей.

Я настолько растерялась от этого откровения, что единственный вопрос, который взбрёл мне в голову, был ужасно глупым.

– А тут есть панорамная крыша?

Винни подмигнул и добавил.

– Ночью покажу.

Какое теперь к черту эссе?! Сейчас мне очень интересно, выполнила ли я своё обещание, когда он купил эту развалюху? Прислушивалась к своему телу, пытаюсь понять, на месте ли моя невинность, или я таки оставила её на заднем сидении. Спросить такое я точно у него не решусь, и вряд ли он пел о чём-то подобным. Отец бы убил его ещё до официального релиза трека. Едва Винни

карандашом первый куплет в тетради набросал, его уже забрали бы спецслужбы в неизвестном направлении.

Но я всё равно полезла в Эфир. Пока Винсент трогался с места, показывая в окно другим водителям непристойные жесты и ругаясь с ними сквозь на трех известных ему языках, я упорно искала.

“Соль и металл” о поцелуе, с этим мы разобрались. Листать. Листать. “Звезды смотрят за нами”! Панорамная крыша, ночь. Всё сходится. Меня аж пот прошиб. Это оно самое? Сердце колотилось, как безумное, палец дрогнул и первые аккорды песни зазвучали в салоне, заглушая шум колес по асфальту. Быстро выключила. Поздно. Винни все понял, и теперь громко смеялся, наблюдая за моей паникой.

– Курочка, ты хоть представляешь, что твой отец сделал бы со мной, если бы я спел, как мы развлекаемся в моей тачке? Я не настолько отчаянный. Эта песня о другом, но да, звёзды сквозь окно на крыше действительно прекрасны и, кажется, что они следят за тобой.

Спросить его у меня духу не хватило. Вместо этого, я на пальцах прикидывала, когда это самое могло произойти между нами. В школе? Сколько лет мне было? Ничего не сходилось, зато разыгралась мигрень.

На полпути мы решили перекусить. Винни сделал кофе в термосе. Такой крепкий, что один его запах сшибал с ног. На языке жутко горчило, а мятежный ум стал работать ещё усерднее.

Бутерброды я жевала как-то механически, даже не чувствуя вкуса, все сжег раскалённый ядрёный кофе.

Зато Винсу было весело наблюдать за моими страданиями. Он-то все знает. Знает и ржёт. Я, может, и была пошлячкой в прошлом, но спросить о таком в лоб я просто не смогу, я ещё от его признания в любви не отошла и не знаю, как на все это реагировать.

– Вот это аппетит, – похвалил меня Вестерхолт, когда я незаметно для себя доела третий бутерброд.

Смахнула с себя крошки, обтёрла рот и вернулась к своему эссе. Мне срочно нужно отвлечься, потому что тело начало жить своей жизнью. Уже и подушка стала неудобной.

Да и тема эссе совершенно не соответствовала моему настроению. Я грызла ногти, тыкала ручкой в блокнот, и там уже целая клякса появилась.

– Просто спроси меня, Курочка, – не выдержал Винс, наблюдая за моими страданиями.

– Чего спросить? Не понимаю, о чем ты, – я сделала только хуже, он уже даже смешков не скрывает. Забираю я свои слова обратно. Он отвратительный тип. Змея в человеческом обличье!

– Я честно тебе отвечу, просто спроси меня. Юлить и шутить не буду. Клянусь!

Это какой-то тест на смелость, что ли?

– Думаешь, легко спросить такое? Нет уж.

– А думаешь мне легко говорить? Я смущаюсь не меньше твоего, поверь.

Значит, было. Это же просто...

– ...охренть...– сказала я вслух, хотя леди моего положения такого себе не позволяют. Да, что там! Леди моего положения даже обжиматься не следует с парнем на заднем сидении, не то что... – Мы переспали? О, Музы. И я даже не помню этого!

Вот это да, Нана. Ты полна сюрпризов. Не ожидала от тебя. Не ожидала от себя. Бунтарка так бунтарка. Ты хоть предохранялась? А этот... я все ещё злилась на Винни. Помнит все! Соблазнил меня наивную. Пощечину бы ему отвесить, да руки дрожат, сердце спотыкается, внизу живота приятная тяжесть. Да и глаза его эти! А что если воспоминания об этом накатят на меня как-нибудь внезапно. Вот буду сдавать зачет, а тут раз и этот тощий негодяй на меня сверху навалится. У него ещё поди тогда усики были стремные подростковые.

– Так ты рада, или злишься, я понять не могу, – встрял Винсент. Ох лучше бы ты молчал! Я придушить тебя готова.

– Ты шутишь, что ли? Забыть свой первый раз, что может быть хуже?

– Без понятия, – он постучал себя по виску. – Вот в эту голову все, что попадает, там и остается. Да и не у всех первый раз романтичен. Ласло говорит, что это было ужасно, что он бы с радостью всё забыл. А Марко бледнеет как полотно, у него взгляд такой, словно он в военных действиях участие принимал и стал безногим ветераном. Зато Виви молчит, как истинный джентльмен и угорает над нами.

– А ты? – не выдержала я.

– Что я?

Он всё-таки издевается надо мной. Я же четко сейчас спросила, куда уж конкретнее!

– Какой твой первый раз был? – повторила я.

У меня аж челюсть свело. Худшее из испытаний.

– Точнее спроси. Первый раз, когда я пиво попробовал?

– Вестерхолт, я из машины тебя сейчас выкину на полном ходу.

Ты прекрасно меня понял. Секс! Мы о сексе. Говори.

Я тяжело дышала и жутко покраснелась, но самое забавное, я гордилась своей смелостью. Это чувство свободы сложно было сравнить хоть с чем-то. Я смогла. Сказала это вслух. Твой черед, Винни. Покажи мне свою испорченность и развратность. Я жажду подробностей, я их выстрадала. Ну же!

– Так не было у меня секса. Я же сказал, я невинный мальчишка.

У меня аж мир рухнул.

Отстегнулась. Я всё-таки придушу его. Плевать, что мы разобьемся. Уже плевать. Он чёртов лжец. Не может он быть девственником. Винсент Вестерхолт девственник! Это даже не смешно. Мы уже разобрались, что я чуточку умалишённая, но не настолько же, чтобы поверить в это!

– Курочка, сядь, пожалуйста, на место. Это не безопасно.

– Тебе конец, Вестерхолт, – теперь я шипела змеей и представляла, как мои руки сомкнутся у него на шее.

Винни сделал самое умное в сложившейся ситуации, он резко свернул на обочину под новый гвалт бибиканья и осторожно притормозил, чтобы я через лобовое стекло не вылетела. Какая забота, но его это не спасёт. Переползла через рычаг переключения передач и взобралась ему на колени. Отличная машина, места-то как много. У меня, оказывается, есть вкус к тачкам.

– Знаешь, что я сделаю с тобой, Винсент?

Его кадык слегка дрогнул, перед ответом:

– Вообще, без понятия. Ты же у меня чокнутая.

– Даже не представляешь насколько!

Блеф! Я ждала, что он начнёт упираться. Как минимум ремень безопасности отстегнёт. А он сидит и не шелохнётся. Смотрит на меня, и теперь его глаза уже не болотная муть, а черный пугающий омут. А я не из пугливых! Тем более, я уже целовалась. Своими глазами видела, и даже чувствовала ту соль и металл.

Положила ему руки на грудь, с удовольствием впитывая самую прекрасную музыку, которую он мог бы написать мне: его сердцебиение. Оно не врёт. Он любит меня. Винсент Вестерхолт, человек, которого я с первой встречи записала в непримиримые враги, любит меня.

Прикрыла глаза, села поудобнее, наслаждалась моментом своего триумфа. Ни одна моя награда не была слаще этого. Грамоты, кубки, интервью, все померкло для меня и стало неважным. Даже на грядущий конкурс стало все равно.

– Нана... – хрипло, жадно зовёт, кладет руки мне на бедра, водит с досадой по ткани штанов. – И именно сегодня ты не стала надевать платье или юбку. Блеск!

Сдавленный смешок, а затем обе его крепкие руки оказались у меня на ягодицах, и я в полной мере ощутила, какие у Винсента мощные пальцы.

Вчера за такое я бы вмазала ему, а сегодня я тянусь к нему, смотрю на притягательный блеск серьги, зарываюсь в мягких волосах, от которых пахнет лавандовым мылом для рук. Теперь это мой любимый запах. Жить в учительском туалете буду. Его ладони переместились выше, выводили мозолистыми подушечками узоры у меня на пояснице, а затем Винни начал вышагивать пальцами по моему позвоночнику, пока не упёрся в застёжку.

Из проезжающей мимо машины раздались одобрителные крики, и я испуганно прижалась к Винсу, пытаюсь успокоиться.

– Может, к черту Аунсбрук? – предложила я. – Свернём в лес, где мешать не будут?

Это нервное. Я не могла ему такое предложить в здравом уме. Но эти парни жутко не вовремя появились. Я сейчас в том паршивом положении, что соблазнять Винса надо уже до конца, или я буду выглядеть жутко глупо. Забралась на него верхом, а толку? Позориться так до конца. Чтобы бы и мне было что обсудить с моей новой группой, и Винсента новому научить. Что он как синий чулок-то?

У Вестерхолта в груди сейчас словно тектонические плиты сталкивались, как сильно грохотало. Мучайся, мучайся и решай скорее. Я предложила. Соскочишь?

– Ладно. Лес так лес... – покорно бормотал Винс, потянулся рукой к коробке передач, и машина медленно покатила вперёд по обочине.

Глава 18

Всякий раз на очередной кочке или неровности дороги я слегка подпрыгивала, и от каждого такого движения Винни закусывал губу и прижимал меня к себе так крепко, что у меня перед глазами темнело.

Если он не соврал про свою невинность, сколько же он сдерживался? Ни одной девушки в его возрасте? Это и мило, и до чертиков пугает меня. Свой первый раз я представляла с кем-то опытным и менее импульсивным. Да чего ходить вокруг да около! Я, краснея внутри от стыда, представляла его с Флорианом. Это было бы что-то нежное на шелковых простынях. На прикроватном столике бы стояли свежие розы, ветер бы слегка шевелил прозрачную тюль на окне. Закат в розово-желтых тонах. Звуки скрипки на улице. Идеальная картина. Такая же, как мои унылые выступления.

Музы, какая банальность! Как такое вообще могло засесть в моей голове? Не спорю, в жизни должно быть все, и шелковые простыни, и кровать с балдахином. Скрипач за окном перебор! Но... Я выглянула через плечо Винни и посмотрела на заднее сидение. Мечтала-то я совсем о другом. Не то, чтобы я стремилась поскорее стать взрослой. Нет. Но в глубине моей непознанной души я хотела вот этого: неровной дороги, чистого неба над головой и моего смущенного парня. Это сейчас он ведёт меня за руку, но раньше определённо все было не так. Уверена, мы лишь временно поменялись ролями, и пусть я младше, но чувствую, что именно я была заводилой во всех наших играх. Чего только стоит эта серёжка у него на губе. Он сохранил её навсегда, как реквием по нам. Нет, не реквием. Это надежда, что я вернусь. И я возвращаюсь!

– Ещё пара минут по этой дороге, Нана, и в лес уже можно не ехать, – смеётся, и от его смеха мне так легко на душе, словно из меня самой один за другим вытаскивают иголки. Я все меньше похожа на лоскуток ткани, приколотый к чужой выкройке. И Винни совсем другой. Хочу теперь послушать его импровизацию, будет ли в ней прежний едва гнев и боль, или я услышу новые мотивы.

По стеклам фургончика царапали ветки деревьев. Салон наполнялся запахом хвои и пением птиц, под колесами трескался

валежник. Новая симфония, которая отлично ложилась на стук сердце Винса, она погружала меня в наше общее прошлое, и вот я уже сама слышала свой детский смех.

Машина резко остановилась. Вестерхолт потянул на себя ручник, а я наблюдала как вздулись вены на его предплечье.

Мы какое-то время сидели в тишине, пока я первая не заговорила с ним.

– А у тебя есть эм... инструмент?

Он задумался:

– Хороший вопрос. Глянь в бардачке, может, ребята что-то оставили. Я как-то с собой такие вещи не ношу обычно, а аптеки в лесу точно нет. Кто бы мог подумать, да?

О Музы, он не так меня понял!

– Я про музыкальный, Винс?

– Такие тоже бывают? Я думал они там только цветом отличаются, запахами, разными видами смазки... Не то чтоб ы прям разбирался, просто...

Надо спасать его, пока он себе на нервный срыв не наговорил.

– Винни, я про гитару. Настоящую гитару, это не эвфемизм, не ищи скрытые смыслы. Можешь просто сыграть мне. Если честно, я не готова сейчас, ну ты понял...

Он с облегчением выдохнул:

– Хвала Музам, конечно, сыграю и поедем, да? Не то чтобы я не хотел тебя, Нана. Просто я наверно тоже не готов. То есть, я думал, что готов, и там все прям готово, но тут, – он ткнул себя пальцем в висок и качнул головой. – Ты же не лес и заднее сидение старой тачки себе представляла, верно?

О, я промолчу лучше.

– А ты что представлял?

– Как минимум непроглядную темноту, а не яркий день. Так что тебе сыграть?

– Что хочешь. Я очень хочу послушать тебя сейчас.

– А что сейчас изменилось? – хитро спросил он.

– Ты стал меньше меня раздражать, Вестерхолт, – я показала ему язык, а он осторожно положил руку мне на грудь, так же впитывая мое сердцебиение, как это недавно делала я. Надеюсь, у моего сердца красноречия больше, чем у меня потому, что признаться ему в любви

так легко я не смогу. Я ещё не до конца разобралась в своих чувствах, не научилась доверять. Пока в моей голове все ещё живут подозрения и желание отыскать билет на поезд до Клостер-ам-Зее, чтобы сравнить время, я не имею права говорить ему о любви. А ещё между нами пропасть моих утерянных воспоминаний, и совершить такой прыжок веры я просто не в состоянии. Прости меня, Винни.

Он попытался открыть дверь, но по обеим сторонам от нас были деревья, и выбраться не представлялось возможным.

– Полежай в салон, – командовал он. – А я следом.

Хорошо, что я сегодня не в юбке! Осторожно встала, стараясь не удариться головой о крышу, и перевалилась через спинку сидения. Винсент был куда ловчее. Огляделось вокруг. Ну точно тут живут, я не ошиблась, даже сумку с грязными вещами нашла.

– Тебя Виви из общежития выгнала? – догадалась я.

– Если бы не ключ от учительского туалета и душевой в спортзале я бы грязью зарос.

– Я думала, вы заодно с ней. Подстроили всё, концерт сорвали, бас-гитары перетащили.

– У меня слишком много косяков перед ней, – признался Винс, взял чехол от гитары, и я разглядела кое-что ещё. Футляр и довольно крупной. Не от контрабаса, конечно, но виолончель там вполне бы поместилась.

Протянула руку, чтобы открыть и посмотреть, но Винсент цепко схватил меня за запястье и выдохнул единственное:

– Нет!

Не похоже, что он прячет там, что-то безобидное. Голова его врагов там, что ли? Или та самая секретная пьеса для виолончели? Но если так, почему его трясёт сейчас не меньше, чем когда мы заговорили о воде?

Коснулась его взмокшего лба и осторожно убрала челку в сторону:

– Мне не торопимся во всем, Винни. Ни с сексом, ни с прочими секретами. Когда будешь готов, покажешь, что там?

– Там подарок, – быстро сказал он. – От одного человека.

– И это тоже ключ к нашему общему прошлому? – предположила я, и Винсент коротко кивнул.

Сколько сил у него отнимает опекать меня всякий раз, решать, что ранит, а что будет безобидным знанием, держать все себе. Я бы уже с ума сошла от такой жизни.

– Тогда и это отложим до лучших времен, – погладила его напряженную руку, и он ослабил хватку.

– Прости меня, Нана.

– А я и не злюсь, – я почти не врала, конечно, мне хотелось узнать все и сразу, но Винсент и так сегодня был даже слишком щедр на признания, а я вот ему почти ничего не рассказываю о своих чувствах. Не мне его винить в чём-то.

Но все же...

Я бросила прощальный взгляд на футляр. Непременно разузнаю, что там. Меня окружает столько тайн, что соблазн слишком велик. Винсент и плавание, футляр и секретная пьеса, мои стертые воспоминания и билет до Клостер-ам-Зее.

– А теперь играй!

Мы выбрались наружу через единственную незаблокированную дверь. Ветки и листья хрустели под ногами, а к машине вела свежая колея. Глядя на неё, я слегка покраснела, вспоминая, каким образом я проделала этот путь и что чувствовала.

Мы добрались до поваленного дерева. Винс смахнул с него сухую кору и пригласил меня сесть. Сам же осторожно достал из чехла гитару. Змеиный гриф больше не пугал меня, но добавлял вопросов. Почему именно этот образ? Я-то понятно считала его гадом ползучим, но сам-то он, реально ассоциирует себя со змеей, или это тоже часть нашей общей истории?

Он достал из кармана медиатор, задумчиво покрутил его между пальцев и убрал обратно.

– Всё-таки ощущения не те, когда с защитой, – рассмеялся он, и я поняла эту пошлую шутку, и она мне даже смешной показалась, словно это я её сама когда-то выдумала.

Легкое прикосновение, и незнакомая мелодия без магии и надрыва. Этому месту и моменту не нужны были красивые картинки. Лес сам был похож на волшебную иллюзию: солнечный свет сквозь листву, журчание воды где-то вдали, постукивание дятла по дереву. Винс не заглашал их своей игрой, а впитался во всю эту идиллию.

Ласковые и спокойные переборы. Я ворошила ногой сухие листья, казалась в такт и была в этот миг самой счастливой на свете.

– Надо записать, – Винсент закончил игру, и словно сам был под гипнотическим влиянием собственной музыки. – Это, конечно, не стиль Парамнезии, но пригодится для чего-нибудь. Как думаешь?

– А я все записала. Прости, не удержалась и включила диктофон, пока ты играл. Можем переслушать!

Советовался со мной. Просил замечаний, но всё было и так идеально и сказочно. Пусть этот момент останется без правок.

– Замечание только одно, – шкодливо сказала я. – Называй группу правильно. Мы же теперь Парамнезия Елены!

– Мы, – только и повторил Винсент, затем посмотрел на время у себя в видеофоне. – На отборочные, кстати, ещё успеваем. Или обратно в академию?

– Вот ещё. Я что зря у Зибыхера отпросилась! Едем в Аунсбрук! Хочу посмотреть на неудачников, которые встанут на пути моего талантливого парня.

Я впервые сказала это вслух. Винсент тоже заметили и улыбнулся одними глазами. Что ж секса у нас не случилось, но очень важный этап наших обновленных отношений мы перешагнули. У меня есть парень. И это официально.

Когда мы добрались до Аунсбрука, уже начало темнеть. Вечерний город озарился сотнями огней, а огромный оперный театр имени Святой Габриель играл светом прожекторов и зазывал горожан и приезжих на шоу. На такое событие билеты наверняка нужно было покупать заранее, вот смотрю я на забитую машинами парковку и понимаю, что поездка сюда не могла быть спонтанным решением, а когда Винсент проверил у себя в кошельке два билета, я в этом только убедилась.

– Ты хотя бы пытался позвать сюда Виви, или справлялся о здоровье Ласло? – спросила его, а он лишь глаза закатил.

– Курочка, ты как маленькая, честное слово, конечно, я изначально хотел позвать тебя сюда и купил два билета заранее.

– Я могла не предложить тебе свою компанию, и дорогие билеты бы просто пропали!

– Я все рассчитал. Забыла, я знаю тебя лучше, чем ты себя. Плюс, я бы нашёл тысячи других способов заманить тебя в Аунсбург. Ты

даже не представляешь, с каким опасным гением ты связалась!

Винс вручил мне билет, но повел не к центральному входу, а куда-то в обход. Хвала Музам! В такое шикарное место я бы не рискнула пойти через парадные двери в грязных штанах и ботинках. Страхнула с задницы остатки коры. А я-то искренне полагала, что отборочный будет происходить в каком-нибудь учебном заведении, как наш. Но чтобы здесь!

– Даже я тут не выступала. Представляю, кто будет проходить отбор, явно не простые студенты, – с благоговением изрекла я, разглядывая витражи на окнах. Все они изображали известных муз. Даже рыжеволосый Михаил тут был. Клянусь, он подмигнул мне, хитрый мерзавец. Им бы с Винсентом встретиться, они бы точно нашли общий язык.

– Ну спасибо за поддержку, курочка. Я и так нервничаю перед четвертьфиналом, а ты ещё масла на сковородку подливаешь.

– Ты и нервничаешь? Пффф. Брось, – посмотрела на его искусанную нижнюю губу, да он такими темпами серьгу себе отгрызет! – Ладно. Верю. Но с тобой же я. Елена ден Адель, дочь той самой Софии Хаслинггер. Со мной успех неотвратим!

Винсент не оценил моего юмора, зато его оценил кое-кто другой.

– Так вы решили пробиваться не талантом а связями? Я рад, что Винни Вестерхолт, наконец-то, осознал, что ничего представляет без своего папочки.

Знакомый голос лидера “Ночных Шутов” нарушил нашу идиллию, и я обернулась.

Мне потребовалось мгновение, чтобы уловить, что сейчас сделает Винс, он молча рванул на Иштвана, и я лишь в последний миг повисла, как обезьянка на него руке.

– Не надо. Не стоит он того! – кричала я, пытаюсь остановить мордобой.

– Уж мы-то с ребятами точно стоим больше вашего.

Он кивнул на стоящих у него за спиной парней, среди которых было и новое приобретений. Высокий незнакомец с накинутым капюшоном.

– Не смей говорить про мою фамилии. Ты знаешь, я у отца ни копейки не беру, ни именем его не пользуюсь, – рычал Винсент, и мне все сложнее было держать его.

– Ты может и нет. А она? Министерская дочка собственной персоной. Будет очень весело размазать вас в финале, если вы до него доберётесь. Пришли посмотреть на соперников? Страшно, Винни?

– Не дождёшься, Иштван, – Винс уже начал понемногу приходить в себя и возвращать прежнее самообладание. – Тем более, что вы не соответствуете требованиям конкурса. Это не только о музыке, но и магии, как бы хорошо вы не играли, но иллюзии также оцениваются жюри. Вас пустят на сцену, но впаяют техническое поражение.

Улыбка Иштвана стала шире, и мне она совсем не понравилась.

– Именно поэтому мы наняли себе шикарного переводчика.

Он указал на незнакомца в капюшоне, и мне стало не по себе. Как бы я не подтрунивала над Ночными Шутами, их лидером и названием, но это никак не умаляет их таланта, и если даже без магии, они смогли поразить меня, на что же они способны, будь у них хотя бы один волшебник в банде.

Видимо, моё выражение лица позабавило Иштвана.

– Адриан, – будь душкой, покажи свою мордаху, думаю, эти двое шпионов знают тебя.

Он не ошибся. Когда парень откинул капюшон, даже добровольно изолированная от Эфира я узнала его. Этот равнодушный взгляд и чувство собственного превосходства. Длинные седые волосы небрежно заколотые на затылке так, что часть прядей ниспадали ему на плечи. Уши усеянные множеством серёжек, по легенде все они что-то означают от количества девушек, что у него было, до участия в драках, из которых он вышел победителем. На носу пластырь. Опять же его фишка. Поговаривают, что в одной из драк, ему сломали переносицу так, что там осталась незаживающая рана. Бред, конечно, но кто проверит и опровергнет. Адриан Немет не разговаривает. Никто не знает, как звучит его голос, но его многочисленные ремиксы и каверы на известных исполнителей, слышали все. Ему удастся вдохнуть жизнь и магию в любое произведение, будь то старинный фолк, или же произведение классической музыки. Он даже произведения моей мамы перекладывал на другой лад, так я про него узнала. Ему лет десять было, когда он заявил о себе. Гениальнейший мультиинструменталист.

У меня было столько вопросов к нему. Почему он выбрал именно ту сонату? А можно ли сделать что-то с моими ранними

произведениями, или они безнадежны? Но Адриан же не разговаривает. Очень жаль.

– Винни, кажется, твоя подружка влюбилась в моего диджея.

Диджей? Да как он смеет называть так этого поцелованного Музами? Иштван вообще в своем уме? Теперь Винсенту надо держать меня, потому что я глаза этому панку сейчас выцарапаю.

– Не влюбилась я ни в кого, – буркнула Ишту. – Просто Адриан Немет легенда, и глупо это отрицать.

Я даже удивиться не успела, как Адриан подошел ко мне взял своими обмотанным бинтами пальцами мою руку и поднес к губам. Долгий пронзительный взгляд в самую душу, а затем он подмигнул мне, и я сама забыла, как правильно разговаривать.

– До встречи в финале, моя птичка Адель, – мягко сказал Немет, а затем последовал за своей группой готовиться к выступлению.

Винсент нервно грыз ноготь большого пальца, и смотрел на меня словно в первый раз:

– Ты его знаешь?

Он шутит, что ли?

– Это же Адриан Немет. Ты что?! Его все знают.

– Я не об этом, – холодно ответил он. – Лично знакома?

– Нет, конечно. Я даже не в курсе, что он разговаривает. Оказывается, просто легенда красивая, – мечтательно лепетала я. Шай просто не поверит мне. У неё весь плеер забит его треками, а на видеофоне стоит заставка, где он голый по пояс. И этот парень, кстати, физкультуру не пропускает!

– Ясно, – только и сказал Винс.

Он приревновал, что ли? Так вот пусть поучиться. Не какая-то курочка, а птичка!

– Хорошо, что мы выяснили это сейчас, иначе нас бы ждал неприятный сюрприз, – рассуждал Винсент уже спокойнее. – Посмотрим на их выступление и выработаем стратегию. У нас уже преимущество: их песню они представят сегодня, а наша для всех все ещё интрига. У нас есть время доработать.

Он взял меня за руку, и очарование красавца Адриана Немета тут же лопнуло как мыльный пузырь от такого простого жеста.

– Мы обязательно победим их, Нана.

– А я в тебе и не сомневалась, Винни. Кстати, а твои песни он перекладывал?

По кислому выражению лица своего парня, поняла, что только что попала в цель.

– Ого, – только и сказала я. – А он точно бессмертный. Ты мне даже на бумаге не разрешил внести правки. Даже интересно, что же он сотворил.

– Я включу в перерыве. Послушаешь. Не хочу признавать, но песню он не испортил...

До этого я не нервничала. Но раз Винс признает талант Немета, у нас проблемы.

Глава 19

Здесь Винни явно был не в первый раз. Он вел меня известными только ему коридорами, и мы почти никого не встречали на своем пути. Что очень странно, учитывая, сколько людей приехало к оперному театру.

Я жадно осматривалась, словно оказалась в настоящем святилище музыки. На стенах висели фотографии известных актёров и исполнителей прошлого. У них были забавные и непривычные наряды, как те, которые показала мне Мари Коч, играя на своем контрабасе. В руках у дам были тонкие папиросы, на плечах лежали пышные боа, а высоченные каблуки совсем не стесняли их движений. Люди на фото смеялись, общались, танцевали, играли музыку. Это был их личный рай, застывший в моменте. Как минимум ради этого я хочу выиграть грядущий конкурс, чтобы наше совместное фото так же повесили в коридоре огромного театра, и проходящая мимо девушка увидела искренние улыбки и прочитала имена, как это делаю сейчас я.

София Хаслингер, Говард Вестерхолт...

Меня словно молния поразила. Перечитала. Даже пальцем обвела золоченые буквы, не веря собственным глазам, и только потом посмотрела на лица молодых людей на фото. Моя мама... Я бы и без подписи ее узнала, ведь я ее точная копия. Нота в ноту. У меня такие же черты лица, голубые глаза и золотистые волосы. Музы щедро наградили нас красотой и талантом. И Говарда тоже. Миловидный парень, похожий на сошедшую с небес Музу. Изумрудные глаза и по благородному светлые волосы. Винсент почти не похож на него. Не то чтобы мой избранник был некрасив. Просто не было в нем этих аристократических черт. Скорее меня бы приняли за родную кровь лорда Вестерхолта, чем его. Нет. Сходство у них конечно было, только что-то едва уловимое: форма носа, острые скулы, длинные пальцы, сжимающие гриф... виолончели. У меня настойчиво зашумело в ушах. Словно я очутилась не берегу моря в шторм. Парный инструмент, те же узоры на деке, что и на маминой, а теперь уже моей скрипке. Работа одного мастера! Это показалось мне настолько интимным, что я

даже взгляд отвела, как если бы Говард и моя мама целовались. А вдруг...

– Курочка, ты чего там плетешься?

Даже не заметила, как отстала от Винни. Да и он сам пребывал в своих мыслях после встречи с Андрианом.

– Просто засмотрелась. Мне показалось, что я тут Мари Коч увидела, – быстро соврала ему и потянулась за видеофоном. – Ты знал, что она была той еще оторвой и исполняла рокабилли?

Мои руки предательски дрожат, как и голос, Винсент даже сделал шаг ко мне на встречу, а я кое как щелкнула постер с моей мамой и его отцом и поскорее покинула место преступления. Взяла Винни под руку и повела прочь. Он так старательно прятал от меня футляр с виолончелью в машине. Это все неспроста. И знакомство моей матери с его отцом тоже не случайно. Все это кусочки одной мозаики, я это чувствую, но Винсу лучше не знать, как близко я подбираюсь. Он и так с ума от каждого моего прозрения сходит, хватит с него переживаний, пусть сосредоточится на конкурсе. А я уж сама дальше разберусь.

Но чем ближе к ломам мы шли, тем меньше я сама разглядывала стены и убранство, а видеофон прожигал мне карман. Я хочу получше разглядеть Говарда Вестерхолта, и понять что мои внезапные подозрения бред чистой воды. Подумаешь, скрипка и виолончель. Может, это просто подарок от их общего наставника.

Но моя новая сумасшедшая теория слишком хорошо ложилась на мою историю, чтобы её так просто отместить. Холодность моего родного отца и полная отчуждённость, его натянутые отношения с моим дядей. То, что мы почти никогда не говорим о маме, словно имя её в нашей семье под запретом. Я даже не помню, оплакивали ли мы её, когда её не стало... И моё желание стереть Винсента из памяти. Ведь если он мне единокровный брат, то такие отношения обречены. У меня подкашивались ноги, от осознания того, что в лесу могло случиться непоправимое. Винсент может и не знать эту правду, перед тем, как я стерла свою память, я могла наплести ему что угодно!

Не сходится другое. Если это тот самый секрет, почему я не лишилась рассудка, до докопалась до истины.

Прокрутила свою догадку в голове ещё раз:

– У нас с Винни общий отец.

Зажмурилась, ожидая что-то вот-вот мир разойдётся по швам. Ничего не случилось. Либо исследования парамнезии не столь точны, либо Винс никакой мне не брат, и та ещё фантазерка.

К счастью от этих мыслей меня отвлек первый звонок и женщина-капельдинер, стоящая у входа в зал.

– Молодые люди, можно взглянуть на ваши места?

Винсент протянул ей билеты, и она поманила нас за собой.

– Сюда, сейчас я провожу вас.

– Но я правильно пришёл, – возмутился Винни.

– Нет-нет-нет. За мной. Мне лучшей знать, юный Лорд, где ваши места. Прошу...

Работница театра отвела нас чуть в сторону, а затем отворила небольшую дверку, и мы оказались в аванложе, где уже висело чьё-то пальто.

– Здесь вы можете оставить ваше вещи, – любезно предложила капельдинер, а Винс начал выходить из себя.

– Можно, я всё-таки посмотрю на мои билеты, это какая-то ошибка, – не сдавался он.

– Никакой ошибки, герр Вестерхольт. Вас уже ожидают.

– Верните билеты, я хочу сесть на купленные мной места. Мне плевать, кто там меня ожидает.

Но капельдинер была бескомпромиссна. Она убрала руки за спину и даже не думала возвращать наши билеты, а тем временем уже раздался второй звонок.

– Герр Вестерхольт, вы просто не успеете, и зал закроют. Займите, пожалуйста, ваши места.

– Плевать, посмотрю запись в эфире. Уходим, Нана. Быстро!

Мне пришлось вмешаться. Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы простоять весь концерт в коридоре. Да и потом, мне интересно, кто подменил наши билеты. Кто там нас ожидает.

– Винни, давай посмотрим выступление. Мы столько ехали сюда, жалко уйти ни с чем. Да и отдохнуть с дороги нужно. У меня даже с подушкой кое-что квадратным стало за время поездки. Сжался. Да и когда мы ещё воочию посмотрим выступление Немета. Мы должны знать, с кем имеем дело.

Он колебался и не хотел заходить в ложу. Его взгляд метался, задерживался на пальто, затем Винс смотрел на плотную драпировку с

такой ненавистью, словно уже знал, кто сидит за ней.

– Ладно, но предупреждаю сразу. Если ты меня считала змеей, то там сидит настоящий дракон, Нана. Советую не смотреть ему в глаза...

Хлопки. Но не от зрителей. Третьего звонка пока не было, и до начала концерта оставалось время. А хлопал как раз тот, кто сидел в ложе.

– Сколько драматизма, Винсент. Ты не меняешься. Экспрессия, метафоры! Твой юношеский максимализм все ещё бегает без поводка? В твоём возрасте я уже обзавелся семьей и приумножил блага своего дома. А ты? Этот внешний вид, твои кривляния на сцене.

Я смотрела на говорящего и просто глазам не верила. Так не бывает! Только что я видела его на фотографии в коридоре, собиралась рассмотреть получше, и вот он стоит передо мной. Говард Вестерхолт собственной персоной.

Но моё удивление ни шло ни в какое сравнение со взглядом отца Винсента. Он словно привидение увидел, когда мельком взглянул на меня. Сначала он вздрогнул, затем шумно сглотнул, а после в его глазах промелькнула такая вселенская тоска, что мне стало не по себе. Хотелось спрятаться от этих пронизывающих изумрудных глаз, которые смотрели не совсем на меня, а в далекое-далекое прошлое. Видели, не меня, а другого человека. Человека, которого нам обоим не хватает. Вот уж не думала, что родственную душу я встречу при таких обстоятельствах. Мама, кем же был для тебя этот человек? Почему ваши инструменты сделаны одним мастером, а на фото вы выглядите такими счастливыми, что мне больно и завидно смотреть, ведь я не помню, чтобы ты так улыбалась мне.

Я не влезала в эту перепалку, а оставалась безучастным наблюдателем, слишком больно мне сейчас было от чужих секретов прошлого.

– Даже спрашивать не буду, как ты узнал, что я приеду в Аунсбрук. Виви, да? Она мне так отомстить решила и с тобой лбами столкнула. Прелесть какая! – раздражение Винса лишь набирало обороты, и я понятия не имела, во что выльется эта ссора.

– Не наговаривай на свою сестру. Она просто беспокоилась о твоём состоянии. Срыв перед конкурсом, дуэль с фройляйн Адель. Твои безумные планы, эта совершенно нездоровая пьеса и твои визиты в хоспис. Ты не в себе, Винсент. Это тебе нужна помощь с твоей

одержимостью. Я просто хотел убедиться, что не наделаешь глупостей и не навредишь Елене.

– Я? Я никогда. Это всё вы... – он с трудом сдерживался, чтобы не наговорить отцу лишнего в моем присутствии, только множа мои догадки.

Мама, виолончель, Говард Вестерхолт, вода, пьеса. Как связать все это воедино? Пока не все фрагменты подходят друг другу, мне не хватает кусочков мозаики. Но сейчас со мной в одном помещении два человека, которые знают правду. Вдруг кто-то проговорится, и я разживусь новыми кусочком.

– Ты так отчаянно ищешь во всем этом виноватых, Винс. Хочешь сбросить ответственность с себя? – настойчиво спросил Говард.

Гнев младшего Вестерхолта сменился какой-то пугающей отрешенностью, он горько усмехнулся и задал отцу встречный вопрос:

– А ты был бы счастлив, если бы в тот день погиб именно я.

О чем они? Мне только что словно целый мешок с кусочками на стол высыпали! За всю жизнь не разберешься, и не факт, что они от одной мозаики. Может, я вообще не в ту сторону копаю, и это какой-то личный конфликт Винса и его отца.

К счастью, раздался третий звонок. Я решила показать им пример, повесила свою сумку на вешалку, достала видеофон и выключила звук, а затем первая пошла в ложу.

Три заранее подготовленных бархатных стула, сервировочный столик с дорогими закусками. Бинокли, и даже программки с очерёдностями выступлений команд.

Свет постепенно начали приглушать, и я совсем не торопилась садиться. Как мне поступить? Сесть между разругавшимися отцом и сыном, или с краю?

Решила немного подождать. Винсент же не сбежит и не оставит меня наедине со своим отцом?

Подошла к сервировочному столику и ухватила двумя пальцами таралетку с красной икрой прямо с серебряного блюда. Может, наскоблить отсюда для Зибахера, как раз хватит на целую банку! Отлично, я способна шутить даже в такой ситуации, не все потеряно. Но аппетита у меня все равно не было, и я положила закуску на место. И налила себе прохладной воды из запотевшего кувшина.

Говард Вестерхолт решил мою дилемму с местами и сел с краю. Он взял в руки программку и принялся ее изучать. Теперь колебался только Винсент. Почему-то я подумала, что сейчас он просто отставит один из стульев в дальний угол, и на этом все и закончится. Тогда я окажусь в идиотском положении. Поторопилась и заняла место по центру, теперь-то Винни точно никуда не денется...

Тоже развернула программку, пока гасили остальной свет в зале.

– Какие-то там по счету Ночные Шуты? – спросил Винс и покорно сел слева от меня.

Я водила пальцем по длинному списку исполнителей. Да мы тут до глубокой ночи пробудем! Он бесконечный!

– Они почти в самом конце.

– Хорошо, – тяжело вздохнул он, а затем вытянул свою слегка дрожащую руку у себя на колене ладонью вверх.

Встретилась с ним взглядом и поняла все без слов, ему хочется поддержки, и я дала Винсенту ее. Накрыла его руку своей, и он тут же сплел наши пальцы.

Зал погрузился в кромешную тьму, а затем занавес медленно пополз вверх. Из-под него лился дымный лиловый свет и тихая, но нарастающая музыка оркестра.

– Дорогие зрители, приветствуем вас на отборочном туре для независимых музыкантов нашей страны и ближнего зарубежья, – раздался глубокий голос конферансье. – Этот вечер надолго останется в вашей памяти.

Вот тут он не ошибся, и дело уже даже не предстоящих выступлениях. Сегодня я начала встречаться с Винсентом, и почти сразу же познакомилась с его отцом. Незабываемо. Главное, чтобы он и моим отцом тоже не оказался. А такое спросить непринужденно я точно не смогу, потому мои планы на сегодня не выступление смотреть, а искать знакомые черты в лице Говарда и не выглядеть при этом сумасшедшей...

Глава 20

Подошла к сервировочному столику и ухватила двумя пальцами таралетку с красной икрой прямо с серебряного блюда. Может, наскоблить отсюда для Зибахера, как раз хватит на целую банку! Отлично, я способна шутить даже в такой ситуации, не все потеряно. Но аппетита у меня все равно не было, и я положила закуску на место. И налила себе прохладной воды из запотевшего кувшина.

Говард Вестерхолт решил мою дилемму с местами и сел с краю. Он взял в руки программку и принялся ее изучать. Теперь колебался только Винсент. Почему-то я подумала, что сейчас он просто отставит один из стульев в дальний угол, и на этом все и закончится. Тогда я окажусь в идиотском положении. Поторопилась и заняла место по центру, теперь-то Винни точно никуда не денется..

Тоже развернула программку, пока гасили остальной свет в зале.

– Какие-то там по счету Ночные Шуты? – спросил Винс и покорно сел слева от меня.

Я водила пальцем по длинному списку исполнителей. Да мы тут до глубокой ночи пробудем! Он бесконечный!

– Они почти в самом конце.

– Хорошо, – тяжело вздохнул он, а затем вытянул свою слегка дрожащую руку у себя на колене ладонью вверх.

Встретилась с ним взглядом и поняла все без слов, ему хочется поддержки, и я дала Винсенту ее. Накрыла его руку своей, и он тут же сплел наши пальцы.

Зал погрузился в кромешную тьму, а затем занавес медленно пополз вверх. Из-под него лился дымный лиловый свет и тихая, но нарастающая музыка оркестра.

– Дорогие зрители, приветствуем вас на отборочном туре для независимых музыкантов нашей страны и ближнего зарубежья, – раздался глубокий голос конферансье. – Этот вечер надолго останется в вашей памяти.

Вот тут он не ошибся, и дело уже даже не предстоящих выступлениях. Сегодня я начала встречаться с Винсентом, и почти сразу же познакомилась с его отцом. Незабываемо. Главное, чтобы он

и моим отцом тоже не оказался. А такое спросить непринужденно я точно не смогу, потому мои планы на сегодня не выступление смотреть, а искать знакомые черты в лице Говарда и не выглядеть при этом сумасшедшей...

Конферансье без умолку нахваливал всех выступающих, зал же отвечал довольно жидкими аплодисментами после каждого выступления. Задумка организаторов этого тура, или так выпал жребий, но исполнители, оказавшиеся в самом начале не были достойны не то что выхода в следующий тур, им даже на этой сцене находиться было нельзя. Они словно святыню своей игрой оскверняли. Всё-таки это во мне не меняется. Снобизм мой так никуда и не выветрился. Хвала Музам, эта часть меня мне всё же нравится, и я не хочу меняться. Если что-то плохо, я не хочу это нахваливать. Честность наше всё.

Винсент вообще уснул после четвертого выступающего. Слушать одинокого флейтиста оказалось просто выше его сил и любопытства.

– Разбуди, как что-то интересное начнётся, – сказал он и устроился у меня на плече.

Я попыталась возмутиться. Напомнить ему, что мы не одни, но его дыхание почти сразу же стало ровным, словно кто-то на невидимую кнопку нажал и перевёл его в спящий режим. Пусть спит. Ему ещё обратно вести нас в Академию.

– Мне очень жаль, Елена, что ты стала свидетелем этой сцены. Мой сын несколько несдержан, – ни с того ни с чего начал извиняться Говард, которому очевидно тоже наскучил концерт и идиотские реплики конферансье, который отчаянно пытался спасти положение.

Флейтист так перенервничал, что вместо высокой ноты издал жутко неприличный звук, как если бы громко дунул через рот с высунутым языком.

– Да ничего. Вы не слышали, как мы с дядей ссоримся. Большая часть грубых словечек в моем лексиконе – это его заслуга. Он говорит, что мямлю адвоката никто всерьёз принимать не станет, потому он никогда не стесняется в выражениях.

– И как поживает, Герр Хаслингер? – праздно поинтересовался Говард, но я уловила, как дрогнул его голос, когда он произнёс девичью фамилию моей матери.

– В трудах. Недавно вот забирал нас с Винсентом из клуба после выступления, – выпалила я.

А это вообще можно было рассказывать, вдруг у Винни отношения с отцом ещё сильнее испортятся? Но Говарда Вестерхолта это совсем не удивило. Он задал совершенно неожиданный вопрос:

– Вы с Винсентом теперь играете вместе?

– Так получилось... – и снова я, словно в чем-то постыдном признаюсь. Как если бы выступить на одной сцене с Винни было бы чем-то сродни сексу до свадьбы!

Ох... Надеюсь, об этом он не спросит. Я же вообще все ему выкладываю.

Но Говард до самого антракта больше ничего не говорил, да и на сцене не произошло ничего запоминающегося. Когда зажгли свет, он просто встал и вышел из ложи.

– Ну что там? – Винс потёр глаза, и не без удовольствия отметил, что отца его не было рядом.

– За все время мне заполнился только мальчуковая а капелла группа. Но по условиям конкурса они должны были петь что-то свое. А а капелла чаще заходит только как кавер бэнд. Так что провал. Надеюсь, наши девочки из академии это учтут и придумают что-то интересное. Жалко будет если “Святой Михаил” не дойдет до финала.

– Да уж. Но мне плевать на Циммермана если честно, это был его выбор. Он сам нас дисквалифицировал, пусть разгребает теперь.

Циммермана может и не жаль, а вот перед Майклом совестно, учитывая, что с ним я знакома лично.

Винсент встал и пошёл к столику с закусками. После того, как он поругался с отцом, я ждала чего угодно. Что опрокинет поднос, высыпет все на пол, плюнет в тарелку. Но он сделал самое непредсказуемое: начал есть.

– Я голодный, как чёрт. А отец кучу денег заплатил за все это.

– Ты же вроде за независимость в его глазах боролся? – улыбнулась я.

– Морить себя голодом ему назло это тупо. Да и потом его же сейчас тут нет. Скажу, что ты все съела, – совершенно не стесняясь, сказал этот проглот.

– Ну знаешь, Вестерхолт! Тогда подвинься, я тоже хочу.

В парамнезии есть плюсы. Забывать о плохом совсем неплохо. Вот мы смеемся, жуем и давимся. Нам хорошо вдвоём прямо здесь и сейчас, и я всё чаще думаю, глядя на счастливое лицо Винни, а не выбросить ли мне кусочки разбитой мозаики? Можно же создать сотни новых воспоминаний. Взять хотя бы сегодняшний день: блинный суп в волосах, голый торс в учительском туалете, предложение встречаться, гонка по лесу, поедание дорогих закусок.

– Вот это просто бомба! – он похвалил тарталетку с чем-то подозрительно зеленым внутри, и к чему я не спешила притронуться. – Хочешь? Последняя осталась.

– Нет спасибо. Ешь сам, – я наморщила нос, а Винс возьми и спроси:

– А так? – он зажал ее между губами и теперь с вызовом смотрел на меня.

– Уговорил. Попробую.

Винни наклонился ко мне, поймал меня за талию, коснулся моих губ рассыпчатым бочком тарталетки, и я на миг забыла как дышать, не то что есть. Но Винсент всегда остается собой. Быстрее, чем я сообразила, он отстранился и съел всё сам, оставив меня краснеть от смущения и таять в его объятиях.

– Слишком вкусно, я передумал. Прости.

Не ври. Ничего тебе не жаль, Винсент! Столько безумного лукавства его глазах, голосе, в этой хитрой улыбке! А затем он пошёл дальше в своей игре, взял и слизал крошки с моих губ кончиком своего языка. Это было так неожиданно, что я даже не успела оттолкнуть его, Винс первый отпрыгнул и теперь победно смотрел на меня. Я же касалась пальцем своих влажных губ, пытаюсь понять это было мерзко или мило. Лучше спрошу у него.

– Это что такое сейчас ты сделал, Винсент?

– Ну как же. Змеиный поцелуй. Сама меня любишь дразнить ползучим гадом. Понравилось? Мне вот очень. Вкусненькая Нана.

– Омерзительно, Вестерхолт. Целоваться, я так понимаю, ты тоже не умеешь.

– Не-а. Научи меня, Нана.

Он радовался. Широко улыбался мне, и в его лукавых глазах сейчас было столько света, и мне не верилось, что совсем недавно он ссорился с отцом, что в его голосе было столько не сдерживаемой

злости. Видимо, это было написано на моем лице, потому что улыбка Винсента стала вдруг немного грустной.

– Подойди, покажу тебе кое-что. Не хочу быть в твоих глазах законченным неадекватом, который орёт на своего отца. Не бойся, мой язык под контролем, – он продемонстрировал мне скрещенные пальцы.

Ну и как ему не поверить?

Осторожно подошла к нему, все ещё ожидая подвоха от этих болотных глаз.

– Дай свою руку.

– Её ты тоже оближешь? – спросила его, наигранно скривившись.

– Нет уж! Тебе её Намет поцеловал, хватит с тебя сегодня мерзостей.

Он не перестаёт шутить, и мне нравится такой его настрой. Видимо, мой парень выспался, поел и стал нормальным. Приму к сведению, что за этой змеюкой надо следить и вовремя кормить.

Протянула ему руку, а он взял её и прижал ладонью к своим рёбрам.

– Вторую, – командовал он.

Проделала тоже самое, все ещё не до конца понимая, чего он хочет. Что бы я полапала его? И как это связано с отцом?

– Чуть выше. Вот. Чувствуешь?

Я, конечно, не врач. Но что-то явно было не так. С левой стороны совсем иначе все прощупывалось. Я увлеченно изучала пальцами его ребра, и Винс хмыкнул.

– Щекотно.

– Я все ещё не понимаю? У тебя тут были какие-то переломы?

– Именно. И не какие-то, а вполне конкретные. Обычно он срывался умеренно, пара синяков, ссадин, но иногда забывался, что я его сын, и что я ещё ребёнок. Вернее, он мечтал забыть, что я его плоть и кровь. Видишь, Нана, не ты одна пыталась меня стереть из памяти.

Я отшатнулась. Столько надрыва и упрёка было в этой фразе. Винс страдал, и я была одна из тех, кто причинил ему боль.

– Он бил тебя? За что?

Это я ещё на отца обижаюсь за равнодушие? Но лучше уж холодность, чем такое.

– За то, что я ребёнок от нелюбимой женщины. Мой рождение и рождение Виви окончательно поставило крест на его мечтах.

Как мы лихо перешли от флирта к таким откровениям. Но я даже не знаю, что говорить в таких ситуациях, и нужны ли Винсенту слова утешения? Наверно нужны, раз находится с отцом ему всё ещё больно.

– Хочешь сбежим? Тут столько телевизионщиков, они наверняка транслируют концерт в прямом эфире. Посмотрим из машины. Заберем остатки еды и слиняем.

И икру для Зибахера! Тут ещё вполне хватит на взятку!

– Нет. Сбегу – покажу ему свою слабость. Хватит. Я устал. А ещё я хочу посмотреть, как Немет будет лажать. Он же почти не дает живых концертов, одни лишь студийные записи. Этот парень не может быть таким уж идеальным.

– Мы сейчас точно говорим о его выступлении, или ты просто ревнуешь, Винс?

– К нему-то? – пренебрежительно переспросил Вестерхольт. – А должен?

– Ну по поцелуям у вас с ним пока ничья, если твои облизывания считать за поцелуй.

– Провоцируешь меня, курочка? – его меланхолия вновь сменилась нежной угрозой. – Знаешь, сколько у нас было поцелуев?

– Не знаю. Я помню только один. Но это было о-о-очень давно. С тех пор ты обнулится, Винсент. Надо по новой.

Второй звонок, разумеется, нарушил наши целовательные планы, потому что почти в тот же миг, как Винсент сделал шаг ко мне навстречу, вернулся Говард Вестерхольт, словно всё это время он стоял там за занавеской и ждал удобного моменты, чтобы нас прервать. Винс снова перестал выглядеть беспечным. Он занял своё место, избегая даже смотреть в сторону отца, и постучал по соседнему стулу. С приходом его отца и мне стало некомфортно в этой ложе. Знать, что этот мужчина избивал родного сына. Вымещал на нем свою злость, винил в собственной не сложившейся личной жизни. Это бесчеловечно. А что же мама Винсента, неужели, не вставала на его защиту? Переломы — это серьёзно, наверняка вызывали врачей. Они тоже закрывали глаза на семейный произвол ради звонкой монеты Вестерхольтов? Или им ввали о нелепом падении с лестницы?

Неужели, не было никого, кто вступился бы за него? Дал отпор или утешил?

Раздался третий звонок, и свет снова начали гасить. Подступающая со всех сторон темнота выглядела странно пугающе. В этот раз она буквально пожирала зрительный зал кресло за креслом, пока очень быстро не добралась до нашей ложи. Первым во мраке исчез Говард. Я запаниковала, попыталась схватить Винса за руку, но поймала лишь пустоту. Ни крика, ни страха, даже эмоции на мгновение пропали из моего сознания, а затем я услышала рядом с собой болезненное шипение.

Моргнула. Свет быстро вернулся. Но только дневной, а не от люстр под потолком. Он проникал внутрь длинного коридора сквозь огромные окна, которые тянулись до самого потолка, оставляя на паркете ровные золотые квадратики, и я скакала по ним, боясь оступиться. Я всегда играла в эту игру днём. Потому что других игр у меня было мало. Мама с папой почти всегда были заняты, а от нянечки я благополучно сбегала.

Шипение стало сильнее, а вскоре сменилось сдавленным плачем, и я ускорила шаг.

Он сидел, привалившись к стене и дул на свою припухшую руку. Бледный, растрёпанный и злой. Злился он на меня. Как я догадалась об этом? Легко! Завидев меня, он перестал плакать и оскалился как дикий зверь.

– Чего тебе, Адель? Решила позлорадствовать?

Он даже губами не шевелил, когда произнёс это. Жуть какая.

– Больно? – я проявила участие к гадкому змеёнышу

– Не твоё дело!

Так уж нужно с ним возиться. Шумит так, что нянечка в два счёта нас найдёт и опять отведёт на кухню. Будет болтать с кухаркой, а та смея ради даст мне нож и будет умиляться, наблюдая, как я режу вонючий лук, от которого щиплет глаза, а пальцы потому ещё долго пахнут.

– Хорошая жена, должна в будущем уметь готовить, Елена, – часто повторяла она.

– Я заберу тебя с собой, когда выйду замуж, – упрямылась я. Зачем готовка, когда для этого есть слуги! Да и кухарка, несмотря на все свои кулинарные таланты мужа не нашла. Не в готовке, значит, дело! Но

этого я никогда ей не говорила, даже несмотря на всю свою детскую непосредственность. Хоть я и была заносчивым ребёнком, но чувство такта у меня имелось. Но только не рядом с Винсентом.

Не люблю, когда Вестерхольты приезжают к нам в гости. Моё детское сердце чувствует что-то неладное, только оно пока не понимает ничего во взрослых делах и разговорах. Но мне определённо не нравится, как меняется мама в такие дни. Как она носится по поместью, и чуть ли не сама берёт швабру в руки. Она журит меня за беспорядок в комнате. Заставляет складывать вещи, надевать лучшие платица и больно расчесывает мои волнистые волосы. А ещё Винсенту всегда достаётся так много внимания от неё. Она то подложит ему лишнее печенье в тарелку, то обязательно подарит что-нибудь. Игрушку или книгу. Чаще красивые нотные тетради. А меня она и не думает обучать музыке. Но я так хочу. С замиранием смотрю на её футляр со скрипкой и не смею открыть. Винсенту она разрешает, я слышала, как музыка лилась из закрытой комнаты, куда меня пускали. Мама часто глупо смеялась в присутствии Говарда Вестерхольта, а он отвечал ей тем же, и в такие моменты мне почему-то было жутко обидно за папу и за себя. Но что могла понимать маленькая девочка. У меня были лишь чувства, слишком непонятные для моего сердца.

А вот разодранная рука младшего Вестерхольта это даже немного приятно. Увидеть слабости этого противного мальчишки, его слёзы и стыд. Я была рада.

– Ты упал?

Зачем я вообще с ним говорю? Что в этом зазнайке такого, что мама носится вокруг него? Я хочу понять.

– Сказал же, отвали от меня, Адель. Ненавижу тебя, твою добренькую мамочку и весь ваш чистенький дом.

В тот миг я посмотрела на него совсем по-другому и осознала, что лишнее печенье в тарелке никогда не радовало Винсента. К игрушкам он не притрагивался и всякий раз дичился, когда моя мама тянула к нему руку.

– Так скажи своему отцу. Я тоже не люблю, когда вы приезжаете.

– Он не слушает меня. Я говорил тысячи раз.

– Тогда надо заставить их, – в этот момент я напоминала себе злодейку из детских сказок, а Винс с надеждой смотрел на меня:

– Как?

– Я что-нибудь придумаю. Поссорим их. А пока давай сделаем что-то с твоей рукой. Как ты умудрился?

– Упал. У вас скользкие полы. Натерли до мерзкого скрипа.

– По квадратикам бегал? – догадалась я, и в груди первый раз в жизни зазвенело, а гадкий змеёныш Вестерхольт стал чуть милее.

– Ты следила за мной, мелкая?

– Вот ещё! – я прыгнула на квадратик света и замерла, стоя на одной ноге. – Просто это моя любимая игра. Давай, кто быстрее до кабинета?

Я даже не надеялась, что он побежит за мной. Но мне отчего-то было важно заманить его туда, где мама хранит скрипку. Винсент выше, он точно дотянется и покажет мне, чему научился. А я поражу его своими талантами, я тоже кое-что умею. Я знаю хангрийскую песню, которая лечит раны.

Глава 21

Моё возвращение из давно забытых воспоминаний обратно в ложу напомнило пробуждение на мягкой перине под теплым одеялом. Только вместо перины — плечо Винсента, а одеялком стала его рука. Все это время он осторожно обнимал меня.

Не знаю, сколько выступающих сменилось за время моей дрёмы, зато теперь я знала чуть больше о себе, Винсенте и своей маме. Я была бойкой девчушкой, обожавший нарушать правила. И как это я умудрилась превратиться в зубрилку и формалистку? Винс... Когда меня облепило перьями и гадкой жижей, он спел мне ту самую песню из детства. Запомнил. Интересно, что он чувствовал, понимая, что я не узнаю его? Врагу не пожелаешь, а мы, кстати, были врагами и тогда, но явно недолго. Хочу увидеть ещё больше картинок. Мы же дошли до кабинета? Что было дальше?

Мама...

Для меня она всегда была идеалом. Моей несбыточной мечтой о любви и ласке. Как мне теперь притронуться к скрипке, когда с высоты моего опыта я понимаю и знаю больше, о чём даже не могла догадываться шестилетняя девочка.

По щеке стекла слеза, и я крепче прижалась к Винсенту.

– Курочка-соня, – прошептал он мне в макушку. – Тоже устала?

– Сколько я пропустила?

– Три жутко занудных выступления. А сейчас ты точно заценишь.

Смотри.

Он кивнул на сцену, где в огромном пышном платье девушка-скрипачка занесла над струнами смычок.

– Я тебе просто ненавижу, Винсент, – буркнула ему, прекрасно поняв этот намек.

Он лишь посмеялся, и от него ко мне перешли приятные вибрации. Мне нравится вот так дурачиться рядом с ним. Прыжки по квадратиками, музыкальные дуэли, поездки на старом фургончике, пошловатые шутки. Могла ли моя жизнь быть насыщеннее?

Прямо здесь в этом безумно красивом концертном зале, в дорогой ложе, рядом с самым крутым парнем королевства я счастлива. И даже

странные черные пятна в моём прошлом не омрачают момента. Здесь и сейчас я мысленно даю себе обещание больше никогда не желать стереть из памяти даже секунды своей жизни. Какими бы они ни были эти кусочки мозаики, я приму их и буду сильной.

Скучная скрипачка наконец закончила своё омерзительно идеальное выступление, и я с трудом не зевнула. Неужели я реально была такой же? Была. Кошмар.

Следующими на сцену вышли забавные длинноволосые ребята, которые пели что-то доброе. Кто-то брэнчал на укулеле, другой тряс маракасами, а милая пухлая девушка в смешных квадратных очках играла на клавишном и ритмично покачивалась в такт.

Они пели о мире, о желании быть собой и разрушить стереотипы, их иллюзии были очень милым, каждый создавал в воздухе увеличенную и немного мультяшную копию себя, не улучшая, а лишь подчеркивая свои особенности.

– Пройдут, – одобрительно сказал Винсент. – Не победители, но полуфинал или даже финал их ждет. Хороший посыл и качество выступления.

Ну если даже мой парень одобрил, точно ждать их в финале.

Следующей вышла невысокая девушка-подросток с зелено-голубыми волосами, корни которых были выкрашены в белый. У неё был единственный аккомпаниатор, который устроился за синтезатором и на него намеренно не направляли свет.

Я в жизни не слышала такого странного голоса: он не походил на пение, скорее мягкий бархатный шепот на ушко полный придыхания. Зал в едином порыве придвинулся вперёд, чтобы не потерять ни крупинки этой нежной и непринуждённой магии.

Я морская волна,
Щекочу океан,
Поднимаю со дна.
Кораблей караван.
В трюмах золота тьма!
Забирай, мне ж не жаль!
Вся в алмазах корма.
Мачты – горный хрусталь.
Я морская волна,
Я гневлю океан,

Я бужу ото сна
Шторм, грозу, ураган.
Сею хаос и боль,
Где лизну, слышен плач.
На щеках людских соль.
Я жестокий палач.
Я морская волна,
Я люблю океан,
Я слепая жена,
Он мой властный тиран.
У него таких жён,
Что на небе светил.
Лаской он опьянен.
Но вот с нами не мил.
Гонит к берегу жён.
К скалам острым как нож,
Поглотит он мой стон.
Выпьет пенную дрожь.

На последней ноте песни из её словно вытянули остатки воздуха, а зал ещё долго не мог оправиться от этого удивительного представления мощной стихией, которая нашептала нам эту сказку-песню.

Винсент никак не прокомментировал выступление, но по его одобрительной улыбке я и так все поняла. Финал будет интересным, а мы даже не видели выступление Шутов!

В ближайший час никому так и не удалось затмить это девушку, которую звали Милли Уолш. Ей семнадцать лет, и она не планирует поступать в академию. На своём примере хочет показать ровесникам, что образование не главное, а многого можно добиться собственным трудом. Интересно, поддерживают ли ее взгляды родители? А вдруг песня про морскую волну это как раз про попытки вырваться из привычной роли и выбрать что-то своё, чтобы мир так же выпил тебя досуха.

Глубоко! Добавила несколько её песен, чтобы послушать на досуге.

– Елена, тебе нравится такое? – спросил меня Говард.

Следит за тем, что я делаю в видеофоне?

– Интересное исполнение и посыл, – ответила ему, пряча экран. И давно он за мной наблюдает.

– А тебе, Винсент?

Винс напрягся всем телом, ему явно не хотелось продолжать эту беседу, но и показывать отцу слабость он не спешил.

– Довольно качественное исполнение. Милли, бросает вызов своей манерой пения. Ей не нужно быть громкой или вульгарной, она не пытается докричаться до слушателей. Вам нужно? Вот и слушайте, садитесь ближе, прекращайте болтать, кашлять и шелестеть. Гениально.

– Громко и вульгарно, – повторил Говард. – Это ты о своём коллективе сейчас?

Я ждала какой угодно реакции от Винсента, что он как минимум встанет и кулаками махать начнёт, но он удивил меня простым:

– Мой коллектив ты даже не слушал, отец. Виви отправляла тебе наши записи, но ты и словом не обмолвился о том, что мы делаем, можешь не пытаться зацепить меня – не получится.

Напряжение мгновенно сошло на нет. Это на них так расслабляющая песня про волны подействовала? Если так, то спасибо Милли. Всякий раз, когда Винсент начнёт когти выпускать, буду надевать ему наушники, в которых играют её треки.

Вечер набирал обороты. В зале начали появляться многочисленные плакаты, а в воздухе нарастало нетерпение. Публика готовилась встречать Адриана Немета. Я тоже с трудом могла усидеть на месте, когда до выступления Шутов оставалось несколько исполнителей. Я даже их не запомнила толком, а поддавалась всеобщему возбуждению.

Конферансье даже слово сказать не удалось, потому что зал в едином порыве начал скандировать:

– Немет! Немет! Немет!

Дым-машина погрузила сцену в непроглядный туман, и теперь нельзя было ничего разглядеть. Там явно происходила быстрая смена декораций, подготовка выступления, и вот уже первый гитарный аккорд резанул воздух. Он множился, расщеплялся, протыкал густой дым множеством лучей, пока к нему не присоединились ударные и бас. Напряжение нарастало, а туман уже напоминал грозовую тучу, которая грозила вот-вот вот разразиться громом и молнией.

Это и произошло, натужный визг гитары, и первым на край сцены выпрыгнул Иштван, потрясая своим ирокезом:

– Вы готовы?

Это было был явно риторическим вопросом. Зрители уже были в экстазе, они свистели, улюлюкали, хлопали, и Ишт дал им время успокоиться. Дым постепенно рассеялся, и перед нами предстали остальные участники группы. Ничего особенного, обычные повседневные наряды, старые потрёпанные инструменты, ребята оставались собой в любой обстановке: и в ночном клубе, и в оперном театре. Во всей этой панковатой и непринуждённой картине Адриан Немет выглядел немного неуместным пришельцем из другого мира, или даже божеством, спустившимся с небес. Он единственный кто переоделся. Толстовку с капюшоном сменило эфемерное одеяние в восточном стиле. Казалось, оно было надето прямо на голое тело. А Немету было чем похвастаться: атлетическая фигура, сильные плечи. Его образ был противоречив и в то же время гармоничен. Мощь и хрусталь. Волосы, серёжки в ушах, узоры на одежде светились небесно-голубым, а длинные пальцы с пластырями замерли над диджейским пультом, который больше напоминал небесный инструмент или даже скрижали самой судьбы.

Адриан легонько качнул головой, и висящий на его заколке кристалл издал звук падающей капли воды. Разумеется, это шло от диджейского пульта, но ощущения были такими, словно мы все в темной пещере идём на свет и звук. А он становился настойчивее ритмичнее, выводил музыкальный узор, в который медленно вплетались другие музыкальные инструменты: бас, ударные, тромбон, а затем Иштван запел. Сначала тихо, а потом всё громче и громче:

Блуждаю я во тьме,
Но свет не нужен мне.
В моей груди огонь,
Мне его хватает.
Я магии лишён,
И ей не искушён.
Искусству вечному
Не нужна огранка.
Но если хочешь ты
Узнать мои мечты,

Своей души тебе
Я покажу изнанку.

По задумке Шутов Немет был волшебником, который наделил волшебством музыкантов. Их простая одежда преобразилась, инструменты теперь были объаты магическими всполохами, и все происходящее на сцене демонстрировало внутреннюю силу каждого выступавшего. Пусть у них не было дара к созданию иллюзий, но они не только достойны выступать на равных с другими исполнителями, они могут их превзойти в мастерстве даже без магии. Вот каким был посыл этого выступления, и он находил отклик в сердцах собравшихся, ведь не всех Великие Музы наградили волшебным даром, но общество почему-то сочло простых людей недостойными высокого искусства. А это было несправедливо. Но я в жизни бы об этом не подумала, не попади я в ночной клуб вместе с Винсентом. Не окажись я на этом отборе для независимых музыкантов. Все это для меня новая дверь в огромный и неизведанный мир, о котором я почти ничего не знаю. Прямо сейчас мне вдруг тоже захотелось сделать что-то для детей мечтающих обучаться музыки, но не имеющих магию. Организовать гранты, открыть школы по всему королевству! Вот, что со мной делала песня Иштвана и его команды!

Гори вместе с мной
И в моем ритм пой
Мы мир перевернём
Силой наших песен!

Немет не переключал на себя внимания, он лишь служил проводником, добавляя музыке насыщенность, расставляя акценты, множа бесконечным эхом мощное пение Иштвана, превращая всё это в вязкий технопанк.

Его пальцы порхали над пультом, а затем он резко поднял руки вверх. Магия исчезла, фантастические одежды музыкантов вновь стали обычными, а инструменты больше не излучали света.

Напряжение спало, но голос Ишта не терял власти над зрителями, даже без волшебных иллюзий Немета.

Блуждаю я во тьме,
Но свет не нужен мне.
В моей груди огонь,
Мне его хватает...

На несколько секунд затихло все, включая зрителей. Весь зал был ошеломлён и приходил в себя.

– Это финал, – одобрительно сказал Винсент. – Они отлично пощекотали фантазии всех, кто обделён магией. Сильная песня, участие Немета, идея. Это серьёзная заявка на победу.

Я пыталась понять, он расстроен или нет? В полумраке ложи я разглядела его улыбку, а затем поймала полный азарта взгляд.

– Будет интересно, ты готова, Нана? Мы не можем проиграть!

Это было бы явно риторическим вопросом. Конечно, я готова. Лежачих бить никогда неинтересно, а Ночные Шуты теперь серьёзные противники. Но и мы не вчера музыкальные инструменты взяли в руки.

Глава 22

Мы не стали ждать окончания концерта. Время и так уже было за полночь, а я ещё надеялась попасть на завтрашние, то есть уже сегодняшние пары. Последние недели я не была образцовой студенткой, так что не могу позволить себе прогулять ещё день. Циммерман теперь точит на нас зуб за то, что мы выступаем как независимые музыканты. Никаких поблажек для подготовки к конкурсу у нас не будет. Винсент это тоже понимает. А ещё он не горит желанием провести ещё хоть минуту в ложе со своим отцом. Сухо попрощался с ним и первым направился к выходу. Я же чуть закопалась, что позволило Говарду слегка вывести меня из равновесия своим странным напутствием:

– Елена, если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, обращай за помощью. Как-никак мы одна семья. Ты мне почти как дочь.

Я лишь коротко кивнула, гадая, что он все-таки имел в виду? Мы семья, потому что я реально его дочь, или потому что встречаюсь с Винсентом, девушка его сына, считай названная дочь. Я только-только перестала заморачиваться на эту тему, и вот опять!

– Спасибо, – неуверенно поблагодарила я, и в совершенно потерянном состоянии побрела за Винни.

– Устала? – с пониманием спросил он, и я лишь кивнула.

Я почти убедила себя, что мы с Винсом никакая не родня, но последняя ремарка Говарда напрочь лишила меня этой уверенности, а спросить о таком напрямую у меня язык не повернётся.

– Ты что-то вспомнила да? – догадался Винс. – Ты же не просто так задремала. Рассказывай.

Я немного смущённо улыбнулась. Мысли о том моменте из детства вернули мне хорошее настроение, и я поведала Винни о нашем беге по солнечным квадратикам и своей волшебной песне на Хангрийском.

– У меня ещё так много вопросов, Винни. Что было потом?

– О? Потом самое интересное, – заговорщически сказал Винсент и взял меня за обе руки. Он нежно провел большими пальцами по

обратной стороне моих ладоней. – Ты встретила своего настоящего наставника. Того, кто первым заметил твой талант и научил играть на скрипке. Мы стащили ее из кабинета твоей матери. Угадай, какой мерзкий образ ты создала первым?

– Змеи...– сказала я, сквозь ком в горле. Мне не было грустно, просто иногда счастья бывает так много, что сердце не в состоянии его вынести, оно вырывается наружу слезами. Он научил меня играть, он открыл для меня путь в музыку. Все это время это было он.

– Ну-ну, – Винсент обнял меня и погладил по волосам. – Совсем моя курочка расклеилась.

Ещё хуже делает. Шутит, обзывается, топит меня в своем тепле, и я хочу уже в голос рыдать, как мне сейчас хорошо. А ещё мне страшно лишиться всего этого в одночасье. Вдруг опять забуду, вдруг папа запретит видеться с Винсентом, а вдруг мой папа мне вовсе не папа, а я тоже одна из рода Вестерхольтов и прямо сейчас жмусь к своему единокровному брату.

Помогите мне кто-нибудь!

И помощь пришла, откуда не ждали. Не мы одни не стали дожидаться финала вечера. Иштван со своей группой тоже шли к служебному выходу.

– Елена ден Адель плачет, осознав тщетность ваших будущих потуг на конкурсе? – едко спросил лидер Шутов, и у меня глаза мгновенно высохли.

– Ты точно панк? – я оторвалась от груди Винсента и смерила его надменным взглядом.

– А что не так? – растерялся парень.

– Выражаешься как моя покойная бабуля. Тщетность потуг, – изобразила его, и все остальные ребята из группы громко хмыкнули, и даже заколка в волосах Немета шкодливо звякнула, словно жила своей жизнью.

– Ничего не как бабуля, и вообще... – он аж покраснел от злости и стыда, но не договорил, Адриан вышел вперёд и протянул нам свою руку.

– Спасибо, что приехали нас поддержать. Иштван в жизни этого не скажет, но ему это было очень важно, он даже не фальшивил сегодня, зная, что вы в зале.

Винсент искренне ответил на рукопожатие.

– Всегда пожалуйста. То-то он так настойчиво заваливал меня сообщениями со ссылками, где купить билеты.

Ишт поджал губу.

– Ничего я не заваливал! Да хватит уже, – смущался лидер Ночных Шутов, а затем очень искренне спросил нас: – Ну и как вам? Шансы есть? Понравилось?

– А то ты сам не знаешь, – ответила ему вопросом на вопрос. – Вы сделали этот вечер.

Ребята радостно переглянулись между собой, и Иштван протянул руку мне, и только я собралась пожать её, как он сказал:

– Спасибо, курочка.

– Эй!

– Иштван, черту не переходи, только мне так её можно называть, – шутливо угрожал Винсент.

Странное чувство, я должна ненавидеть или хотя бы презирать своих соперников, но рядом с ними мне легко и просто. Мы делимся опытом, обсуждаем грядущий большой финал, желаем друг другу удачи. Мне нравится этот новый мир без вражды, где Хангрия и Острих наконец нашли общий язык.

Пока Винсент по-приятельски боролся с Иштом, Немет поманил меня в сторону, достал из кармана компакт-диск, подписанный простым маркером и протянул мне.

– Давно хотел передать тебе это, но, говорят, ты не пользуешься видеофоном и не выходишь в Эфир. Я ждал этой встречи. Надеюсь, ты найдешь на чем проиграть.

– Что там? – я покрутила в руках прозрачную коробочку.

– Подарок. Такую Софию Хаслингер ты точно не слышала. Здесь есть архивные записи, которые не были опубликованы, я занимался оцифровкой, нашел их. Здесь оригинальный звук и моё видение.

Ого. Там мамины песни в его обработке. Это действительно шикарный подарок, но вряд ли он меня сильно удивит, с каждым моим вновь открытым воспоминанием я осознаю, что свою маму я совершенно не знала, да и хочу ли узнать теперь? Не все двери хочется открывать, но я все же поблагодарила Немета:

– Спасибо, Адриан.

– Если вдруг у тебя с этим мрачным типом что-то не заладится, напиши мне. Я не только делаю крутые каверы с привычными вещами,

но и умею доводить до взрывного крещендо любой трек, – он подмигнул мне, а я прижимала диск к груди, пытаюсь понять, мне показалось сейчас, или под словом крещендо Немет подразумевал явно не увеличение силы звука, а что-то совсем другое?

***

Мои руки грел теплый картонный стаканчик с кофе, который мы купили на заправке. Я забралась на своё сидение с ногами и потонула в этом уютном моменте. Ночная дорога, терпкий бодрящий запах в салоне, Винсент. Мой Винсент. Он напряженно всматривался в даль и выглядел немного уставшим.

– Хочешь, подменю? – пошутила я, потому что мой опыт вождения ограничивался лишь одним, но ярким воспоминанием, когда я рулила сидя у папы на коленках.

– Ни за что! – отрезал Винсент и крепче вцепился в баранку.

– Да ладно. Дороги пустые, а я быстро учусь. Ну же, Винсент. Я очень хочу попробовать!

– Пробовала уже, – недовольно бросил он. – Этому фургончику и недели не было, как мы съехали в овраг. Ответственно заявляю, курочка, вождение это не твоё!

О как! Прямо в овраг? Убрала кофе в подстаканник и прижала к вискам указательные пальцы. Зажмурилась и начала громко пыхтеть, прерываясь на мычание.

– Ты чего делаешь-то? – рассмеялся Винс.

– Пытаюсь вспомнить. Вдруг ты врешь все. М-м-м-м-м!

– У меня на ноге остался шрам с тех пор.

– Покажешь?

– Можно, я все равно хочу остановиться где-нибудь на пару часов и вздремнуть, – он зевнул. – Не уверен, что доеду и не выключусь.

– А вот я бы довезла нас! Сна ни в одном глазу! – я продолжала спорить с ним.

– Ага, довезла бы до первого же дерева, – сонно передразнил он.

Через десять минут Винсент выбрал место для стоянки. Мы съехали с основной дороги и разместились на небольшой парковке. К происходящему я относилась как к очередному большому приключению. В машине я ещё не ночевала, и теперь потирала руки от нетерпения.

Винс тем временем отстегнулся и перебрался в салон. Я следовала за ним, гадая, что он задумал. Я бы тоже поспала, но на заднем диванчике не так много места для двоих.

Понять бы только, это хорошо, или плохо? Мало место – ближе прижмёмся... Ох Музы, о чем я думаю!

Винсент деловито потянул на себя за небольшую ручку на сидении, и оно разложилось во вполне себе просторную кровать. Пока я с легким благоговением наблюдала за этими метаморфозами, Винни достал пару подушек и плед. Основательно он подготовился.

– Правила следующие, курочка, – строго сказал он. – Одеяло не перетягивать. Не храпеть. И не доводить меня до греха.

– Сказал тот, кто мне почти что пропихнул язык в рот. Днем ты был куда сговорчивее.

– Скорее глупее, – быстро поправил Винсент. – Мы не знаем, как твоя память отреагирует на нечто подобное. Она возвращается к тебе рывками, и нужно быть осторожными. Обойдёмся пока без поцелуев, у тебя и так был насыщенный день.

– Это из-за моего видения в театре? Я подобралась слишком близко, да?

Винс нахмурился. Опять я задаю не те вопросы. Но теперь мне не только спрашивать ни о чём нельзя. Ещё и поцелуи под запретом.

– И когда же мы с тобой сможем ммгрешить?

Он закашлялся и многозначительно посмотрел на меня.

Когда я вдруг стала такой испорченной? А если Винсенту совсем это не нравится? Но как мне справляться с осознанием того, что я знаю его с детства, что он тот, кто заставил меня истово полюбить музыку. Он остался мне верен, даже когда я сама его предала и забыла. Невыносимо просто смотреть на него вот так.

На щеках опять стало влажно. Слишком много мыслей и чувств. Винсент прав, я могу не справиться с ними, если они нахлынут в одночасье.

– Вот об этом я и говорю, Нана. Маленькими шажочками, – он осторожно вытер мои слёзы. – Думаешь, я не хочу вдавить тебя в матрас? Да я каждый день, видя тебя в академии, сходил с ума и умирал раз за разом. Смотреть и не иметь права прикоснуться. Не знать, как начать с тобой разговор. Колкости да оскорбления – единственное, что было у меня в арсенале.

– Ты забываешь про песни!

– Но ты не слушала их. Я до сих пор не верю, что ты как-то догадалась, или подсказал тебе кто.

Шайло. Если бы не она, я бы в эту сторону даже не думала. Ненавидела бы Винсента всеми фибрами души за испорченное выступление и дисквалификацию. А рна включила мне ту самую песню, и всё закрутилось.

– Мне подсказали, – честно призналась ему. – Не боишься спать при мне? Я же много чего могу натворить по сне.

– Например? – с интересом спросил Винс.

– Стащу ключи и сяду за руль, – я принялась загибать пальцы. – Буду целовать тебя во сне. Влезу в тот футляр с виолончелью. Да мало ли, что я могу начудить, пока ты спишь!

Не говоря ни слова, он поймал меня за талию и утянул с собой на кровать. Она чуть подкинула нас вверх и натужно скрипнула пружинами.

– А я никуда не пущу тебя, Нана.

– Не отпускай, – покорилась я. – Больше никуда и никогда, пожалуйста, Винни.

Его мозолистые пальцы осторожно убрали с моего лица прядь, а затем Винс нежно поцеловал меня в висок.

– Никуда и никогда, Нана.

Если меня спросили бы, что такое абсолютное счастье, я бы непременно привела в пример этот миг. Небо над прямо нами, подглядывает мириадами звезд. Музыка наших сердец и дыхания, шорох одежды. Полная взаимность.

Но всё же оставалась одна червоточинка, и я хотела стереть её здесь и сейчас очень важным вопросом, который мучил меня с того самого момента, как я увидела фото моей мамы и Говарда Вестерхольта.

– Винсент, ответишь мне? Только честно!

– На что? – он фыркнул, когда я напустила на себя серьёзности.

– Обещай, что не будешь злиться или смеяться, – я продолжала ставить условия.

– Ничего себе разброс! Злиться и смеяться. Это очень разные эмоции. Жги, мне уже интересно.

Я собралась с духом и выпалила:

– Мы же с тобой не брат с сестрой, да?

Винсент

Никогда не думал, что скажу это, но все происходит слишком быстро. Когда ты годами ждёшь, хоть какого-то проблеска в непроглядной тьме её памяти, то вот такие озарения уже кажутся мне слепящим солнцем. И вот уже я щурюсь и прячусь от этого света, увиливаю от её умных вопросов. Взвешиваю, прикидываю, балансирую на грани, чтобы как в тот раз не выложить все.

Но кто мог знать... Кто же знал, что подталкивать человека, добровольно шагнувшего в забвение, сродни бросанию его в бездну. И оттуда уже не возвращаются. Я видел пустые глаза постояльцев хосписа для душевнобольных. Не знаю, зачем я решился пойти туда впервые. Владиславус намекнул, что мне стоит хотя бы раз посетить такое место, чтобы понять, почему Нану изолировали от меня, почему ей запретили ходить в школу и перевели на домашнее обучение, почему удалили все её страницы в эфире, фото, видео. Нашу переписку. У меня не осталось ничего кроме всепоглощающего чувства боли и вины. Я противился, отрицал, не верил, что можно вот так взять и стереть огромный кусок своей жизни и подменить его лживыми воспоминаниями. Но Нана сделала это, используя силу музыки, что когда-то связала нас, а теперь разлучила.

Я долго мялся на пороге хосписа для душевно больных, не решаясь зайти. Что я увижу в месте, куда отводят безнадежно больных, тех, кто потерял последний шанс вернуться к прежней жизни?

– Винсент? Винсент Вестерхолт? – поприветствовал меня жгуче рыжий парень с нечитаемым именем на бейджике.

Слишком радостная для такого места улыбка, появилась на его веснушчатом лице.

– Он самый, – ответил я, разглядывая санитаря и гадая, кого он мне так отчаянно напоминает. Но ничего не приходило на ум.

– Герр Хаслингер предупредил о вашем визите. Давайте, я организую вам небольшую экскурсию по нашей больнице. Вы же здесь за этим?

Микки. Я всё-таки прочитал корявые буквы на его бейджике. Их словно поверх чужого имени накорябали. Что это ещё за имя такое? Больше похоже на кличку. Он точно тут работает?

– Понятия не имею, зачем я здесь, – честно ответил этому парню и глубже засунул руки в карманы, мечтая оказаться где угодно, но не тут.

– Предлагаю начать с регистрации в журнале посещений, – любезно предложил Микки и пригласил меня к стойке. Он протянул мне ручку, и я вновь замер в нерешительности.

– Напишите вашу фамилию и имя вот здесь. Рядом укажите время, а целью визита давайте сделаем исследовательскую деятельность. Вы же студент?

– Нет ещё. Я только подал документы на поступление, но пока не решил, хочу ли я вообще учиться дальше, и есть ли теперь в этом какой-то смысл.

На лице Микки появилась понимающая улыбка. В отличие от всех моих знакомых, которые четко видели своё будущее, я не знал, как собрать свою жизнь обратно по кускам. У нас были планы с Наной. Мы бы поступили в одну академию, основали бы свою рок-группу, как мы всегда мечтали. Участвовали бы во всех конкурсах, прогуливали бы пары, нарушали все писанные и неписанные правила, но все равно оставались бы самыми талантливыми студентами Академии Святого Михаила. Я бы закончил обучение на два года раньше и пошёл в аспирантуру, лишь бы всегда быть рядом с моей девушкой. Написал бы какую-нибудь бестолковую кандидатскую, лишь бы не отчислили. Я точно не видел себя светилом наук. Мне лишь бы в общаге до выпуска Нана продержаться. Хотя к этому времени мы уже наверно снимали квартиру в городе. Поженились.

Я стиснул зубы, чувствуя нарастающую в груди боль. Ничего этого не будет. Нане даже смотреть в мою сторону теперь нельзя, чтобы не угодить в такой же хоспис. Пройдут годы, прежде чем она окрепнет настолько, чтобы я смог хотя бы заговорить с ней без риска убить её простым “привет”.

Так что да: совершенно не знаю, кто я и зачем я.

– Какие знакомые чувства, – улыбнулся Микки, и я лишь сильнее разозлился на него.

Ни хрена он не понимает. Ему не ведома и крупица моих страданий. Лучше бы молчал, чем топил меня в своём лицемерном сочувствии.

– Запишем как исследовательская деятельность, – подмигнул санитар. – Вдруг однажды Винсент Вестерхолт станет первым, кто найдет действенное лекарство от парамнезии и вернёт всех наших пациентов в реальность.

В жизни не слышал большей чуши, но что-то в этот миг приятно зазвенело в груди. Это был первый отголосок той самой надежды, которой мне так не хватало за долгие месяцы разлуки с Наной.

Иногда я думаю, что простодушный на вид Владиславус Хаслингер – гений. Великие Музы послали нам с Виви крестного, который заботится о нас истовее родного отца.

Отвечая на вопрос Наны, в каком-то роде мы с ней действительно брат и сестра. Не по крови, разумеется. По духу.

Её вопрос не застал меня врасплох. Я ждал его. Просто не думал, что она так быстро придёт к этой мысли. Сколько это уже крутится в её милой головке, и как много из нашего общего прошлого она уже вспомнила?

Поиздеваться над ней немного, или рассказать правду о нашем родстве? Соблазн слишком велик.

Глава 23

Почему он так долго думает. Ответ-то простой! Да или нет. Да или нет! Да или нет?

– Винс? – жалобно зову его, надеясь, что он положит конец моим мучениям.

Молчит. Ну точно! Мы родня. Меня аж замутило от этой догадки, а сердце рухнуло куда-то в бездонную пропасть. Если я права, то это настолько непреодолимое обстоятельство, что даже стирание памяти не спасет. Можно хоть каждый день забывать, что Винсент мой брат, но это не исправит того факта, что он на самом деле мой брат. Уехать? Поселиться где-то в глуши и любить друг друга на каком-то метафизическом уровне без прикосновений и поцелуев. Это выход. Музы, за что мне всё это? Совсем недавно он был мне безразличен, и вот я уже торгуюсь с собственной совестью, чтобы остаться с ним. Обрела его и вновь стремительно теряю.

– О чем думаешь? – спросил он, полностью игнорируя мой вопрос, но явно наблюдая за моей паникой.

– Придумываю тысячи способов быть с тобой, если окажется, что ты мой единокровный брат, – честно призналась я. – А ты продолжаешь мучить меня и молчать!

Винсент взял меня за руку и сплел наши пальцы. Медленно, нежно.

– Мне жутко нравится, как ты нервничаешь из-за этого. Это дает мне надежду, что если уж ты с такой информацией пытаешься примириться, то мы с тобой все преодолеем.

Ах нравится ему, что я нервничаю! Вот же змея скользкая. Опять увиливает и не говорит прямо.

– Винсент, я прошу...

– Всё сложно, Нана.

Великие Музы, я убью его прямо здесь и сейчас!

– Я честно не знаю, как обозвать правильно наш с тобой вид родства. Смотри, твой дядя...

У меня уже мозг закипает. Так мы родственники? Дядя... дядя... Он-то как замешан? Почему Винни делает такие длинные

драматические паузы?

– ...твой дядя наш с Виви...

Кто? Хватит уже тянуть. Мой дядя их отец? Мы двоюродные? Все равно ужасно и греховно, но как такое возможно?

– ... крестный.

– В каком смысле крестный? – я аж опешила. Ни одна из моих безумных теорий даже близко не стояла. – Как это?

– Он крестил нас с Виви. Владиславус что-то вроде нашего духовного наставника. Хотя чаще всего он вытаскивал нас из передряг, чем приобщал к святому писанию. Его настольная книга: уголовный кодекс, а не житие святых.

Я очень медленно соображала. Дядя Влад крестный Винсента и Виви. Хорошо. Это многое объясняет: их дружеский разговор в машине, но это не отвечает на мой главный вопрос. Мы брат с сестрой или нет?

– Я сейчас пешком до академии пойду, Винсент, ты уже бесишь меня.

Смеется, и от его смеха в груди все звенит. Так легко не смеются, храня тяжкую тайну.

– А что изменится, Нана?

– Отец не одобрит такие отношения, – выпалила я.

– Чей? Твой или мой? – хитро улыбнулся Винсент и тут же добавил, сгущая краски. – погоди... так он же у нас один на дво...

Не выдержала. Стукнула его подушкой прямо по наглой роже, но Винс продолжал ржать. Немного сдавленно и глухо из-под подушки, но по-доброму.

– Чокнутая курочка, – вынес он свой вердикт и попытался пригладить взлохмаченные волосы. – Но надо отдать тебе должное. Добраться до этого вопроса так быстро, кто надоумил тебя?

– Фото мамы и Говарда в театре. Они явно были не просто музыкальным дуэтом.

– Были, – горечь на мгновение проскользнула в его голосе. – Я тоже задавался этим вопросом. Поднимал свидетельства о рождении, прикидывал даты и в ужасе ждал совпадений в наших анализах. Я точно так же придумывал, что буду делать, если опасения подтвердятся. Планировал увезти тебя далеко-далеко, а любовь свою выражать лишь в песнях.

Это даже мило, если на думать о том, что он какие-то анализы собирал. Даже спрашивать не буду.

– И? – я подгоняла его, уже даже не надеясь, что он мне сегодня скажет правду.

– Барабанная дробь, курочка!

Он картинно постукал пальцами по воздуху, и, клянусь, я услышала этот тревожный набат.

– Ты мне никакая не сестра. Твой отец на самом деле Виллем ден Адель. Даже не знаю, почему я усомнился, и почему ты так переживала. Даже без анализов вы безумно похожи. Цвет глаз, волос, мимика. Паранойя превратила меня в безмозглого слепца

– А сразу ты мне сказать не мог? – продолжала бурчать я, пытаюсь скрыть, как сильно я рада. Даже не знаю, чему больше, тому, что нет никаких непреодолимых обстоятельств для наших с Винсом отношений, или что мой папа, действительно, мой папа. Мама не предавала его. Уже легчн.

– Шутишь? И тогда я бы не услышал твое признание. Ты прямым текстом сказала, что тебе было бы плевать на наше возможное родство. Ты пожертвовала бы нормальной жизнью, возможностью завести детей, репутацией... Я даже не надеялся это услышать.

– Это просто слова, вдруг я бы испугалась и врубил заднюю?

Нет. Это были не просто слова. Я говорила от сердца, и Винсент представить не может, как тяжело далось мне такое признание.

– Ты вообще редко разбрасываешься словами, Нана. Я ведь так и не дождался от тебя того самого заветного слова.

Я даже на локте приподнялась.

– Какого слова?

– Того самого, – уклончиво ответил он.

– Погоди? Мы столько встречались, и я ни разу не говорила тебе, что люблю?

Кивнул, а в глазах все те же лукавые огоньки. Но и я не такая простушка, чтобы вестись на подобную чушь. Он опять меня разводит.

– Не верю, ты либо врешь, и сейчас нарываешься на признание, либо я тебя на самом деле никогда не любила.

Ха! От лукавства не осталось и следа. Лицо у Винни сейчас было настолько потерянное, словно он проиграл Иштвану в музыкальную

дуэль и это показали в прямом эфире. Неужели хоть в этой пикировке я победила? Теперь-то я отомщу за его подтрунивания.

Но почему эта победа совсем не доставляет мне радости? Вид поверженного Винсента не самое лучшее зрелище.

– Я думал об этом, Нана. Ты всегда отшучивалась и избегала серьёзного разговора, но...

Он аккуратно коснулся пальцем моего лба.

– Именно то, что ты сделала с собой стало тем самым признанием. А теперь ты снова рядом со мной. И либо я настолько хорош, что ты полюбила меня заново, либо ты вспомнила прежнее чувство. Но в любом случае я победил и добился своего. Ты моя даже без слова на букву «Л». Можешь не говорить, я все равно знаю правду.

Надеюсь, в салоне достаточно темно, и Винсент не видит, как сильно горят мои щёки.

– Да-да ты говорил про чтение мыслей, – я наигранно зевнула, но тут же почувствовала чудовищную усталость.

– Именно, курочка. Ты для меня раскрытая книга с нотами детских песенок.

– И о чем же я мечтаю в этот самый момент, – я бросила ему очередной вызов. Детской книжкой меня назвал. Вот же!

– Ты очень хочешь спать. Так что быстро закрывай глаза, иначе мы точно опоздаем сегодня на пары.

Обманщик! Ничего ты не читаешь. Я прямо сейчас внушала тебе, что хочу поцелуй, а не спать. А ты вот так вот промахнулся. Но возражать и спорить у меня уже не было сил, я зевнула второй раз уже по-настоящему и на послушно уснула, уткнувшись в его грудь.

Понятия не имею, сколько мы так проспали. Час-два? Неделю? Меня разбудили яркие вспышки за окном, стук капель по крыше и оглушительные раскаты грома. Совсем хорошо. В такую погоду мы точно, далеко не уедем, и на пары я гарантированно не попаду. У меня столько икры, чтобы умаслить Зибахера. А физкультура у меня первой парой по расписанию. Я простонала от досады, а затем резко замерла и прислушалась. Рядом с нами лежал кто-то еще. Посапывал себе спокойно во сне и даже пнул меня коленкой. Присмотрелась и увидела девочку лет восьми. Густые черные волосы растрепались по подушке, бледное кукольное личико, пухлые алые губки.

– Виви? – услышала я свой детский голос. – Виви, ты спишь?

Она не отвечала. Но посапывать стала явно громче.

– Сходи со мной в туалет, – шептала я, нервно поглядывая на затылок Винсента, вдруг услышит. Мне отчего-то не хотелось, чтобы этот мальчишка знал, что я в принципе хожу в туалет. Дразнить же будет. Он вообще меня частенько подначивает. Особенно когда учит играть на скрипке. Постоянно придумывает всякие прозвища, и я уже сбилась им со счета. Новую кличку я просто не переживу.

Очередной раскат грома заставил меня вздрогнуть.

– Виви!

Теперь уже Винсент заворочался, и я стиснула зубы с досады. Осторожно поползла к краю, пригибаясь всякий раз, как комнату озаряла вспышка. Мне и без того всегда не по себе, когда мама привозит меня в гости в поместье Вестерхольтов, а в такую погоду, да ещё и ночью искать уборную! Но не пользоваться же заботливо приготовленным для меня горшком с крышечкой! Уже лучше сразу в штаны обмочиться.

Толкнула дверь спальни и утонула в темном, мрачном коридоре. Ночью все выглядело иначе. Слишком тихо и пустынно. Вестерхольты держат мало слуг. Садовник, кухарка, пара разнорабочих, да приходящая няня для Винни и Виви. Можно часами бродить по огромному дому и не встретить ни души. Вот и я брела по спящему поместью, дёргала ручки закрытых дверей и прыгала с ноги на ногу. Терпеть мне становилось всё труднее, а раскаты за окном звучали все устрашающе. Я уже жалела, что не добудилась Виви, или на худой конец Винсента. Никакие его подтрунивания не могут быть хуже этого блуждания в темноте. Я даже обратную дорогу не найду. Зачем мы вообще сюда приехали, почему мама не дождалась папу из командировки? Почему положила меня спать рядом с Виви и Винни так далеко от своей комнаты?

Я шмыгнула носом, чувствуя, что не за горами настоящие слезы. Очередная закрытая дверь. Но в этот раз снизу лился свет, а из комнаты доносились едва слышные голоса. Нужно было постучать, но я почему-то не торопилась, наклонилась к замочной скважине и прислушалась.

– Софи, эти встречи становятся всё невыносимее с каждым разом. Когда ты поговоришь с мужем? Я так больше не могу. Не могу отпускать тебя к нему. Это пытка!

– Говард, всё сложно.

– Он не дает тебе развод? Я найму адвокатов. Я слуг всех распустил, лишь бы о нас не узнали. Всё для тебя сделаю. Дети любят тебя. Виви расцвела, снова начала носить платья и плести косы. Софи, ты нужна нам!

– Нана не поймёт, она любит Виллема, – с горечью проговорила мама, и я вздрогнула, услышав своё имя.

– Виллему нет дела ни до тебя, ни до дочери. Он женат на своей работе и любит только ее. Софи, я сделаю вас счастливыми, в этот дом вновь вернётся искренний детский смех. Винсент тоже начал меняться, я давно не видел его таким живым.

О чем они говорят? Моё детское сердце не понимало многих сложных слов. Развод. Отец Винсента хочет, чтобы мы переехали сюда. А как же папа? Не понимаю. Он тоже переедет? Может, нужно смотреть, а не слушать? Заглянула в замочную скважину. Приглушенный свет. Мама сидит на столе и нервно покусывает ноготь большого пальца, а Говард стоит к ней слишком близко. И это странно. Гладит по ноге. Его ладонь поднимается все выше, скрывается под юбкой. Рывок. Стон, который оборвался поцелуем. Это не правильно. Мама не должна целовать другого мужчину. Мама не должна так дышать, словно ей и больно, и хорошо одновременно.

Что я скажу папе? Как я скажу папе? Они же не серьёзно? Это точно какая-то детская игра!

Отшатнулась от двери, заливаясь слезам, и тут же натолкнулась на кого-то и лишь чудом не закричала от ужаса, когда вспышка на улице не подсветила тёмный силуэт, у которого я никак не могла разглядеть лица. Ногам стало тепло, а страх мгновенно сменился облегчением и жгучим стыдом, когда я поняла, что это Винсент.

Он скользнул виноватым взглядом по моей мокрой ночнушке, а я ждала от него шуток, издевок, или чего похуже. Но Винс сказал лишь:

– Почему не разбудила? Я проводил бы тебя. В доме темно. Даже мне было жутко идти одному.

Я поджала губу. Мой самый страшный кошмар сбылся. Я так боялась, что Винни будет дразнить меня, а в итоге лишь сильнее опозорилась.

– Ладно. Пойдем-ка найдем тебе чистую одежду, у Виви сохранилось много старых вещей, а это я брошу в стиралку. Никто не

узнает, Нана.

Он протянул мне руку, и я жадно схватилась за нее, продолжая чувствовать тепло. Но уже в груди. Уверенность, которую щедро излучал Винсент, передалась и мне. Все будет хорошо, пока он рядом. Никаких больше секретов.

– Они там целовались, да? – с надрывом спросил Винни, и я крепче сжала его ладонь. Он все понял без слов и добавил: – Это плохо...

– Почему? – я надеялась, что раз он старше то объяснит мне все, но Винс оказался даже взрослее, чем я думала.

– Если твои родители разведутся, и твоя мама выйдет за моего папу, то ты станешь мне сводной сестрой, Нана.

Звучало не так плохо. Я хотела братика или сестричку, но родители так часто ссорились, что я уже и не надеялась на такой подарок.

– Мы будем чаще видеться, Винни.

Он резко повернулся и посмотрел на меня так строго, что я даже потерялась.

– Если ты станешь мне сестрой, то я не смогу жениться на тебе, Нана, как ты не поймешь!

Но это было слишком сложно для Наны из прошлого, а Нана из будущего готова была примериться и не с таким испытанием.

– Я им не позволю, – твердо сказал Винс. – Я сделаю все, чтобы они не были вместе.

Ледяная угроза в его голосе резала воздух словно нож. Я верила ей, я боялась её, и я проснулась.

Что же сделал Винсент, чтобы разлучить маму и Говарда, и удалось ли это ему?

На улице уже рассвело, а фургончик упрямо катился по утренней дороге. За окном уже мелькали знакомые пейзажи. Но больше всего я боялась взглянуть на Винни. Он точно сделал что-то плохое, а я стерла это плохое из памяти. *Никаких больше секретов, Нана?* Передразнила я саму себя и притворилась спящей.

Глава 24

– Ты огонь, а я лёд
Притяжение растёт
Мы уже у черты
Либо я, либо ты.

– Нет! – рявкнул Винсент. – Ласло, ты опять торопишься, Виви, вообще не держишь форму. Что с вами двумя происходит? Нана, а ты чего хрипишь, словно курильщица со стажем?

Усталость. Вот что со всеми нами происходит. Неделя зверских репетиций, за которую Винс загонял на так, что меня уже тошнило от нашей песни, музыки, и от него самого. Провинность у Зибахера в виде штрафных кругов по стадиону и уборки в раздевалке и душевых, приближающиеся зачеты, недописанная курсовая. Я ела на ходу, спала стоя и скоро начну мыться в университетском туалете, потому что не помню, когда я последний раз была в своей комнате. Винни только на словах говорил, что не боится конкуренции с Ночными Шутами, на деле же он каждый день пересматривал их запись, нервничал и срывался на нас.

Не думала, что однажды скажу такое, но:

– Винс, победа не главное. Может, хватит уже нас тиранить?

Спиной чувствовала одобрение Виви и Ласло, которым доставалось больше всех. Марко уже давно ничего не выражал, он ещё после аранжировки не до конца отошел и клавиши на своем синтезаторе жал на автопилоте.

– Я вас тираню? – искренне удивился наш фронтмен, и мы в один голос взвыли:

– Да, чёрт возьми, Винсент!

– Полчаса, и мы продолжим.

Классно он прислушался. Отложила скрипку и потянулась за бутылкой с водой. Я не чувствовала ни своих пальцев, ни голосовых связок. Винсент отчаянно пытался выжать из нас идеальный звук и, кажется, начал превращаться в какую-то извращённую версию меня. Не он ли стыдил меня за это совсем недавно. Толкал речи о мёртвой

музыке, а теперь он сам убивает в нас живое и естественное звучание, и никто не решается поставить его на место. Я бы сказала, но с той самой ночи, все мои мысли вращались вокруг другой его фразы:

– Я сделаю все, чтобы они не были вместе.

С тех пор я мучаюсь догадками. Одна страшнее другой, и Винсент уже не видится мне милым смущённым парнем. Он злой гений, и я немного побаиваюсь его. Избегаю, пока туман в моей голове не прояснится, и я не пойму, что его слова всего лишь слова восьмилетнего мальчика, и они ничего не значили да и не значат.

– Погнали!

Винсент снова повесил свою змеиную гитару на плечо, и мы взвыли. Очередной вымученный час, и снова наша игра совершенно не радовала ни его, ни нас. Я не верила в то, что мы делаем, и только Винни пел на разрыв, с каждым разом открываясь с новой, неведомой стороны:

*– Моя страсть, холод твой,
Для тебя я не враг, не герой.
Предрассудки долой,
Просто пой!
Со мной пой.*

Что ты же сам не можешь позволить нам просто петь и играть. Дрючишь как не родных. Разозлилась, и эта злость передалась моему голосу:

*– Шаг вперёд,
Два назад
Все не в такт,
Невпопад.
Мимо нот, мимо строк.
Я горю! Ты продрог.*

У меня даже дыхание сбилось, а голос сорвался на отчаянный крик.

– Вау, Нана! Ты так умеешь? – Виви хлопала, не скрывая восхищения, и даже Винс был наконец-то доволен.

– Запомни свой финт. Повторить сможешь эту ноту?

– Думаю да. Если ты дашь нам отдохнуть. От меня уже воняет как от грузчика. Хочу принять ванную и поесть горячего! А не бутерброды

на бегу!

Винсент сжалился и перенес репетицию на следующий день. Я же быстро убрала скрипку в футляр и рванула к выходу, пока он не передумал. В коридоре он догнал меня и поймал за руку.

– Я сделал что-то не так?

Я боялась этого. Мне придётся либо врать, либо задавать ему встречные неудобные вопросы. Не хочу ни того ни другого. Не сейчас, когда я зверски устала, а до поезда на Клостер-ам-Зее остались считанные дни.

Молчала. Боялась даже встретиться с ним взглядом и молила Великих Муз, чтобы кто-нибудь отвлек его.

– Винни, нормальный ты вообще! Побросал все и свалил, – раздался недовольный голос его сестры.

– Сейчас иду, – ответил он с явным раздражением и снова посмотрел на меня. – Нана, все в порядке?

– Пусти, я немного устала. Давай поговорим завтра, тебя Виви ждет.

Ответ ему не понравился, я видела, как дернулся его кадык, как напряглись скулы, как через силу он ответил:

– Хорошо. Тебя проводить?

– Не надо. Помоги сестре, я напишу тебе, как буду у себя.

Винсент долго не разжимал мою руку. И только после настойчивого кашля Вивьен он сдался и отпустил меня, а я преисполненная чувством вины отправилась в домик сестринства и даже не обернулась ни разу.

Понятия не имею, что ему говорить, он так остро реагирует на каждое мое озарение, а тут... Я даже не знаю, хочу ли услышать его ответ. В висках неприятно гудит, словно я уже подобралась к точке невозврата. Моей мамы не стало, когда мне было шесть, именно тогда Винс дал то страшное обещание. А если? Даже думать не хочу об этом. Мама умерла от болезни, это всем известный факт.

Остановилась, чувствуя, как земля уходит из-под ног. А что если это тоже часть моей парамнезии. Откуда я знаю о смерти мамы? Сказал отец, дядя или я просто помню? Но если последнее, то доверять таким знаниям я не могу. Они иллюзорны, выдуманы.

Достала телефон и сделала то, что хотела уже давно: набрала отца.

Слишком много гудков, я уже собралась сбросить вызов, когда услышала его заспанный голос:

– Слушаю.

– Папа... – ничего не меняется, сердце все так же тянет, когда я говорю с ним, я все ещё маленькая девочка, которая ждёт одобрения. Но только сейчас я понимаю, почему его никогда не было. Я напоминаю ему о маме, а скрипка в моих руках о ее неверности.

– Елена? Что-то случилось? Откуда ты звонишь? – впервые за долгое время я слышу хоть какие-то эмоции в его голосе. Он явно встревожен. Ещё бы! Мы общаемся только через письма, а тут звонок.

– Я купила видеофон. Заработала на него сама. Представляешь? Прости, что не писала.

В горле стоял ком, и облегчение моему состоянию не принесут даже слёзы. Если я так переживала, услышав за дверью комнаты Винсента возню, то что чувствовал мой отец годы назад?

– Ты молодец, Елена. Что с голосом?

Я сипло втянула воздух в грудь и честно призналась:

– Я жутко соскучилась по тебе. Через два дня в Клостер-ам-Зее будет мое выступление. Ты приедешь?

Я даже не уверена, что он в курсе моего исключения, что теперь я играю с Винсентом. Как такое сказать? Как он вообще относится к Вестерхольтам после всего?

– Я постараюсь, Лена. Влад рассказал, что теперь в группе. Я рад, что ты живешь полной жизнью. Ты всегда мечтала о чем-то таком.

Рад... Он рад? Я не ослышалась?

– И ты не против, что я с Винсентом?

Смех. Немного усталый, но все же смех.

– Я никогда не был против вашей дружбы, Лена. Ну кроме того раза, когда он влез в твою спальню, и я застал его в чём мать родила. Я бессилен перед стихией по имени Винсент Вестерхольт, и сдался я уже давно.

А теперь настала моя очередь смеяться. Винсент жив после такого. Великие Музы опекают моего парня.

– Я начинаю кое-что вспоминать, папа... – осторожно начала я.

– Винсент рассказал мне. Он держит меня в курсе с самого твоего поступления. Обалдеть!

– Ты так тесно общаешься с ним? Я думала...

Я как минимум думала, что папа против него, а как максимум, что спецслужбы скоро увезут моего парня с мешком на голове в неизвестном направлении.

– Лена. Есть вещи, которые приходят к нам лишь с годами. Этот странный мальчишка любит тебя с детства, а ты дорожишь им. Разлучать двух любящих людей нельзя, это обязательно приведёт к боли и трагедии. Твою маму когда-то выдали за меня, разлучив с...

– Я знаю, – перебила его. – Не говори... Не хочу! Пожалуйста.

– Раз ты всё знаешь, то поймешь. Я не держу зла на неё. Хотел бы, да не могу. Её больше нет, а я любил мою чужую Софи, несмотря ни на что. Так сильно Лена, что мне до сих пор больно смотреть на тебя, так сильно ты похожа на свою мать.

Я заливалась слезами. Холодность отца я всегда воспринимала иначе. Думала, что я недостаточно хороша для своего великого отца, на деле же причина была в другом. Но я этого не понимала, или не хотела понять.

– Давай сходим на её могилу вместе. Мы с похорон не навещали её вдвоём.

– Конечно сходим, Лена.

У меня все ещё было так много вопросов. Тех, что я не решилась бы задать Винсенту.

– Как она умерла?

Пауза. Слишком долгая, чтобы моя паранойя вновь не начала набирать обороты.

– Она тяжело заболела. Ты же помнишь.

– Помню... Просто, – я нервно закусил губу, но всё же продолжила. – Воспоминания возвращаются ко мне разрозненными кусками, и я увидела нечто странное. Не знаю, как к этому относиться.

– Спрашивай.

Собралась с духом, чтобы задать совершенно будничным вопросом, а не убивал ли восьмилетний Винсент мою маму. Прямо сейчас это кажется мне полным бредом, но я точно пожалею, если не спрошу.

– Я вспомнила, как в детстве Винс пообещал разлучить маму и Говарда Вестерхольта любыми способами... Он сделал что-то плохое?

Снова пауза. Папа словно подбирает слова, решает, что мне в моем состоянии знать положено, а что навредит.

– Он рассказал мне об их интрижке, Лена. Он умолял прекратить это, но позволять вам двоим видеться. Нёс какой-то бред, что собрался жениться на тебе. Это было так мило и наивно. Только чувства к тебе этого странного мальчишки дарили мне веру в лучшее. Не дали сорваться и натворить глупостей. Видят Музы я пытался наладить отношения с твоей мамой. Но...

– Но она умерла, – закончила я за него.

Как я вообще могла подумать о Винсенте так плохо? Убийцей его всю неделю считала, а он сделал то, на что я бы никогда не осмелилась. Принял удар на себя и рассказал моему отцу такой постыдный секрет.

– Лена, не живи прошлым. Ты выбрала другой путь, захотела забыть ту боль. Это было опрометчивым решением, но я принял его. Смирился. Возможно, и я бы хотел всё стереть, но не смогу никогда. Воспоминания о Софи слишком дороги мне. Но ты дай себе право на счастье. Вы оба заслужили и пострадали его. А разве папа не заслужил счастья?

Долго не могла прийти в себя после этого разговора. Отец все знал. Винсент и с ним поддерживал связь. Папа, дядя Влад. Голова кругом. Но зато получила благословение и ответы. Винни не убивал мою маму, он просто рассказал обо всем её мужу. Какая же я дура! Завтра обязательно извинюсь перед ним. Выложусь на репетиции, и мы выиграем этот треклятый конкурс!

С этими легкими мыслям я куда бодрее зашагала к сестринскому домику. Но чем ближе я походила, тем тревожнее мне становилось. На крыльце меня ждала Виктория и лениво листала диссертацию Флориана Майера по Парамнезии. Я нервно сглотнула, как если бы увидела на тропинке смертоносного хищника. Не убежать и не спрятаться. Мне бы виду не подавать, да поздно. Президент нашего сестринства довольно улыбалась, глядя мне глаза, а в них вряд ли читалось что-то кроме испуга. Если она узнает мой секрет, то легко может отправить меня на койку хосписа всего лишь парой фраз. А она явно о чем-то догадалась, раз читает работу Майера. В такие совпадения не поверить никто в здравом уме.

– Здравствуй Елена, – начала она первой, обмахиваясь пухлой стопкой распечаток.

– Здравствуй, – только и ответила я.

У меня всего лишь пара мгновений на раздумье. Проигнорировать нельзя, тогда будет ясно, что я на самом деле боюсь этих распечаток. Нужно что-то сказать, потому что это представление явно для меня.

– Приобщаешься к труду герра Майера? Я недавно изучала его работу, хотела найти что-то полезное для моей курсовой, – без запинки выдала я. Неплохо-неплохо.

Виктория удивлённо вскинула бровь и пригвоздила меня к полу следующим вопросом:

– И как эффект парамнезии связан с... – она прикрыла глаза, словно вспоминала что-то: – Методикой организации внеурочной работы в области музыкальной деятельности начальной школы. Так ведь звучит твоя курсовая? Святая Елена же у нас будущий преподаватель для маленьких детишек. Так мило и благородно. Попалась. Но кто мог знать, что Виктория следит за каждым моим шагом и наизусть выучила название моей курсовой.

– Я просто изучала, как Флориан оформляет работу, как выводы пишет, – уже не так уверенно ответила я, чувствуя, как злость начинает подниматься из глубин. Это не её дело, кем я вижу себя в будущем. И моя парамнезия её тоже не касается. Чего он хочет от меня в этот раз?

– Флориан? Вот так по имени? У вас прямо настолько доверительные отношения? – продолжала издеваться она, и я закусила губу.

– Он мой преподаватель, я с детства его знаю, – зачем-то оправдывалась я, вместо того чтобы прекратить этот пустой разговор.

– Я в курсе. Тут, – Виктория постучала по диссертации. – ...так и написано. И про детство и про ваше знакомство. Очень увлекательно.

Сглотнула. Что такого она там нашла? Я дальше вводной части так и не продвинулась, мне страшно было читать диссертацию целиком, особенно после предостережений Винсента. Я доверилась ему и решила не искушать судьбу. Позволила ему вести себя за руку по лабиринту моих воспоминаний.

– О, так ты не читала? – догадалась она. – Давай я сама зачту тебе. Ты не пожалеешь.

Все мои инстинкты кричали в один голос, что я как раз-таки пожалею, что надо бежать, зажать уши и не слушать. Но я не могла двинуться с места, замороженно следила за тем, как Виктория

раскрывает диссертацию на заранее заложенной странице, как ищет нужную строчку.

– Вот оно. Зацени, – она прокашлялась и начала читать: – *Пациентка Е.А. Возраст семь лет. Глубокое потрясение из-за утраты близкого человека...*

У меня подкашивались ноги. Е.А. Семь лет. Утрата. Слишком много совпадений!

– Да ты присядь, Лена. Тут такая драма. Эта Е.А. такая бедняжка. Интересно, кто она? Инициалы такие знакомые.

Бежать. Нужно бежать. Почему я все ещё здесь? Держусь обеими руками за перила, лишь бы не упасть.

– Продолжаем. *Девочка находится в плачевном состоянии. Не разговаривает. Не проявляет свойственной ее возрасту активности. Не идет на контакт даже со своим близким другом В.В.*

Винсент...

– *Отказывается от пищи. Стремительно теряет вес. Бла-бла-бла.* Тут они ещё много нагнетают и сгущают краски. Не вижу смысла читать всё. Ах вот! *Посоветовавшись с моим наставником профессором Амадеусом фон Циммерманом, я пришел к выводу, что контролируемая парамнезия станет спасением для ребёнка. Её время на исходе. Безумие сжирает её тело и душу. Мы осторожно скорректируем воспоминания Е.А., сгладим углы, и она сможет снова жить полноценной жизнью, забыв об увиденном. Хочу отметить, что мы прибегаем к этому методу лишь потому, что отец ребёнка В.А. исчерпал все имеющиеся у него ресурсы, и более никто не согласился подвергнуть его дочь такому вмешательству. Любая наша ошибка приведёт к тому, что Е.А. навсегда останется в состоянии делирия.*

Это уже было со мной! Мне стирали память и раньше. Дыхание стало частым, а перед глазами начали мелькать радужные блики.

– Хоть кино снимай по этому сюжету! Что думаешь, Елена?

– Думаю, что это не твоё дело, – огрызнулась я и попыталась обойти Викторию, но она поймала меня за руку.

– Моё. Пока ты трешься вокруг Винсента, все твои дела, теперь автоматически и мои дела. В любой момент по щелчку пальцев я могу отправить тебя в этот самый делирий, Елена. Мне достаточно просто выяснить, что же такое стерли из твоей памяти и ... Пуф!

– Ты угрожаешь мне? – я встала в полный рост. – Из-за какого-то парня? Ты серьезно, Виктория?

– Винсент не какой-то парень! Я люблю его, а ты отравила ему жизнь, сделала заложником ваших нездоровых отношений. Ты даже не представляешь, насколько невыносимо видеть, как он мучается годами, пытаюсь достучаться до тебя, быть ему просто другом, поддерживать, ждать, что он обратит на меня внимание. Слушать песни, которые он бесконечно пишет тебе. И ни одной мне! Хотя я всегда была рядом. И вот, когда он наконец поцеловал меня и позвал на настоящее свидание, ты вдруг начинаешь проявлять к нему интерес. Нет уж, Елена. Я не позволю тебе. Сблизись с ним и угодишь на первую же свободную койку хосписа. Терять мне уже нечего. Ты и так забрала у меня все.

Она швырнула в меня распечатками, а их тут же подняло невесть откуда взявшимся ветром и разнесло по всему кампусу. Даже сил злиться на неё нет за эту угрозу. Столько боли в её надломленном голосе, столько решительности во взгляде. Она так легко говорит о своей любви к Винсенту, я же до сих пор не могу признаться ему в чувствах даже в собственных мыслях. А вдруг она больше достойна его, и мне нужно отступить? Не из страха перед вечным делирием, а из заботы о Винни. Какое будущее его ждет со мной, ведь в любой момент я и без Виктории могу оказаться на первой свободной койке хосписа и вновь разобью ему сердце своим очередным забвением.

Глава 25

Эту ночь я провела без сна. Слишком много мыслей теперь роилось в моём беспокойном сознании. Злилась ли я на Викторину за её отчаянный шантаж. Нет? Хотела ли я отступить? Не знаю. Чем больше я думала об этом, тем меньше считала себя достойной Винсента. Сколько раз я предавала его, делала ему больно. Вдруг ему было бы лучше с Викторией, и я помешала его настоящему счастью. Легла набок и поджала ноги к груди. Они целовались. Выходит, Винс почти сдался, и лишь наша случайная дуэль оборвала его планы на спокойную счастливую жизнь. Высунула руку из-под одеяла и взяла с тумбочки видеофон. Поискала адреса ближайших хосписов для страдающих от ментальных заболеваний. Выбрала один и решила навестить туда прямо с утра перед парами. Все равно профессор по сценической речи перенёс занятие, а, значит, у меня есть целых полтора часа. С этой обнадеживающей мыслью завела будильник и задремала. Проснулась все равно раньше. Шайло собиралась на репетицию и от всего сердца проклинала своего партнёра по выступлению. Я улыбнулась под одеялом, вспоминая, как я ненавидела Вестерхольта, и чем это обернулось в итоге. Не удивлюсь, если к выпуску Кай Хапсбергер возьмёт мою подругу в оборот так, что Милош Мештер останется с носом, а Шайло выйдет замуж за принца. Я даже хихикнула и прихрюкнула. Слишком громко. Подруга отдернула моё одеяло и теперь недовольно нависла надо мной и скрестила руки на груди.— Смешно тебе, Лена? А этот мерзавец заявил, что я толстая, и он с трудом поднимает меня! С этими словами подруга попыталась ущипнуть себя за бок. Естественно, у ничего не вышло. У неё не было ни капли жира.— Может, это просто он такой хилый, — предположила я, и я глаза у Шай расширились.— Точно! Так ему и скажу, когда он опять попытается намекнуть на мой лишний вес. Ненавижу мерзавца!— Полегче Шай! Не то арестуют тебя за госизмену. наших правителей нужно чтить и уважать, а ты выражаешься о принце в такой непотребной манере, — я уже и не думала сдерживать смех и хохотала от души. Подруга побледнела. Но только на

мгновение.— Ой, да кто им скажет. Я только с тобой поделилась. Я уже слезы вытирала и совершенно не своим голосом добавила:— Ага-ага. Только мне? А я кто? Дочь Виллема ден Адель, министра обороны Острайха. Того, кто служит верой и правдой нашим венценосным! Шайло запустила в меня подушкой. Вот и все её уважение к сильным мира сего! Ей точно гнить в темнице. Я уже истерично хрипела от смеха, а она навалилась сверху и принялась меня щекотать.— Ух, Шай. А тебе и правда худеть надо. Ты чуть не раздавила меня! Красная, взмыленная она смеялась вместе со мной.— Кстати, попробуй в следующий раз на его очередную колкость сказать, что пусть тогда тебя сводит туда, где он сам правильно питается, и посмотри на его реакцию, — сыпала я советами. — Или лучше! Попроси приготовить тебе еду в контейнере.— Ты с ума сошла? Он засмеет меня перед всеми. Кай он же... Он принц, Лена, и желающих сходить с ним кафе предостаточно, — спорила она, и, клянусь, я слышала в её голосе досаду.— Но цепляется он только к тебе. Вспомни Винсента, не ты ли сказала, что он ко мне неровно дышит? — напонила ей.— Это другое! Кай не посветил мне все свои песни. Не кричит с каждого угла, как сильно хочет поцеловать мне и вжать в кровать. Теперь настала моя очередь краснеть. Но я почти сразу же вспоминал Викторину, которой за её доброту не досталось ни одной песни. Снова мне стало совестно перед ней. Но хуже была только жгучая ревность. Ничего не могла поделаться с собой и завидовала нашему президенту. Её не отягощает тайна, она не сойдёт с ума в любой момент, и Винсент почти забыл меня и начал с ней отношения!— Ты в порядке, Лена? — Шайо смутили перемены в моем настроении.— Да. Могу воспользоваться ванной? Ты уже всё? Трусливо сбежала, так и не поделившись с подругой своими переживаниями. Вызвала такси. Папа после нашего вчерашнего разговора зачем-то перевел мне денег с припиской: «На новый концертный прикид». А меня вполне устраивали старые. Зато теперь я могла шикануть и ехать не на автобусе, а быстро и с комфортом. Десять минут поездки показались вечностью, и я несколько раз хотела попросить водителя развернуться. Что я хочу увидеть в этом хосписе? Свою неотвратимую судьбу? Виктория ясно дала мне понять, что её намерения серьезны, и я хочу хотя бы знать, что меня ждет.— Елена! Какой сюрприз! — раздалось со стойки регистрации, и я громко выругалась, увидев знакомую рябую физиономию.— Это шутка такая,

Майкл? Он явно преследует меня. И я не пойму, чего он добивается.— Отнюдь. Я всегда предельно серьёзен, Нана. А ещё готов прийти на помощь мятежному сердцу. Я скрестила руки на груди:— Я буду соревноваться против команды твоей академии. С чего бы тебе помогать мне. Он лишь отмахнулся:— Брось, все знают, что вы мои адепты. Твоя победы — моя победа. Но я здесь не за этим. Да-да я в курсе, что святой Михаил решил свести меня с Винсентом и всё для этого предпринимает. Только все сложнее, чем может показаться на первый взгляд.— Сложности только в твоей голове, Елена Анна ден Адель. Пойдем проведу тебе экскурсию по больнице, только надень халат, а то я тут тоже на птичьих правах, — он ткнул себя в бейджик, на котором сам же от руки написал своё имя поверх чужого, и я закатила глаза. Поверить не могу, что передо мной самая могущественная Муза, в честь которой назвали нашу академию.— Уж придется поверить. Я само могущество, — игриво продолжал Майкл. Как же меня бесит, что он читает мои мысли. Словно кто-то без спроса зашёл ко мне в душевую, когда я только-только намылила тело. Унизительно, стыдно.— Зато экономит время. Я уже знаю, что тебя гнетёт, и тебе не нужно повторять заново свою историю про Викторину и твоё возможное попадание в вечный делирий.— И у тебя есть лекарство от моей парамнезии? — с надеждой спросила я, но Михаил лишь покачал головой.— У меня нет. Да и мне нельзя вмешиваться, я могу лишь вдохновлять и наставлять. Но я знаю одного талантливому адепта музыки, которые ищет лекарство от твоего недуга. У меня сейчас было столько вопросов. Я вся трепетала от этой новой надежды. Кто он? Как далеко продвинулся в изучении моего вопроса, могу ли я стать для него подопытной? Я готова! Майкл поморщился и прижал указательный палец к губам, всем своим видом показывая, что я его утомила своими мыслями. А вот сам виноват, нечего в них копать.— Халат! — строго напомнила мне Верховная Муза, а тем временем водрузила мне на голову колпак, а на лицо нацепила маску. — Теперь он не должен нас узнать. Себя Майкл замаскировал точно так же, а затем отвел к огромному окну, которое вело в нечто напоминающее комнату отдыха. Множество людей, сидящих на креслах-каталках, образовали полукруг и смотрели перед собой невидящими глазами. Я прижалась к стеклу и увидела... Винсента! Он играл на отцовской виолончели какой-то горько сладкий мотив. Что-то из детства. Вот мальчишка с

разбитыми коленками пинает мяч, разгоняет голубей, дергает пухлую девчушку за косички, а она с визгом отпрыгивает и грозит ему кулаком. Только один из пациентов с интересом слушал концерт, другие были к нему равнодушны. Но молодой человек, чье лицо было покрыто мелкими шрамами, не сводил глаз с Винсента, и по его щекам текли слезы. – Авария, – пояснил Майкл. – Вот тот парень не справился с управлением. Он выжил, но его девушка скончалась в больнице. Он попытался забыть, но что-то напомнило ему о случившемся, и он сошёл с ума. Газета ли ему попала, или кто-то из друзей брякнул, и вот он вечный пленник хосписа. – Что делает Винсент? Кажется, что пациент реагирует на его игру. – Именно. Он изучает их прошлое и пишет музыкальные произведения по мотивам их воспоминаний. К сожалению, родственники почти не дают ему никакой информации, ни альбомов, ни соцсетей. Винсент ищет все сам и пытается добудиться до пациентов. – И сколько он уже занимается этим? Я посмотрела на сосредоточенное лицо своего парня. Он заботливо выводил узоры непростой истории, и уже подобрался к первому поцелую своего подопечного. Пациент впился обеими руками себе в колени, а на лице появилась едва угадываемая улыбка. – Давно. Это стало смыслом его жизни. Ты его смысл, Нана. Неужели, ты действительно хочешь уступить его другой? Ты его муза, его вдохновение. – Он целовал её... Они могли стать парой. Майкл закатил глаза. – Это с её слов. А ты попробуй узнать его версию истории. – Ни за что, – отрезала я. – Не зарекайся, пока я слежу за вами двумя, вы будете играть по нотам! А дальше Майкл сделал то, чего я не ожидала от него, он громко постучал по стеклу и сорвал с меня маску и шапочку. Я попыталась отвернуться, чтобы Винс не узнал меня, поздно. Заметил. Смущённо помахала ему рукой и уже хотела было недовольно ткнуть пальцем в Музу, но он к этому моменту испарился, оставив после себя лишь испорченный бейджик на полу.

Винсент удивленно посмотрел на меня, а затем помахал, подзывая к себе. Притворяться дальше смысла нет, меня обнаружили. Знаками показала ему, что сейчас подойду и начала искать дверь в комнату отдыха. Едва зашла внутрь, то тут же потонула в прекрасной музыке, которую продолжал играть Винни, чтобы достучаться до больного, и у него это получалось. Молодой человек словно пробуждался ото сна, и

я сама уже переминалась с ноги ногу в ожидании чуда. Неужели он прямо сейчас вернет человека из делирия?

– Вестерхолт, остановись! – встревоженно скомандовал мужчина в белом халате, который все это время наблюдал за процессом из дальнего угла комнаты.

Короткие волосы с легкой проседью на висках, очки в прямоугольной оправе. Дорогие часы на запястье. На простого врача он не тянет. Заведующий?

– Ещё чуть-чуть, доктор Кайнц. Он же сейчас проснётся, смотрите! – крикнул Винсент и играл начал усерднее

Теперь иллюзии молодых людей начали весело кружиться и притопывать. Пухлая девочка с косичками превратилась красивую юную девушку. Она беспечно обнимала своего кавалера, позволяя ему вести в этом незатейливом танце под ярмарочную музыку. Смычек в руках Винса тоже задорно отплясывал на струнах виолончели, и мне уже самой хотелось радостно прыгать под этот задорный мотив. Пациент тоже постукивал пальцами в такт, а на его губах появилась легкая улыбка.

– Довольно, – взревел доктор Кайнц и грубо прервал игру. Его рука сжала плечо парня, находящегося в делирии, который уже готов был подняться на ноги. – Ты убьёшь его, Винсент.

– Риск оправдан. Я все контролирую, – спорил Винс, а врач вытер что-то на лице пациента и показал ему.

На салфетке была кровь...

– Контролируешь? Ты его доведешь до инсульта, и уж он-то и прикончит беднягу. Довольно. Я долго закрывал глаза на твои эксперименты, но они вредят моим подопечным. Оставь их уже в покое. Хватит. Они выбрали спасительный делирий сами, так пусть спокойно живут в нём.

– Разве это жизнь, доктор Кайнц? Посмотрите на них! Они уже мертвы. Позвольте. Это лишь небольшой побочный эффект, один рывок и он очнётся, я уверен, – не сдавался Винсент.

Нужно было сказать что-то. Поддержать его. Но вид крови на салфетке неслабо напугал и меня. А что если Винс правда заблуждается, и это путь в никуда, музыка не спасет, а убьёт, оказавшегося в делирии человека. Но если бы спросили меня, чего бы хотела я, остаться в бездне или попытаться выбраться из неё, хотя бы

ухватиться за краешек, подтянуться и спастись, я бы умоляла Винсента играть дальше.

Играй. Играй, умоляю. Не дай мне утонуть во мраке.

– А ты врач, Винсент? – спросил херр Кайнц. – Ты весьма посредственный музыкант, который решил самоутвердиться за счет больных. Твой диплом под угрозой, неплохая теория, но провисшая практика и никаких доказательств в действительности твоего сомнительного метода. Ты торопишься, потому что выпуск уже близко. Но я больше не позволю ставить эксперименты над моими подопечными. Уходи. Я аннулирую твой пропуск. Тебе здесь больше не рады Вестерхолт.

На Винсе не было лица. Он с силой сжимал смычок и не собирался сдвигаться с места.

– У меня почти получилось, доктор Кайнц. Я тороплюсь не из-за диплома.

С этими словами он бросил короткий виноватый взгляд на меня, и я все прекрасно поняла. Я уже стою на краю бездны.

– Я все сказал, уходи, или я вызову охрану.

Винсент криво усмехнулся, но с инструментом не расставался. Если не вмешаюсь, то все кончится плохо, и его точно выведут отсюда под руки. Сейчас он вызовет змей, медведей, и мы сожжем к чертям эту клинику, потому что я готова пальцами на столе отбивать смертоносное стаккато лишь бы помочь своему парню.

– Простите, – я громко кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Ты еще кто? – с раздражением спросил врач.

Мой выход. Добавила весь свой накопленный снобизм тону:

– Вообще то я Елена Анна ден Адель. Если вам говорит что-то мое имя.

Я горделиво вскинула волосы, надеясь, что произвела должный эффект на этого горе-лекаря, который не видит какой талантливый маг совершенно бесплатно пытается помочь ему с безнадежными больными.

– Я должен испугаться Елена Анна ден Адель, дочь Софии Адель в девичестве Хаслинггер, – передразнил меня врач, и я на мгновение растерялась. Обычно моя фамилия действовала обезоруживающе на всяких упертых баранов.

– Моя семья может выделить грант Винсенту Вестерхолту на дальнейшее исследование парамнезии, если проблема в деньгах, – я многозначительно потерла большим пальцем об указательный.

Винс хлопнул себя по лицу, а доктор Кайнц побагровел от злости.

– Подкупить меня решила? Твой отец в курсе, что ты козыряешь его фамилией и предлагаешь взятку должностному лицу?! Я заведующий этой больницы, ты хоть понимаешь, чем это чревато? Да тебя можно упечь в тюрьму на несколько суток!

Винсент отложил виолончель и поспешил ко мне.

– Доктор Кайнц, простите Нану. Она не со зла. Вопрос парамнезии и делирия очень остро стоит для нас обоих. Мы не думали вас оскорблять, тем более подкупать.

Заведующий чуть смягчился:

– Та самая Нана?

– Да, разрешите продолжить исследования, – взмолился Винс. – Я буду неукоснительно слушаться вас. Больше не стану спорить. Пожалуйста.

Кайнц лишь покачал головой:

– Прости, но на тебя и так поступает много жалоб. У пациентов в делирии наступают припадки, и родные считают, что это твоя вина. А твоей девушке я просто посоветую радоваться каждому новому дню.

– Потому что он может стать последним? – закончила за него.

– И это тоже. Винсент, оставь это врачам. Твоя идея была неплохой, и я уверен дипломом тоже кто-то да заинтересуется. Видишь, семья Адель готова выделить тебе щедрый грант на исследование, но лучше просто проводи больше времени с Наной. Это самое правильное, что ты можешь сделать для неё в вашем нынешнем положении. А сейчас сдай свой пропуск.

Винс молча кивнул. Убрал виолончель и смычок в футляр и не глядя на меня побрел к стойке регистрации. Не могла не чувствовать себя виноватой. Зачем я вообще рот свой раскрыла. Только разозлила этого холёного доктора Кайнца. Таких дорогих часов даже мой отец не носит. Откуда у заведующего хосписом такие? Надо навести о нем справки. Не нравится он мне.

Винсент тем временем протянул девушке на стойке свой пропуск. Расписался где-то, затем перехватил футляр поудобнее и бросил мне сухое:

– Идем.

Не смела даже заговорить с ним. Просто пыталась нагнать его размашистые шаги, пока мы не оказались на гостевой парковке. Винс зло открыл заднюю дверь фургончика, швырнул в салон футляр и направился к водительскому креслу. Села рядом на пассажирском сидении и быстро пристегнулась, а мой парень что есть сил ударил по рулю. Клаксон протяжно взвизгнул на всю округу. Уж если от этого коматозники не очнуться, то я уже и не знаю, что им поможет.

Эпилог

Внутренний голос подсказывал, что к Винсу лучше сейчас не лезть. Нужно дать ему спустить пар, и он это активно делал. Отыгрывался на своём фургончике, и гнал его по шоссе на пределе сил. К счастью, сил у старой машины было не так много, и мы не нарушали правил. А то, боюсь, останови нас сотрудник дорожной инспекции, я бы и перед ним фамилией своей трясла. А он бы этого точно не простил, и из участка вызволял бы нас уже дядя Влад. Тяжело вздохнула, и Винни словно скинул с себя оцепенение. Он бросил на меня короткий взгляд и снова вернулся к дороге.

– Прости меня, Нана, – он сказал это с таким надрывом, что меня желудок скрутило в тугую спираль.

– Это не тебе прощение просить нужно. Я зачем-то влезла и все испортила, – бурчала я, и Винсент рассмеялся.

– О нет! Ты точно ничего не испортила. Твоё появление было фееричным. Как, впрочем, и всегда. Я Елена Анна ден Адель! – уже в голос хохотал Вестерхолт. – Оказывается, это забавно, когда ты не меня прессишь. Боевая такая. Милая моя.

Я обиженно надула губу, а он возьми и потереби меня ласково по волосам.

– Всегда так все порти. Мне понравилось, Елена Анна ден Адель!

– И что теперь будешь делать?

– Продолжать исследования, разумеется, – ответил Винсент. – Это не первый хоспис, который хочет и дальше доить родственников своих подопечных. Они уже давно потеряли всякую надежду, слушают врачей и боятся что-то менять. Им проще заваливать доктора Кайнца подарками и платить ежемесячные взносы, чем рискнуть и вернуть близких.

Очередной раз восхитилась его целеустремленностью. Винни не из тех, кто сдаётся, дернув закрытую дверь, он обязательно найдет новую. Так вышло с нашим конкурсом, он отыскал способ принять в нём участие. Так вышло и со мной, он придумал как до меня достучаться и заставить вспомнить о нас. Уверена, он справится и с

этим новым вызовом. Несколько минут назад он остервенело бил кулаком по рулю, но вот уже снова смотрит перед собой взглядом полным надежды, так почему я должна сдаваться и опускать руки. Я тоже за него поборюсь, и Виктория мне не помеха!

Долго раздумывала, рассказать ли Винсу о нашей с ней беседе. Будет выглядеть словно я жалуюсь. А мне совсем не хочется выглядеть слабой при нём. Тем более, Виктория могла блефовать. Уж если я не могу так просто выяснить, что же такое я стерла из памяти, то ей это подавно не удастся.

А ещё меня грызла другая мысль. Виктория его подруга и утешение. Случись со мной непоправимое, он будет винить её до конца своих дней, даже если она в этом будет и не виновата. Подозрения отравят его сознание, и жить дальше он точно не сможет. А она из тех людей, кто смогла бы подарить ему новый смысл, и не сделать заложником хосписа, в котором я окажусь. Она сильная. Сильнее чем нынешняя я.

Решено. Я буду молчать. Глупо это или нет, только покажет время. Но и от Винсента я не откажусь.

Его позитивный настрой все же начал немного таять. Он снова выглядел подавленным. Видимо неудача в хосписе все же больно ударила по его мечтам и надеждам. Решила взбодрить его и пошутить, достала из кармана бейджик, который уронил Михаил.

– Если тебя больше не пустят на порог хосписа, ты всегда можешь замаскироваться, надеть халат и нацепить чужое имя, ты поди всех там уже знаешь.

Винсент даже от дороги оторвался. Вырвал у меня из рук табличку с перечеркнутым именем и спросил каким-то не своим голосом:

– Где ты взяла это?

Хороший вопрос. Если отвечу, что мне его подарила Верховная Муза, то в хоспис я загремлю без очереди.

– Обещай не смеяться, Винс, – строго сказала ему, пытаюсь выиграть время и придумать что-то правдоподобнее покровителя Святого Михаила.

– Михаил, да? Ха! В этот раз Майкл. Только ему в голову могла прийти такая идиотская конспирация. Я не сошёл с ума! Ты же видела его?

Так теперь уже я опасаясь за Винсента, выглядит он как безумный фанатик.

– Видела, – осторожно ответила ему, боясь, что мой парень окончательно двинется.

– Ты хоть представляешь, что это значит, – радостно приговаривал Винс, играя гранями своего счастливого безумия. – Микки! Майкл, задери его черти! Мы на верном пути.

Он вообще собирается мне объяснить что-то, или будет бесконечно повторять это имя?

– Это лучшая новость за сегодня, Нана. Микки, то есть Святой Михаил, подсказал как вылечить тебя. Он явился мне, когда я пересек порог хосписа в первый раз. Я тогда подумал, что свихнулся. Кто в здравом уме поверит во встречу с Музой?

А вот сейчас прозвучало обидно. Потому что я его видела уже трижды, хотя я не очень-то и здорова.

– Что он сказал тебе, Нана? До мелочей. Это важно! – требовал Винсент, и я вновь услышала в его голосе такое желанное воодушевление.

Нахмурилась, вспоминая слова Михаила:

– Он рассказал мне о парне, которому ты помогаешь вернуться. Его историю, аварию, и твой метод лечения. Как ты пишешь пьесы, посвящённые жизни попавших в делирий людей.

– И что он?

Да, собственно, все. Больше Михаил ничего толком не говорил. А ну посоветовал самой спросить об отношении Винса к Виктории. Но мне в жизни духу не хватит на такое.

– А потом он исчез, оставив после себя только вот этот бейджик, – соврала я.

– Неплохо-неплохо. Мы на верном пути, Нана. Мы все сможем, пока мы вместе.

Он легко крутил руль, объезжая неровности дороги, словно вёл не неповоротливый фургончик, а велосипед. Мне хотелось, чтобы мы не останавливались никогда, а ехали все дальше и дальше. Подальше от академии, Виктории и моих воспоминаний. Уверена, скажи я ему об этом, и Винс непременно развернулся бы и увез меня туда, куда я пожелаю.

Но я больше не могу оставаться эгоисткой и трусихой. Слишком много людей и семей зависят от дара Винсента, нельзя лишать их надежды. А я должна наконец встретиться со своим пугающим прошлым и выстоять. Ради него, моего талантливого парня, моего любимого врага. В этот раз я не сбегу!

Продолжение следует.